

Уральский
федеральный
университет

имени первого Президента
России Б.Н.Ельцина

Институт экономики
и управления

СОЦИАЛЬНОЕ УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ ГОРОДОВ РОССИИ И ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН: ПОТЕНЦИАЛ И МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ

Монография

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б.Н. ЕЛЬЦИНА
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ
ШКОЛА ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА СОЦИОЛОГОВ

**СОЦИАЛЬНОЕ УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ
В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ ГОРОДОВ
РОССИИ И ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН:
ПОТЕНЦИАЛ И МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ**

Монография

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2023

УДК 316.62-053.81
ББК 88.5
С69

Рецензенты:

И. С. Шаповалова, доктор социологических наук, профессор
(заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института управления
НИУ Белгородского государственного университета, член-корреспондент академии наук
социальных технологий и местного самоуправления);
Н. Г. Чевтаева, доктор социологических наук, профессор
(заведующая кафедрой управления персоналом и социологии Уральского института управления
– филиал ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ»)

Авторский коллектив:

М. В. Певная (введение, 1.1, 1.2, 1.3, 1.5, 3.3, 5.1, 5.2, заключение), Е. А. Шуклина (1.1, 3.1, 3.2, 5.2),
А. Н. Тарасова (4.1, приложение), А. В. Кульминская (2.1, 5.4), Т. Ю. Быстрова (2.3),
М. С. Федорова (2,3, 3.2), Д. В. Минченко (5.1, 5.3), Д. Ф. Телпаева (2.2),
С. Н. Костина (4.2), О. В. Нотман (1.3), М. Черникова-Бука (2.1, 2.2).
Под общей редакцией проф. М. В. Певной

С69 **Социальное участие молодежи** в социокультурном развитии городов России и постсоветских стран: потенциал и модель управления : монография / М. В. Певная, Т. Ю. Быстрова, С. Н. Костина [и др.] ; под общ. ред. проф. М. В. Певной ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2023. – 305 с. : ил. – 500 экз. – ISBN 978-5-7996-3610-4. – Текст : непосредственный.

В монографии отражены результаты реализации научного проекта, позволившие группе социологов, философов, архитекторов и урбанистов развить теорию социального участия молодежи. Определены теоретико-методологические основания изучения феномена молодежного участия в социокультурном развитии городов, на основе данных, собранных в четырех регионах посткоммунистических стран, определены перспективы совершенствования управления молодежной активностью в нашей стране.

Монография рассчитана на широкий круг читателей – студентов социологических, экономических и управленческих специальностей, преподавателей, аспирантов и научных работников, государственных и муниципальных служащих, всех тех, кто интересуется проблемами городского развития, социологией молодежи, управлением социальной и гражданской активностью.

Издание подготовлено при финансовой поддержке Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (грант на издание коллективных монографий 2022 года).

Исследование проведено в рамках проекта, получившего поддержку РФФИ, № 20-011-00471

УДК 316.62-053.81
ББК 88.5

© Певная М. В., Шуклина Е. А., Тарасова А. Н. и др., 2023
© Уральский федеральный университет, 2023

ISBN 978-5-7996-3610-4

ВВЕДЕНИЕ

Тенденция активизации молодежного участия в развитии социокультурной сферы российских городов фиксируется в последнее время в многочисленных междисциплинарных исследованиях. В сочетании с динамичными изменениями в коммуникационном пространстве и экономическом укладе городской жизни она становится значимым фактором развития современного города. В связи с этим углубленный анализ сущности конструктивных социальных практик молодежного участия, а также поиск эффективных и своевременных способов трансформации публичного управления активностью городской молодежи действительно актуален. Оценка потенциала молодежи урбанизированных территорий постсоветского пространства, имеющих общие социокультурные характеристики, детерминированные схожим историческим бэкграундом социальных и экономических проблем, – интересная научная задача.

Для выявления потенциала молодежного участия авторы монографии попытались ответить на несколько исследовательских вопросов. При каких условиях молодые горожане участвуют, либо могут соучаствовать в социальных проектах, необходимых для сохранения культурной идентичности и комплексного развития городов? Какими характеристиками обладают те конструктивные социальные практики, которые являются значимыми как для самой молодежи, так и для социокультурного развития современного города? Что возможно сделать в организации молодежной активности? В какой среде молодежь может реализовать себя и при этом усвоить определенные конструктивные паттерны поведения как в новом цифровом обществе, так и в традиционных территориальных границах современных городов?

В этой научной книге представлены результаты исследовательского проекта, которые позволили концептуализировать и изучить потенциал социального участия городской молодежи как внутреннего ресурса социокультурного развития урбанизированных территорий, выявить возможности и перспективы

конструктивного управления им в региональных пространствах России и постсоветских стран.

Написание коллективной монографии «Социальное участие молодежи в социокультурном развитии городов России и постсоветских стран: потенциал и модели управления» имеет самую тесную связь с направлением *Social Policy and Administration*, получившим определенный импульс благодаря активности целого ряда научных групп Школы государственного управления и предпринимательства Института экономики и управления Уральского федерального университета в последнее десятилетие. Будущее любой страны во многом зависит от молодого поколения ее граждан. Создание общественной среды, обеспечивающей возможности личностного и профессионального развития молодых россиян, способствующей достижению баланса интересов личности, отдельных социальных групп и государства, – важная управленческая задача, которая требует научной проработки. Особенно это важно в условиях геополитической и экономической дестабилизации, когда идеологические государственные позиции оказываются под серьезным давлением, возрастает социальная роль и ответственность самого населения. При бессилии поколения на геополитической арене остается ответственность молодежи за происходящее в их повседневной жизни.

Проблематика, раскрытая в монографии авторским коллективом, междисциплинарна. По своей сути она затрагивает несколько актуальных проблемных областей как в теоретическом, так и практическом смысле. Во-первых, традиционное понимание молодежи как демографической социальной группы, выделяемой по возрастным границам, в контексте публичного управления, в реализации молодежной политики не совсем продуктивно и теряет свою актуальность в связи с разнообразием молодежных подбщностей. Выстроенные традиционно, по-старинке, практики работы с молодежью, в том числе в городском управлении, управлении конкретными организациями в сфере образования, культуры, сферы социальной защиты вступают в определенные противоречия с жизненным миром целого ряда молодых людей и девушек. Во многом это связано с тем, что мы переживаем вторую волну фундаментальных социальных изменений,

которые начали происходить в относительно стабильное время и были связаны с поколенческими сдвигами на фоне технологических изменений и глобальной трансформации коммуникативного пространства¹, а не с радикальными реформами². Противоречия обнажились благодаря острой политической повестке, где часть поколения вынуждена была покинуть страну.

Исследователи фиксируют практически во всех странах мира определенные изменения ценностей среди молодого поколения. Однако эти изменения трактуются противоречиво, иногда отражая разницу в декларируемых ценностях и реальных действиях современной молодежи. Там, где Р. Инглхарт видит ценности самореализации, Д. Твендж отмечает завышенную самооценку, стремление привлекать внимание к своей особе и нереальные высокие ожидания от будущего³. В условиях, когда все чаще подвергается критике концепция постмодернистских ценностей, доказываемое большее влияние показателей экономического благополучия и социального равенства, чем демократических институтов на социально-экономическое развитие стран. Здесь важно отследить общие характеристики молодежи постсоветских стран, где достаточно продолжительное время воспроизводилась идеология социального равенства и справедливого государства.

Особенно интересно это было отметить на фоне неожиданных результатов, зафиксировавших резкий рост намерений молодых людей в отношении их социального участия. Данные, полученные исследователями Левада-центра⁴ (опрос молодежи России, Украины и Белорусии в сентябре 2018 года), показали готовность принимать участие в работе общественных и политических организаций более половины респондентов России и Украины, чуть меньше половины в Белорусии. Работать волонтером в целом согласны от 41 % до 50 %, участвовать в уличных

¹ Кастельс М. Власть коммуникации / М. Кастельс. – Москва : НИУ ВШЭ, 2016. – 568 с.

² Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ / В. В. Радаев // Социологические исследования. – 2018. – № 3. – С. 15–33.

³ Давыдов Д. А. Концепция постматериализма Р. Инглхарта в критической перспективе / Д. А. Давыдов // Научный ежегодник института философии и права УрО РАН. – 2018. – № 3 (18). – С. 86–102.

⁴ Признан иностранным агентом в РФ.

митингах и акциях согласилась треть молодых россиян и украинцев и пятая часть в беларусов¹.

В России в последнее десятилетие формируется особое молодежное пространство с широкой вовлеченностью молодежи в разнообразные формы социального и культурного участия в жизни общества, отличающееся большой вариативностью, маргинализацией и периферизацией субкультурных групп и молодежных сообществ². Молодежь ориентирована на собственный успех, материалистическое настроение и персонификацию. В системе ее смысложизненных ценностей важными модусами стали эгоцентризм и индивидуализация³. Она нацелена на адаптивность, решительность и целеустремленность⁴, ценит себя и здоровый образ жизни⁵, все чаще откладывает семейные планы⁶. Мышление большинства представителей данного поколения характеризуют клиповое мышление и внешняя память⁷. При этом молодежь российских регионов обладает более «рыночным» типом трудовой мотивации, имеет низкий уровень притязаний, согласна на малое при гарантии стабильности⁸. В молодежном сообществе в

¹ Образ будущего глазами молодежи. – URL: <http://zukunfts bild.nemstovfund.org/2019/> (дата обращения: 21.12.2022).

² Омельченко Е. Л. Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? / Е. Л. Омельченко // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. – 2019. – № 1. – С. 3–27.

³ Голенкова З. Т. Региональная молодежь в нелинейном глоболокальном социуме: новые формы социального напряжения / З. Т. Голенкова, Т. А. Хагуров // Вестник РУДН. Серия : Социология. – 2022. – № 22 (2). – С. 291–305.

⁴ Ростовская Т. К. Ценностные ориентиры современной молодежи: особенности и тенденции : монография / Т. К. Ростовская, Т. Б. Калиев. – Москва : РУСАЙНС, 2019. – 155 с.

⁵ Филоненко В. И. Социальные ценности и проблемы здоровьесбережения студенческой молодежи / В. И. Филоненко, Т. С. Киенко // Власть. – 2019. – № 2. – С. 164–170.

⁶ Судьин С. А. Развитие готовности молодежи к семейной жизни и меры поддержки студенческих семей / С. А. Судьин, Г. П. Сайфуллин // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия : Социально-экономические науки. – 2022. – № 15 (1). – С. 209–221.

⁷ Шаповалова И. С. Онлайн перспектива в образовательных траекториях молодежи / И. С. Шаповалова, Ю. Ю. Генкин // Научный результат. Социология и управление. – 2019. – № 4 (5). – С. 91–102.

⁸ Андрианова Е. В. Мотивы и трудовые ценности молодежи: парадоксы развития / Е. В. Андрианова, А. Н. Тарасова, И. Ф. Печеркина // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2018. – № 3. – С. 324–343.

последние годы нарастали космополитические взгляды¹, стремления к позитивным изменениям как в собственной судьбе, так и в жизни общества².

В условиях постоянных изменений, неопределенности, которая все чаще проявляется во взаимодействии молодежи и общества, глубже актуализируются средовые риски, имеющие системный характер и продуцируемые, как правило, дисфункциями социальных институтов. В обществах, переживающих эволюцию без социальных потрясений и сохраняющих благодаря действующим интеграционным механизмам относительно устойчивый уровень социальной солидарности, риски локализуется, принимая латентные формы³.

Латентные риски среды, связанные с неэффективным распределением государственных средств, проявлениями коррупции, ухудшением условий проживания, безработицей и другими проблемами XXI века в условиях повышения доступности информации и усиления манипуляции последней, порождают новые виды и формы общественной активности молодежи. В это же время в условиях информационной войны по всему миру широко применяются технологии «мягкой силы» и «управляемого хаоса», направленные на «заражение» других народов. Посредством новейших коммуникативных технологий на просторах глобального социокультурного пространства предпринимаются попытки качественно изменить ценностные ориентации, нравственность, духовность, традиции народов, стран и культур⁴.

Массированный патриотический дискурс публичной политики современной России привел к разнонаправленным проявлениям, с одной стороны, к усилению социального напряжения и увеличению протестного потенциала молодежи, с другой

¹ Деточенко Л. С. Гражданская идентичность современной студенческой молодежи: особенности и факторы трансформации / Л. С. Деточенко, А. С. Магранов // Социологические исследования. – 2018. – № 8 (412). – С. 108–115.

² Шайхисламов Р. Б. Молодежные протестные настроения глазами российской молодежи / Р. Б. Шайхисламов, Г. Р. Асадуллина, Э. В. Садретдинова // Научный результат. Социология и управление. – 2021. – № 3 (7). – С. 104–121.

³ Зубок Ю. А. Современная социология молодежи: изменяющаяся реальность и новые теоретические подходы / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Россия реформирующаяся: ежегодник. – 2017. – № 15. – С. 12–48.

⁴ Адамьянц Т. З. Коммуникационные механизмы современных смысловых противостояний / Т. З. Адамьянц // Социологические исследования. – 2019. – № 3. – С. 98–105.

– к укреплению позиций патриотически настроенных молодых людей и девушек. Однако, по мнению социологов НИУ ВШЭ, помолодевший протест городской молодежи является новым типом гражданской включенности, когда гражданское сознание юных горожан проявляется через участие в городской жизни – от культурной активности до волонтерства. Для российской молодежи сегодня важна социальная польза их действий и справедливость¹. Возникает закономерный вопрос, можно ли новые технологии коммуникации и новые формы гражданской вовлеченности городской молодежи направить во благо социокультурного развития территорий, когда неэффективное и даже пагубное влияние имеет массовая пропаганда и централизация управления? В связи с последним крайне важно понять суть, специфику наиболее перспективных форм социального участия молодежи, городского волонтерства как одного из активных видов последнего, а также особенности управления их организацией в социокультурной сфере.

В социокультурной сфере анализируемых в монографии городов важнейшее место занимают университеты. Именно они концентрируют студентов, меняя локальную демографию, скорость развития города, стимулируя местную экономику и политику², сохраняя города в кризисы³, формируя внутренние и внешние трудовые ценности, способствуя восприятию работы как общественного долга, повышая вероятность формирования ценности саморазвития⁴. В рамках третьей миссии в последнее время практически повсеместным является партнерство университетского знания и ресурсов с общественным и частным сектором с целью улучшения образования, исследований и креативности, подготовки образованных, активных граждан, укрепления демократии и гражданской ответственности,

¹ Омельченко Е. Л. Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? / Е. Л. Омельченко // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2019. – № 1. – С. 3–27.

² Осьмук Л. А. Университет и город: диалог в постиндустриальном дискурсе на примере России и Франции / Л. А. Осьмук. – Новосибирск: Издательство НГТУ, 2022. – 31 с.

³ Зборовский Г. Е. Высшее образование как фактор сохранения городов в Уральском макрорегионе / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова // Экономика региона. – 2018. – № 3 (14). – С. 914–926.

⁴ Поплавская А. А. Факторы формирования внутренних и внешних трудовых ценностей студентов российских вузов / А. А. Поплавская // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2022. – № 2. – С. 181–206.

содействия общественному благу¹. Именно из этих соображений студенческая молодежь представляет особый интерес и анализируется в данной монографии.

В первой главе «Методология исследования управления социальным участием молодежи в социокультурном развитии городов» раскрыты основные теоретические идеи, лежащие в основе авторской исследовательской концепции, в которой социокультурная субъектность молодежи интерпретируется как один из важнейших результатов управления социальным участием студенческой молодежи в контексте социокультурного развития современных городов. Теоретическая концепция в данной главе раскрывается через детальное рассмотрение процесса управления молодежным участием в социокультурных городских проектах, на разных стадиях или этапах которого моделируются характеристики развития социокультурной субъектности участвующей в них молодежи и соответствующие организационные условия. В заключительном разделе этой главы детально описывается методология междисциплинарного проекта по изучению социального участия молодежи в регионах России посткоммунистических стран.

Во второй главе «Институциональный контекст и социокультурная среда молодежного участия в развитии городов России, Армении, Румынии и Польши» дается характеристика общемировым трендам молодежной политики в социокультурной сфере, анализируется нормативно-правовой и организационный контекст молодежного участия в социокультурном развитии городов России и изучаемых посткоммунистических стран. В данной главе детально разбираются культурно-исторические особенности и урбанистическая среда формирования социокультурной субъектности молодежи четырех региональных центров, университетских городов – Екатеринбурга, Гюмри, Тимишоары и Познани.

В третьей главе «Кейс-стади социокультурных практик молодежи и управления социальным участием молодых горожан в пространстве постсоветских стран: компаративный анализ» раскрыты особенности конструирования символического пространства города в практиках молодежного участия, представлены

¹ Балмасова Т. А. «Третья миссия» университета – новый вектор развития? / Т. А. Балмасова // Высшее образование в России. – 2016. – № 8–9 (204). – С. 48–55.

характеристики выбранного исследовательского метода, особенности его применения в представленном исследовательском проекте. Глава содержит полученные авторским коллективом научные результаты, а именно исследовательские результаты визуализации символического пространства Гюмри, Тимишоары и Екатеринбурга, а также некоторые итоги моделирования управления социальным участием молодежи, которые были получены на основе обобщения лучших практик и социокультурных городских проектов сравниваемых стран.

Четвертая глава «Социологическое исследование участия студенчества в социокультурном развитии городов России и странах посткоммунистического пространства» включает результаты опроса студентов университетов сравниваемых стран, проведенного в 2020 году. В ней раскрывается характер субъектности молодежи, участвующей в развитии региональных городов России, Армении, Польши и Румынии, анализируется готовность молодых людей и девушек к участию и реальная включенность студенчества в социокультурную деятельность, городские и социальные проекты. Оценивается субъективное восприятие городской молодежью культурного потенциала и перспектив территориального развития, понимание студентами разных стран ответственности и роли своей социальной активности в том городе, где они родились и выросли. В этой главе на основе межстранового сравнения показан потенциал управления молодежным участием в социокультурном развитии городов через активизацию вовлеченности студенчества в брендинг территорий.

В заключительной главе «Социальное участие молодежи в социокультурном развитии городов Свердловской области: потенциал управления» детально описаны особенности инфраструктуры социального участия молодежи в городах российского региона – Свердловской области, представлены данные репрезентативного опроса молодежи региона, проведенного в 2020 году, анализируется реальный опыт и информированность молодых уральцев о возможностях участия в социокультурных городских проектах, о разных практиках участия в культурной сфере, раскрывается специфика управления молодежной социальной активностью в формате онлайн.

Данная книга не могла быть написана без помощи, которую в проведении исследования научному коллективу оказали Ежи Анджей Каземирчик из Университета экономики и бизнеса в Познани и Лилит Антоновна Асоян из Ширакского государственного университета Еревана, без поддержки авторского коллектива руководством Школы государственного управления и предпринимательства – Анной Петровной Багировой и Алексеем Константиновичем Клюевым, а также Почетным профессором УрФУ Юрием Рудольфовичем Вишневым.

1. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМ УЧАСТИЕМ МОЛОДЕЖИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ ГОРОДОВ

1.1. Теоретические основания социокультурной субъектности городской молодежи

В глобальном мире ярко выражен демократический тренд на расширение многообразия субъектов участия в развитии городов, стимулирование и продвижение участия граждан в управлении территориями. Внимание уделяется массовым общностям и многообразию локальных городских сообществ, включающих в себя различные молодежные субкультурные объединения. Последние могут идентифицировать себя по разным основаниям, могут становиться видимыми по различным поводам, а также проявляться в разных событийных контекстах.

В большинстве городов мира молодежь становится одним из активных субъектов участия. При этом она достаточно дифференцирована, отличается разнообразием и неоднородностью запросов, мотивов, намерений, отражающихся в разных видах и формах социокультурной активности. Формирование субъектности социального участия молодежи обусловлено широким спектром противоречий, связанных с неоднозначностью процесса деятельностного приобщения студентов как формирующихся профессионалов, горожан к развитию социокультурной среды города. Как правило, именно студенчество является активным ядром молодежной общности в целом. Концептуализация обозначенной научной проблемы предполагает осмысление взаимодействия молодежного сообщества с пространством города, разработку идей, позволяющих увидеть взаимосвязь между становлением субъектности студенческой молодежи и проявлением различных форм ее социальной активности в городской среде, совмещением субъективного пространства восприятия себя в городе и его

объективацией в конкретных, достаточно разнообразных, но при этом типичных практиках участия.

Осмысление проблемы взаимодействия молодежи с пространством города реализуется через анализ взаимообусловленности:

- социокультурного потенциала города и моделей реализации студенческой активности в нем;

- особенностей городского образа жизни и его влияния на процесс формирования социокультурной субъектности молодежи;

- пространственной организации города и конкретных практик социокультурной самореализации молодежи в условиях дифференцированной городской среды;

- городской культурной политики и уровня организованности социальной активности молодежи;

- актуальной городской культуры (городских смыслов, образа города, элементов социальной памяти о событиях, исторических фактах, культурных реалиях, аутентичных практиках прошлого и настоящего) и процесса формирования социокультурной идентичности молодежи;

- идентификации молодежи с городом, ее социальной активности в решении городских проблем и формирования ее социокультурной субъектности и пр.

Сложность разработки проблематики связана с тем, что она актуализирована в эпоху конфликта глобального с локальным в развитии городской среды, иерархического и сетевого в системе управления городами, пассивного и активного, индивидуального и массового проявлений в участии горожан, в том числе молодежи, в этих процессах.

Характер субъектности молодежи, участвующей в развитии региональных городов постсоветских стран, возможно критически оценить через анализ готовности к участию и реальной включенности студенчества в социокультурную деятельность в зависимости от особенностей институциональной среды (страны, типа поселения, характера молодежной политики, доминирующих ценностей и пр.). Важным видится и анализ субъективных оценок молодежью города, его

культурного потенциала, перспектив развития, его значимости для себя и других, своей ответственности и своего места в нем.

В заданной теоретической конструкции, обеспечивающей методологический фундамент эмпирических исследований представленного в монографии исследовательского проекта, основа определяется комплементарными теоретическими концептами идентификации с городом, социокультурной субъектности молодежи и ее социального участия.

Выделим ключевые теоретические идеи, значимые для исследовательского проекта. Идентификация с городом в нашей авторской концепции раскрывается как «двунаправленный процесс самоидентификации и формирования коллективной идентичности»¹, рассматриваемый в социокультурном контексте. Она имеет широкое разнообразие форм, например аскриптивную, культурную, территориальную, политическую, экономическую, социальную².

Территориальная идентификация молодежи может быть иерархизирована через региональную, локальную или городскую идентичность³. Самоидентификация с городом соответственно может быть рассмотрена как феномен личной судьбы (включение города в биографическую траекторию личности, встроенность личности в коллективную судьбу горожан через мотивацию «я горожанин»)⁴. Она может оцениваться через соотносимость себя с институциональным объектом (отношение ко всем видам организационных структур и с нормативными регуляторами как условиями жизни и деятельности в городе)⁵. Идентификация с местом является общим для всех ресурсов, требующих организации коллективного действия (проблема рационального присвоения города как ресурсной системы)⁶

¹ Lawler S. Identity. Sociological perspectives / S. Lawler. – Cambridge : Polity press, 2014. – 210 p.

² Хантингтон С. Кто мы? Вызовы американской национальной / С. Хантингтон. – Москва : Транзиткнига, 2004. – 635 с.

³ Евсеенкова Е. О. Модальность городской идентичности / Е. О. Евсеенкова // Вестник Пермского научного центра УРО РАН. – 2014. – № 5. – С. 80–86.

⁴ Особенности структуры идентичности с городом молодежи российских городов / С. А. Литвина, О. В. Кружкова, О. И. Муравьева, С. А. Богомаз // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2017. – № 1 (7). – С. 63–80.

⁵ Норт Д. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгаст. – Москва : Инта Гайдара, 2011. – 480 с.

⁶ Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности / Э. Остром. – Москва : Мысль, 2010. – 447 с.

или социокультурным феноменом («мой город»: значимые места и события, территориальные и культурные объекты, исторический контекст). Коллективная идентификация с городом – это механизм формирования социальной солидарности, развития сетевых горизонтальных связей и просредовых форм активности¹.

Феномен социокультурной идентификации выступает в качестве самоопределения личности как части социокультурной системы, городской общности, отдельных групп горожан. Формирование городской идентичности связано «с процессом памятования событий, фактов, практик города или, говоря иначе, поддержанием актуальности городских смыслов»². При этом город – пространство и компромисса³, и столкновения нескольких типов идентичности, когда запрос на аутентичность, непохожесть, проблематизируется возрастом дифференцированности городских сообществ по принципу «свой – чужой»⁴. Ресурсный потенциал городской идентичности – условие развития территории. Его измерение (критерии, уровни, модальность, субъектность, характер, системы показателей) – одна из дискуссионных проблем методического уровня исследования⁵.

Социальное участие в развитии города и идентификация с городом – взаимопроникающие явления, взаимопересекающиеся понятия. В интерпретации внутриличностных процессов – это звенья, связывающие социальные действия горожан и их осознание. Во внешнем взаимодействии речь может идти о

¹ Tajfel H. The social identity theory of intergroup behavior / H. Tajfel, J. C. Turner // *Psychology of Intergroup Relations*. – 1986. – P. 7–24.

² Федотова Н. Г. Городская идентичность как конкурентное преимущество территории / Н. Г. Федотова // *Ярославский педагогический вестник*. – 2016. – № 5. – С. 372–377.

³ Вирт Л. Урбанизм как образ жизни / Л. Вирт. – Москва : ИНИОН, 2018. – 118 с.

⁴ Анисимов Н. О. Идентичность и город / Н. О. Анисимов // *Наука. Искусство. Культура*. – 2019. – № 3 (23). – С. 170–179.

⁵ Lalli M. Urban-related identity: Theory, measurement, and empirical findings / M. Lalli // *Journal of Environmental Psychology*. – 1992. – Vol. 12 (4). – P. 285–303; Литвина С. А. Опросник идентичности с городом: разработка, валидизация, проверка надежности / С. А. Литвина, О. И. Муравьева // *Вестник Новосибирского государственного педагогического университета*. – 2018. – № 1 (8). – С. 73–91; Озерина А. А. Городская идентичность как социально-психологический феномен / А. А. Озерина // *Вестник Волгоградского государственного университета. Философия. Социология и социальные технологии*. – 2016. – № 4 (34). – С. 135–139.

взаимовлиянии структуры и действия, трансформирующих сознание, формирующих «средовую самоидентичность»¹, в которой отражается понимание себя как личности дружественной среды, готовой осуществлять просредовые действия. Степень идентичности с городом, интерпретируемая таким образом, позволяет предсказывать уровень социально-активного поведения человека – социального участия, которое локализуется на горизонтальном уровне взаимодействия в городском сообществе и трактуется как групповая активность или коллективная деятельность, осуществляемая в рамках повседневной жизни и направленная на удовлетворение общественного интереса.

Социокультурная сфера городской жизни может рассматриваться как среда вовлечения молодых горожан в городские программы и проекты по образованию, культуре, социальной защите или спорту. Социологами социальное участие измеряется как опыт вовлечения горожан в различные социальные и культурные практики и проекты. Как правило, оценивается реальный опыт и готовность горожан к его продолжению или новым конкретным действиям в этом направлении. Отследить связь характера социального участия молодежи в городской среде и субъектности ее как актора – сложная многоуровневая проблема. Субъектность характеризуется активно выраженным деятельностным началом, проявляющимся в разных сферах реальности в зависимости от того, насколько этому способствуют социальные условия.

Социокультурная субъектность одновременно является и фактором изменений социальной среды и самого субъекта деятельности. Феномен субъектности концептуализирован и разрабатывается в философии, имеет глубокое теоретическое и эмпирическое обоснование в психологической науке. В социологии становление понятия субъектности прошло длинный исторический путь интерпретации в рамках макро- и микросоциологии, объективистских и интерпретативных парадигмах. Методологией его анализа служат теория

¹ Муравьева О. И. Средовая идентичность: содержание понятия / О. И. Муравьева, С. А. Литвина, С. А. Богомаз // Сибирский психологический журнал. – 2015. – № 58. – С. 136–148.

социального действия (М. Вебер), структурно-функциональный анализ (Т. Парсонс, А. Турен), марксизм (К. Маркс) и неомарксизм (Фракфуртская школа в социологии), концепции психоаналитической ориентации (З. Фрейд, А. Адлер, К. Юнг, К. Хорни, Э. Фромм). Субъектность анализируется в концепциях символического интеракционизма (Дж. Г. Мид, Э. Гоффман), конструктивизма (П. Бергер и Н. Луман), теориях структуриации (Э. Гидденс), социальных изменений (П. Штомпка), социальных систем (Н. Луман), коммуникативного действия Ю. Хабермаса, акторно-сетевой теории и пр. Специфика социологического подхода заключается в понимании субъектности как формы самоорганизации социального целого. Субъектность в социологической интерпретации – системное качество, придающее целостность молодежи как социальному субъекту – личности каждого молодого человека или девушки, социальным молодежным группам, молодежной общности в целом, а также организационным структурам разного уровня как ключевым элементам среды, формирующей субъектность.

Социокультурная субъектность имеет процессуальный характер. Обращаясь к диспозиционной теории личности В. А. Ядова, мы рассматриваем субъектность студентов как акторов через взаимосвязь социального и индивидуального, даем ей оценку как переходу от потенциальных возможностей к реальным действиям¹. Опираясь на работы И. М. Ильинского, А. И. Ковалевой, В. А. Лукова, Б. А. Ручкина,² можно анализировать субъектность молодежи как качество, формируемое в процессе самоосознания, самоидентификации, самоорганизации³.

Апеллируя к идеям В. И. Чупрова и Ю. А. Зубок⁴, мы интерпретируем социокультурную субъектность как процесс общественного воспроизводства посредством самоорганизации и саморегулирования молодежи в социокультурном пространстве города, где происходит «субъективный выбор не только конкретных

¹ Ядов В. А. Все зависит от нас самих (интервью с Б. З. Докторовым) / В. А. Ядов // Социологический журнал. – 2014. – № 1. – С. 141–158.

² Луков В. А. Молодежная политика: концепция И. М. Ильинского / В. А. Луков // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 2. – С. 13–24.

³ Ушамирский А. Э. К проблеме субъектности молодежи / А. Э. Ушамирский // Россия: тенденции и перспективы развития. – 2016. – С. 628–630.

⁴ Зубок Ю. А. Методология целостного подхода в социологии молодежи / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Россия: новые цели и приоритеты. – 2006. – С. 84–107.

смыслов и целей, связанных с позиционированием себя в культуре, но и более общий процесс выстраивания жизненных стратегий»¹.

В контексте «депроблематизирующего взгляда» на молодежь Е. Л. Омельченко² является важным рассмотрение уникальных стратегий социальной активности студенческой молодежи в городской среде³. Осмысление субъектности как процесса включения студенчества в глобальные культурные тренды, с одной стороны, и освоения всего многообразия молодежных культурных практик, культурного опыта, реализующихся в пространстве города, с другой стороны⁴, раскрывает многомерность городской среды и динамику переформатирования молодежных культурных пространств, сцен, сообществ, практик⁵.

Для изучения формирования социальной субъектности важно понимать, как субъектность интегрируется в управленческие процессы и становится результатом функционирования управленческой среды. В данном ключе методологическим ориентиром для реализованного исследования является концепция социокультурной модели управления А. В. Тихонова, в рамках которой свойство субъектности есть результат социального взаимодействия, характеризующийся уровнем самоорганизации, координации и программирования действий социальной группы/общности⁶.

Содержательное взаимное пересечение рассмотренных выше теоретических взглядов и выделенных положений легло в основу дальнейшей проработки концепции управления социальным участием студенчества.

¹ Зубок Ю. А. Молодежь в культурном пространстве: саморегуляция жизнедеятельности : монография / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров. – Москва : Норма, 2020. – 304 с.

² Омельченко Е. Л. Меняющаяся молодежь в меняющемся мире: невидимая повседневность / Е. Л. Омельченко, Н. Гончарова. – Ульяновск : Издательство УГУ, 2006. – 240 с.

³ Социальное участие молодежи в развитии городов: методологические идеи, методические подходы и опыт исследования конструктивных практик : монография / М. В. Певная, Е. А. Шуклина, Т. Ю. Быстрова [и др.] – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2020. – 244 с.

⁴ Молодежь в городе: культуры, сцены и солидарности : коллективная монография / Под общей редакцией Е. Л. Омельченко. – Москва : НИУ ВШЭ, 2020. – 502 с.

⁵ Омельченко Е. Л. Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст / Е. Л. Омельченко // Социальные исследования. – 2013. – № 10 (354). – С. 52–61.

⁶ Тихонов А. В. Социология управления: теоретические основы / А. В. Тихонов. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2000. – 324 с.

1.2. Концептуализация управления социальным участием студенческой молодежи

Феномен участия в любом своем проявлении затрагивает отношения между людьми, а соответственно является социальным. Различные формы молодежного участия в публичной сфере имеют общественное (не индивидуальное и частное) значение. Как самостоятельный термин социальное участие может вписываться в общественное участие, интегрироваться с участием граждан или горожан. В данном контексте возможна конкретизация социального участия в рамках коллективных действий, гражданских отношений, социальной и политической активности, формировании гражданственности, а также близости к функционированию гражданского общества.

Социальное участие может трактоваться как повседневное взаимодействие людей в их гражданской жизни, как «индивидуальное участие горожан в группах или в других групповых или индивидуальных, конвенциональных (общепринятых, соответствующих традициям) или девиантных локальных политических или добровольных коллективных действиях»¹, как взаимопомощь, порождающая общественные услуги, как коллективные действия в целях социальных изменений, как вовлечение людей в социально-политические отношения². Его характеризуют определенная степень самоорганизации молодых граждан в разные сообщества на низовом уровне, а также возможности влияния объединяющихся людей на принятие управленческих решений, затрагивающих их интересы³. При этом социальное участие достаточно динамично как по характеристикам (временным, пространственным) активности людей, так и по целям, определяющим содержание различных практик участия, сменяющих или замещающих друг друга. Самоорганизация на низовом уровне – это чаще неполитические коллективные

¹ Smith D. H. A dictionary of nonprofit terms and concepts / D. H. Smith, R. A. Stebbins, M. A. Dover. – Bloomington : Indiana University Press, 2017. – 41 p.

² Adler R. P. What Do We Mean By «Civic Engagement»? / R. P. Adler, J. Goggin // Journal of Transformative Education. – 2005. – № 3 (3). – P. 236–253.

³ Gilbreath-Holdar G. Citizen participation handbook. People's Voice. / G. Gilbreath-Holdar, O. Zakharchenko. – Kiev : Project International Centre for Policy Studies, 2002. – 117 p.

действия, подразумевающие использование для решения конкретных задач социально приемлемых средств и определенный уровень осознания своего гражданского долга, ответственности или обязательств в отношении улучшения общественного положения¹. При определенных условиях, когда самоорганизация находит институциональную поддержку или закрепление, социальная активность объединившихся людей может их включать в политическую сферу для защиты своих прав или продвижения групповых интересов.

Результативность социального участия в реализации политики как основы управления территорией зависит от инициативности и активности самих граждан, от качества информационного обмена в сообществе как между людьми, так и с представителями власти, конкретизации целей участия и создаваемых для их достижения средовых условий. Последние во многом определяются установками в системе публичного управления, инициативами, которые реализуются руководством страны, чиновниками в регионах или отдельных населенных пунктах и которые стимулируют граждан как к реальным действиям, коллективному взаимодействию в социальной сфере, так и к обсуждению, оцениванию текущих проектов и программ в политической сфере.

В терминологическом ряду разных трактовок участия (социального, гражданского и политического) *общественное участие* как процесс вовлечения и поддержания взаимодействия субъектов общественных отношений, осуществления целенаправленных или реактивных действий по совместному достижению значимого результата является основополагающим, базовым. Общественное участие происходит за пределами или на границах частной сферы и сферы экономических отношений и включает в себя всю совокупность видов участия: социальное (в пространстве повседневности), гражданское и политическое². Таким образом, в социологической интерпретации социальное как

¹ Cooper T. L. Citizen-Centered Collaborative Public Management / T. L. Cooper, T. A. Bryer, J. W. Meek // Public Administration Review. Special Issue: Collaborative Public Management – 2006. – № 66. – P. 76–88.

² Никовская Л. И. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития // Л. И. Никовская, И. А. Скалабан // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 6. – С. 43–60.

общественное участие наделяется следующими основополагающими характеристиками, а именно принадлежностью (причастностью, идентичностью) субъектов действия к разным сообществам и/или местному сообществу, нацеленностью их совместных социальных действий на изменения, пространственно-временными ограничениями участия. Оно может включать в себя гражданское участие, сопрягаться с политическим.

По мнению зарубежных социологов, социальное участие определяется как взаимодействие индивидов, социальных групп и сообществ в некоммерческом секторе, в различных ассоциациях и объединениях как формальных, так и неформальных¹. В такой трактовке гражданское и социальное участие оказываются тождественными, что во многом объясняется развитостью третьего сектора и определенной зрелостью гражданского общества в тех странах, где живут и работают социологи. Это участие граждан в общественных акциях, их вовлечение в работу неправительственных, некоммерческих организаций². Оно включает в себя неполитические коллективные действия, когда граждане пытаются улучшить общественное положение, оказывают влияние на общественную жизнь культурного/светского общества³. В логике анализа российских ученых социальное и гражданское участие – это разные практики участия, но тесно сопряженные между собой в публичной сфере. Мы же определяем социальное участие в его широком значении как общественного или публично представленного феномена, включенного в сферу социального взаимодействия и проявляющегося в разных, часто взаимозависимых практиках участия.

В нашей концепции со стороны субъектов участия социальное участие как коллективная деятельность, осуществляемая в рамках повседневной жизни и направленная на удовлетворение общественного интереса, *локализуется на горизонтальном уровне*, более отвечая практике коллективной взаимопомощи и

¹ Andersson B. National Contexts of Youth Participation. Comparative Report / B. Andersson, M. Cuconato, N. De Luigi. – Rome : UNIBO, 2016. – 151 p.

² Совет Европы. – URL: <https://www.coe.int/en/web/youth/-/recommendation-on-the-participation-of-citizens-in-local-public-life> (дата обращения: 21.11.2022).

³ Smith D. A Dictionary of Nonprofit Terms and Concepts / D. Smith, R. Stebbins, M. Dover. – Bloomington : Indiana University Press, 2006. – 360 p.

кооперации¹. В модели социального управления как субъект-субъектного взаимодействия социальное участие – управляемый процесс социальной коммуникации с целью организации совместной деятельности граждан, групп населения с органами власти и другими субъектами управления общественной активностью граждан². Данный процесс – это двухсторонняя коммуникация населения, отвечающая за организацию социального участия либо за принятие решений учреждения, ведомства с обратной связью.

В социологическом значении уместно трактовать участие молодежи как активность конкретного индивида в возрасте 14–35 лет, которая его связывает с какой-либо группой, сообществом или общественностью, тем самым выводя действия молодых людей и девушек в публичную (не частную, личную) сферу. Социальное участие молодежи – это вовлеченность молодых людей и девушек в конструктивные социальные практики как коллективную деятельность, осуществляемую в рамках их повседневной жизни и направленную на удовлетворение общественных интересов, потребностей самой молодежи, в том числе на правах партнерства и соуправления с различными акторами публичной сферы. К последним в российских реалиях можно относить как различные некоммерческие организации и неформальные гражданские объединения, так и органы местного самоуправления. Именно в таком контексте гражданское социальное участие рассматривается как совместная деятельность граждан с органами власти и управления по вопросам реализации политических, экономических и социальных прав³. Такой подход во многом получил свое развитие из-за слабости гражданского общества и особого статуса местного самоуправления в РФ.

¹ Никовская Л. И. Гражданское участие и государство: рост запроса на публичность и диалог / Л. И. Никовская // Отечественные традиции государственного управления и современность. – 2017. – С. 33–39.

² Богданов В. С. Диагностика потенциала социального участия в контексте организации обратной связи между властью и населением / В. С. Богданов, А. А. Мерзляков // Научный результат. Социология и управление. – 2018. – № 4. – С. 65–77.

³ Мерзляков А. А. Гражданское социальное участие как универсальная технология социального управления / А. А. Мерзляков. – Москва : Институт социологии РАН, 2007. – 27 с.

Р. Харт для ООН обобщил практики работы с подростками и молодежью и разработал концепцию, на базе которой управление молодежным участием интерпретировал как процесс, формирующий уверенность и компетентность детей, подростков и молодежи как граждан, как постепенное, но системное вовлечение молодых граждан в общественную среду. Он подчеркнул, что практики вовлечения молодежи или молодежного участия должны иметь свою логику и структуру. Они должны быть вариативны как для детей и подростков, так и для разных групп молодежи. Такая вариативность может определяться условиями организации молодежного участия, учитывать информированность представителей молодежного сообщества об их возможностях и среде участия, уровень социальной и культурной компетентности, мотивацию, потребности и ожидания молодых людей и девушек. Для анализа практик молодежного участия в социокультурном развитии территорий важно понимать структурные характеристики поля социального участия.

По степени вовлеченности молодого человека или девушки в проект, акцию, или мероприятие, которое инициируют организаторы из некоммерческого сектора, культурных институций, образовательных учреждений или органов местного самоуправления, по характеру их деятельности, активности во взаимодействии с организаторами или другими участниками молодежное участие может быть *пассивным и активным*. Важно отметить, что пассивные формы социального участия (например, посещение городских фестивалей, выставок, спектаклей, участие в благотворительных мастер-классах, публичных дискуссиях и др.) повышают не только уровень общей культуры, но и информированность молодежи о возможностях участия, потенциально расширяя условия среды для включения их в практики активного социального участия.

В концепции «гражданской идентичности» Б. Рубина как одного из сценариев формирования социокультурной субъектности можно информированность молодежи трактовать как наращивание гражданских знаний, повышение их компетентности как граждан или горожан, как один из ключевых элементов, который позволяет их представлять как агентов, улучшающих жизнь своих

сообществ¹. Разграничение практик участия на активные и пассивные важно и значимо для понимания особенностей управления молодежным участием через вовлечение разных групп молодежи в социальные и культурные городские проекты.

Активное социальное участие молодежи в некотором смысле тождественно волонтерской деятельности. В реалиях XXI века форматы волонтерства определяются пятью элементами, каждый из которых отражает особый аспект добровольчества: структурой организации деятельности (формальная и/или неформальная); местом деятельности (онлайн и/или офлайн), ее интенсивностью (эпизодическая и/или регулярная); мотивацией волонтера (самосовершенствование и/или создание сообщества); категорией труда (предоставление услуг, взаимопомощь, участие, агитация и досуг).

Соответственно такому подходу характеристиками активного социального участия опосредованно могут быть характеристики добровольческого труда, разработанные Международной организацией труда. В соответствии с ними к активному социальному участию может быть отнесена любая конструктивная деятельность – затраты и приложение определенных усилий в течение минимум одного часа. Она должна быть «неоплачиваемой», что означает отсутствие вознаграждения в денежной или натуральной форме за выполненную работу или отработанное время, и не должна выполняться вследствие гражданского, юридического или административного требования, она должна выполняться «для других» вне домашнего хозяйства или семьи волонтера².

Как пассивное, так и активное социальное участие по качеству организационной среды и условиям вовлечения молодежи, характеризующим интенсивность социального взаимодействия, могут подразделяться на два вида: *разовое и регулярное* участие. По локализации общественной инициативы активное участие молодежи может быть *неформализованным*, базирующимся на

¹ Rubin B. There's still not justice: Youth civic identity development amid distinct school and community contexts // B. Rubin // Teachers College Record. – 2007. – Vol. 109 (2). – P. 449–481.

² Доклад 2022 года о состоянии добровольчества в мире. – URL: <https://swvtr2022.unv.org/> (дата обращения: 21.11.2022).

самоорганизации молодых людей, либо *институционализированным*, закрепленным в конкретной структуре, организации, учреждении и в программной деятельности. По социальной функции и по характеру взаимодействия организаторов и молодых участников социальное участие может быть номинальным, инструментальным, репрезентативным и трансформирующим.

Если оценивать социальное участие с позиции актора, его мотивации, намерений и опыта, участие *может быть следствием внешнего принуждения и инициативной практикой*. При многочисленности подтверждений социальной ориентированности молодого поколения, а именно равнодушного отношения к правам человека, сочувствия нуждающимся в помощи, отношения к стране как месту проживания, толерантности, открытости ко всему иностранному и рационализм¹, к объединению со своими сверстниками и повсеместной коллективности², для молодежи крайне важно организационное начало³. Для проявления инициативности оказывается необходим опыт, определенные умения и уверенность в собственных силах. При отсутствии последнего на приобретение опыта и социально-психологической уверенности может сработать и принуждение.

На рис. 1 показана модель управления социальным участием в социокультурных городских проектах, где внешняя среда детерминирует вариативность социального участия молодежи. В ней создаются условия для различных его типов. На институциональном уровне среда молодежного участия формируется государством, определяющим и запускающим в нормативно-правовом поле программы молодежной и культурной политики, ресурсно обеспечивающим их реализацию. Массмедиа задает информационное поле социального участия, где формируется общественное мнение, находят отражения

¹ Зубок Ю. А. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодежи / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Вестник Института социологии. – 2019. – № 10 (4). – С. 164–186.

² Зубок Ю. А. Смысложизненные ценности в культурном пространстве молодежи / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Научный результат. Социология и управление. – 2018. – № 4 (3). – С. 3–13.

³ Шаповалова И. С. Самосохранительное поведение молодежи: и жили они долго и счастливо? / И. С. Шаповалова // XXII Уральские социологические чтения. Национальные проекты и социально-экономическое развитие Уральского региона : материалы Всероссийской научно-практической конференции. – Екатеринбург. – 2020. – С. 181–188.

лучшие практики, традиции, событийный контекст, закрепляются культурные нормы.

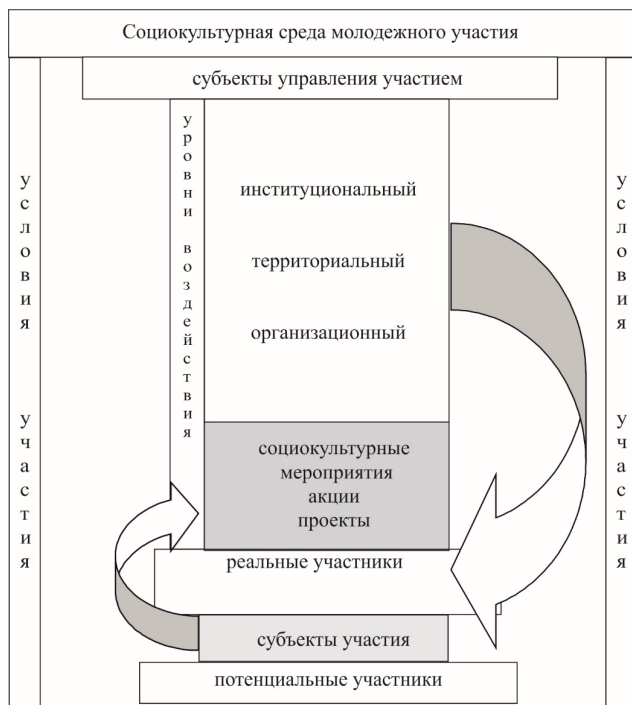

Рис. 1. Модель управления социальным участием в социокультурных городских проектах

На территориальном уровне особую значимость наряду с локальной политикой поддержки и стимулирования молодежного участия начинают играть ресурсы территории, культурно-историческое наследие, устоявшиеся на местном уровне традиции активности горожан, организационная инфраструктура участия. На территориальном и организационном уровнях среда молодежного участия фрагментируется благодаря социокультурным проектам и мероприятиям. В разнообразных социальных и культурных событиях горожане включаются в вариативные практики социального участия в разных социальных ролях «зрителей», «потребителей», «помощников организаторов», «инициаторов и организаторов участия».

Социальные и культурные проекты вписываются в процесс функционирования определенных организационных структур. Относительно типа инфраструктуры для молодежного участия можно выделить практики, базирующиеся на основе протополитической инфраструктуры (школьное и студенческое самоуправление, молодежные парламенты, думы и т. д.), на политической инфраструктурной базе (членство в политической партии, молодежных общественных движениях и союзах), на досуговой инфраструктуре (группы по интересам, творческие клубы, учреждения сферы культуры), на инфраструктуре местных сообществ (участие в деятельности различных некоммерческих организаций).

По уровню и распространенности инфраструктуры, а также объединяющих на ее основе людей идей, социальное участие молодежи может быть включено в глобальный или локальный контекст. По среде реализации молодежного участия можно выделить его реальные и виртуальные практики.

Возрастная специфика учащейся молодежи, особенности образа жизни студенчества, накладывают определенные ограничения на временные возможности для социального участия разных групп молодых горожан. В этом смысле институциональная инфраструктура жизнедеятельности во многом определяет и среду их социального участия, являясь площадкой информирования, а чаще и реализации разных видов социальной активности.

Для учащихся образовательная сфера становится приоритетным пространством жизнедеятельности, культурная сфера – средой досуга и дополнительного образования, органы местного самоуправления, некоммерческий сектор и социально ориентированные организации наполняют жизненный мир только ограниченного числа молодых людей и девушек. Сфера публичного управления социальным участием молодежи в социокультурном развитии территории оказывается связанной с публичной сферой, где социальные и культурные городские проекты, реализуемые в замкнутом поле отдельных организаций или на основе сетевого взаимодействия различных структур в городском пространстве наполняют среду общественной активности молодежи. В

этом пространстве важную роль играет некоммерческий сектор, который в условиях гибридизации публичного управления во многом выполняет функцию организатора, иницилирующего целый спектр общественных инициатив, представляя интересы как разных групп общественности, так и публичной власти.

Если экономический сектор определяют «ареной промышленной и экономической активности в теории гражданского общества, то некоммерческий сектор является инфраструктурой – «ареной коллективных действий вокруг общностных интересов, целей и ценностей»¹. Если большинство организаций сферы культуры, образования, здравоохранения можно отнести к государственному сектору, то третий сектор не является частью сферы государственного управления. Его отличает вклад получаемых доходов и достижений в решение экологических, социальных, культурных, образовательных или экологических задач. Основа участия населения в различных проектах и программах некоммерческого сектора преимущественно добровольческая. Некоммерческие организации функционируют в тесной связи с органами публичной власти, бизнесом и местными сообществами, где выполняют либо посреднические, либо оппозиционные функции.

В большинстве стран мира государство явно не вмешивается в функционирование третьего сектора, но создает определенные условия, нормативно ограничивает и определяет возможные траектории общественных инициатив, ресурсно поддерживает те из них, которые приоритетны в рамках курса государственной социальной политики.

В актуальной общемировой повестке общественного развития некоммерческие организации специализируются на взаимопомощи и самоорганизации людей, оказании социальных услуг определенным социальным группам, адвокатирующей роли, позволяющей представлять интересы разных сообществ во взаимодействии с публичной властью. Исследователи отмечают с начала XXI века глобальные изменения в структуре некоммерческого сектора:

¹ Clark J. Democratizing Development: The Role of Voluntary Organizations / J. Clark. – London : Kumarian Press, 1991. – 240 p.

повсеместное угасание массовых общественных движений, отстаивающих широкую политическую повестку дня при широкой распространенности объединений защиты интересов конкретных социальных групп и сообществ, сфокусированных на решении конкретных проблем¹.

При всем многообразии городской инфраструктуры наиболее динамичны и рефлексивны в отношении работы с молодежью учреждения сферы образования. В вузах сосредоточена сама студенческая молодежь, аккумулируются и ее интересы. На базе ведущих учебных заведений функционируют молодежные организации, профсоюзы, волонтерские университетские центры. В образовательной среде, особенно в университетах, инфраструктура для социального участия развивается параллельно с процессами трансформации образования, возвращения принципов воспитательной деятельности. Сетевые проекты молодежных ассоциаций и движений, расширение практико-ориентированного обучения и организация профессиональных стажировок, включенных как в учебный процесс, так и дополнительно предлагаемых студентам для развития профессиональных компетенций в свободное от обучения время, делают среду социального участия привлекательной для молодежи. Именно в образовании происходит гибридизация молодежного участия, где студенческое волонтерство как ориентированная на общество (сообщество, конкретный город) практика социального участия становится неотъемлемой частью образовательного процесса. Такая форма социального участия становится необходимой для профессионального развития и часто обязательной для студентов деятельностью в рамках практики «Service-Learning» и обязательных профессиональных стажировок². Она идентифицируется с волонтерством даже в тех случаях, когда не является полностью добровольной³.

¹ Тарасенко А. Некоммерческий сектор в странах ЕС и России в контексте трансформации государства всеобщего благосостояния / А. Тарасенко. – Санкт-Петербург : Норма, 2015. – 115 с.

² Hastings L. J. Developing Leadership Through Service Ship: Leveraging the Intersection Between Service-Learning and Professional Internship / L. J. Hastings, M. Wall, K. Mantonya // Journal of Leadership Education. – 2018. – № 17 (1). – P. 141–51.

³ A continuum of University Student Volunteer Programme Models / K. Holmes, M. Paull, D. Haski-Leventhal [and others] // Journal of Higher Education Policy and Management. – 2020. – № 42 (3). – P. 1–17.

На популяризацию разных практик социального участия студенчества работает и идеология третьей миссии университетов как центров технологических и социальных инноваций. Студенты активно включаются в общественные проекты и мероприятия, нацеленные на решение проблем местных сообществ. Студенческая молодежь оказывается вовлеченной в развитие города, в том числе за счет своего творческого потенциала, экологической ориентации, добровольческого участия в событийной повестке социальной и культурной жизни современных городов. Городской ивент вовлекает студенчество в проекты, повышающие социальную ценность исторического и архитектурного наследия, органично вписываясь в повседневные досуговые практики молодых горожан и активизируя их социальную память. Городские культурные мероприятия все чаще наполняют общественные пространства конструктивными видами активности, привлекательными для молодежи.

Городские учреждения культуры в соответствии с целями национального развития активно уходят в цифровую среду, что существенно влияет на их традиционные подходы к организации деятельности и взаимодействие с разными группами горожан, в том числе с молодежью. Еще до кризисного периода, связанного с пандемией, участие населения в культурных мероприятиях и посещение культурных учреждений начало связываться с развитием цифровых ресурсов городских организаций данной сферы. В рамках государственной и региональной политики, благотворительной стратегии частных фондов доноров начали получать поддержку творческие инициативы граждан, культурно-просветительские проекты, реализуемые в партнерстве некоммерческих организаций, учреждений культуры и образования. Волонтерские сообщества отдельных музеев, библиотек и театров получили определенный импульс развития за счет федеральной программы «Волонтеры культуры». Молодежное волонтерство в сфере культуры постепенно стало занимать определенное место в повседневной жизни молодых россиян.

В развитии концепции управления социальным участием молодого поколения обозначим структуру и особенности взаимодействия организаторов и

участвующей молодежи, приводящие к конкретным результатам управленческого воздействия как внутриорганизационной и публичной коммуникации с разными молодежными сообществами. Вне зависимости от специфики разнообразных видов социального участия, сфер и инфраструктуры, в рамках которой это практики организуются, его результат прямо или опосредовано должен формировать социокультурную субъектность, включающую территориальную идентичность молодых граждан как горожан и граждан в соответствии с контекстом социокультурного развития территорий.

Согласно нашему подходу, любое участие как коллективное действие всегда имеет *цель*. Как процесс взаимодействия участвующих людей между собой, а также участвующих с организаторами, социальное участие *всегда нормировано*. Выработка норм коллективного взаимодействия происходит в процессе участия как коллективной, объединяющей деятельности, как правило, в разных условиях имеющая свою специфику и особенности. Участие как взаимодействие и социальная деятельность в социокультурном пространстве конкретного города может обеспечивать по Т. Парсонсу консистентность культурных традиций и системы убеждений соучаствующих в различных городских мероприятиях людей, способствуя интеграции системы социального взаимодействия¹.

На индивидуально-личностном уровне на каждом этапе в процессе взаимодействия с другими людьми, с организаторами социальной активности может происходить динамика сознательного и эмоционального в целеполагании молодых участников. При благоприятных условиях формируется определенный настрой, в котором чувственная сфера, позитивные эмоции оказывают влияние на формирование установок, связанных с расширяющимися в процессе взаимодействия или конструктивной деятельности социальными знаниями. В концепции Б. Д. Парыгина устойчивые настроения чувств группируются вокруг идейных установок и определяют способ восприятия и оценки человеком

¹ Парсонс Т. О социальных системах / Т. Парсонс. – Москва : Академический Проект, 2002. – 480 с.

окружающей действительности, а также направленность его волеустремлений и интересов¹.

В разных проектах могут быть реализованы разные виды участия как молодежи, так и представителей других возрастных групп горожан, которые не исключают, но дополняют общую картину общественной активности, соответствуя в каждом отдельном случае стадиям вовлеченности человека в социокультурную городскую жизнь. Таким образом, общественная активность определяет и наполняет социальную структуру, которая в какой-то степени формирует участие как человеческую деятельность, и сама формируется этой деятельностью².

Важно подчеркнуть, что общим результатом такой активности для развития территории является формирование социокультурной субъектности молодежи как элемента двойственной и двумерной культуры территориального сообщества в целом. Культуры как мира социального опыта человека, который Л. Н. Коган интерпретировал и как накопление материальных и духовных ценностей, и как качественную характеристику живой человеческой деятельности³.

В концепции управления социальным участием молодежи оказывается важным создание условий для расширения разных видов этого участия за счет возможности поиска соответствия поля деятельности индивида его предпочтениям, интересам, ценностным ориентациям в ходе развития эмоционального и когнитивного компонентов его субъективной настроенности на продолжение этой деятельности.

Субъекты управления молодежным участием условно вступают в коммуникацию с молодыми горожанами как субъектами участия, «реализуют функцию власти, активизируя ее в ходе влияния на принятие решений (об участии) либо через принуждение, либо путем создания смыслов, либо с помощью того и другого»⁴. В результате управленческого воздействия при определенных условиях можно стимулировать вовлеченность молодежи в различные практики участия на

¹ Парыгин Б. Д. Общественное настроение / Б. Д. Парыгин. – Москва : Мысль, 1966. – 31 с.

² Штомпка П. Социология: анализ современного общества / П. Штомпка. – Москва : Логос, 2005. – 150 с.

³ Коган Л. Н. Теория культуры / Л. Н. Коган. – Екатеринбург : Издательство УрГУ, 1993. – 8 с.

⁴ Кастельс М. Власть коммуникации / М. Кастельс. – Москва : НИУ ВШЭ, 2017. – 245 с.

разных организационных стадиях, углубляя качественные характеристики участия как деятельности и личностные характеристики субъекта этой активности.

Переход с одной организационной стадии вовлеченности молодежи в социокультурные проекты на другую предполагает формирование «действенной субъектности», репродуцирующей и преобразующей структуры социального взаимодействия¹. На уровнях информационного участия и сотрудничества эта субъектность репродуцирует структуры и выражается в привычных действиях. На самом высшем уровне инициативности такая действенная субъектность может преобразовывать эти структуры, выражаясь в инновационных действиях соучастующих.

Соответствие условий для поэтапного перехода индивида на более высокий уровень вовлеченности в привязке к функциональному содержанию конкретных видов участия, а также социально-психологической готовности индивида поддерживается функционированием диспозиционной системы, к которой мы уже обращались в предыдущем разделе. В развитии личности, согласно концепции В. А. Ядова, возникновение определенной «конфигурации» внешних и внутренних условий актуализирует диспозиции, предшествующие поведенческому акту. Внешние условия связаны с информационным полем, или знаниями, накапливаемыми человеком. Внутренние – способности соотнесения этих знаний с потребностями и эмоциональное подкрепление этого процесса, формирующие оценочные суждения, верованиями или убеждениями и идеалы². В развитии территориального сообщества создание условий для социального участия молодежи должно способствовать формированию моделей ценностных ориентаций, которые, по мнению Т. Парсона, являются элементом культурной традиции³.

¹ Внук-Липинский Э. Социология публичной жизни / Э. Внук-Липинский. – Москва : Мысль, 2016. – 147 с.

² Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности : коллективная монография / Под общей редакцией В. А. Ядова. – Москва : ЦСПиМ, 2013. – 376 с.

³ Парсонс Т. О социальных системах / Т. Парсонс. – Москва : Академический Проект, 2002. – 479 с.

Итак, социальное участие студенчества в контексте управления городским развитием – континуум практик участия молодых людей и девушек как ответственных граждан и горожан, где социальные и политические действия молодежи находятся в определенном сопряжении. Заявляемое молодежью «право на город» обуславливает очевидную потребность в развитии условий для его реализации как в благотворительной (социальной), так и в политической (гражданской) активности, не исключая, но серьезно усиливающих друг друга в условиях неопределенности. Городское пространство для социального участия молодежи представляет собой динамично развивающуюся, вариативную среду, которая обеспечивает социокультурную жизнедеятельность разных групп молодых горожан в сфере образования, культурного досуга, профессионального развития, творческой и политической деятельности.

В управлении социальным участием молодежи должна формироваться социокультурная субъектность, включающая в себя локальную городскую идентичность молодежных сообществ. Этот процесс связан с постепенным накапливанием молодыми людьми и девушками в различных практиках участия знаний о культуре и истории конкретной территории. Он сопряжен с влиянием повседневного опыта на смысложизненные ценности молодежи и смысловые основания их социальных взаимодействий друг с другом, а также с городским сообществом, городской культурно-исторической инфраструктурой, обеспечивая базис социокультурного развития современных городов.

1.3. Социокультурное развитие городов в международной повестке и направлениях современных исследований

Жизнестойкость городов в XXI веке определяется их способностью к развитию, обеспечивающей потенциал противостояния кризисам любого рода, выступающим неотъемлемой чертой современности. С момента своего возникновения города находятся в постоянном процессе переосмысления и переустройства. Этот процесс «изобретения» себя заново, с одной стороны, основывается на анализе проблем

предыдущих траекторий развития, с другой – на «производстве» новых идей, решений и технологий их воплощения в соответствии с изменившимися условиями.

Современные представления о городском развитии являются результатом длительной коэволюции взглядов теоретиков и практиков, формировавшихся как ответ на возникающие экологические, технологические, информационные, экономические, социальные, культурные вызовы конкретного исторического этапа урбанизации. Фокус обоснования ключевых ориентиров городского развития последних десятилетий все больше смещается от узкой экономической или технологической приоритезации к широкой системе гуманных принципов – антропоцентричности, «экологизации», социальной ориентированности. Повышение качества жизни населения, культурное разнообразие и толерантность, инклюзивность и партиципация гражданского общества выступают главными ориентирами городского развития, основанного на принципах «нового урбанизма» и идеологии городской устойчивости.

Обновление целей в области общемировой стратегии устойчивого развития на период до 2030 года (принятое Генеральной Ассамблеей ООН в 2015 году¹) и соответствующая ей новая 20-летняя программа развития городов (принятая саммитом НАВИТАТ III в 2016 году) свидетельствуют о сохранении актуальности ориентиров устойчивого городского развития в XXI веке.

Новая городская повестка (НАВИТАТ III), сфокусированная на достижении комплекса целей устойчивого развития, включает в себя вопросы, непосредственно связанные с социокультурными аспектами развития городов. Например, создание многофункциональных зон социального взаимодействия и интеграции, культурное самовыражение горожан и их совместное участие в решении вопросов городского развития; охрана и поддержка культурной инфраструктуры – объектов знаний, искусств, историко-культурного наследия, архитектурных памятников, музеев, уделяя особое внимание той роли, которую они играют в стимулировании участия

¹ Декларация Генеральной Ассамблеи ООН от 25.09.2015 года «Преобразование нашего мира: повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года».

в общественной жизни и проявлении гражданской позиции; распространение знаний об объектах материального и нематериального культурного наследия, в том числе путем использования новых технологий и методов; укрепление социальной сплоченности, терпимости, межкультурного диалога и взаимопонимания между городскими сообществами; обеспечение вовлеченности горожан в общественную жизнь и формирование чувства сопричастности и ответственности¹.

Международная организация ЮНЕСКО неуклонно работает над тем, чтобы поставить культуру в центр глобальной повестки в области устойчивого развития. В глобальном докладе ЮНЕСКО «Культура – будущее городов: глобальный доклад о культуре в интересах устойчивого городского развития»² подчеркивается приоритетная роль культурных учреждений и культурного капитала в формировании ценности и идентичности города, стимулировании творчества и инноваций в разных сферах городской жизни и, как следствие, создании импульсов для креативной экономики, смягчении негативных атрибутов, неизбежно сопровождающих жизнь в современных городах в эпоху глобализации и цифровизации, таких как ослабление «чувства места», утрата целостности городской ткани и самобытности сообществ, отчуждение, неравенство, дискриминация, сегрегация. Разработанные ЮНЕСКО принципы восстановления, охраны, популяризации и укрепления культурно-исторического наследия находят повсеместное отражение в программных документах по развитию городов, включающих, помимо собственно списка приоритетных объектов культурного наследия и мероприятий по их сохранению, разработку коллаборативных механизмов управления на основе продуктивного взаимодействия заинтересованных сторон.

Наряду с общемировым процессом вовлечения городов в программы достижения целей устойчивого развития, частью которых является сохранение и усиление культурного потенциала, а также дискредитацией предпринимательской

¹ Новая программа развития городов ООН. – Барселона : ООН, 2017. – 60 с.

² Culture: urban future: global report on culture for sustainable urban development. – Paris : UNESCO, 2016. – 303 p.

(неолиберальной) стратегии городского развития, происходит ряд взаимосвязанных акцентных «поворотов» в общественных и гуманитарных науках – пространственный, социальный, антропологический, культурный. Последний характеризуется встроенностью культурной «компоненты» в социологические и междисциплинарные исследования, охватывающие довольно широкий пласт проблем городского жизнеустройства.

Одним из якорных направлений фокуса исследовательского внимания в рамках «культурного» поворота выступает изучение формирования креативных индустрий в городском пространстве и роли в них традиционных и новых культурных институций. Креативные городские индустрии рассматриваются не только как важнейший элемент культурной жизни информационного, постиндустриального города (cultural studies), но и как способ формирования гражданской креативности и вовлеченности местных жителей в городские проекты, фактор повышения эффективности городской экономики в сфере культурного производства и потребления, ресурс наращивания привлекательности города для туристов и профессионалов¹. Данное направление исследований реализуется в рамках концепции «креативного города» Ч. Лэндри², включая критический анализ опыта применения отдельных элементов данной концепции в русле неоднозначности результатов реализации локальных культурных проектов, например таких, как формирование элитистского варианта креативного города, сопровождающегося «захватом» общегородского места креативным классом и социальным исключением большей части местного сообщества из творческого процесса³.

Культурное измерение экономических постиндустриальных трансформаций городов фиксируется в оптике «джентрификации через культуру», результатом

¹ Бармина А. С. Идентичности и связи в петербургском секторе креативных индустрий / А. С. Бармина, М. А. Сафонова // Социологические исследования. – 2016. – № 7. – С. 82–92; Креативные индустрии в городе: вызовы, проекты и решения / Под общей редакцией Ю. О. Папушиной. – Санкт-Петербург : Издательство «Левша», 2012. – 136 с; Хохлова А. М. Городские публичные места как площадки культурного производства и потребления / А. М. Хохлова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2011. – № 5. – С. 182–191.

² Лэндри Ч. Креативный город / Ч. Лэндри. – Москва : Классика-XXI, 2006. – 399 с.

³ Креативные индустрии в городе: вызовы, проекты и решения / под общей редакцией Ю. О. Папушиной. – Санкт-Петербург : Издательство «Левша», 2012. – 136 с.

которой становится формирование креативных пространств в местах заброшенных промышленных зон и старых заводских зданий¹. Подобное приспособление неиспользуемых индустриальных объектов под нужды культурного «производства» и «потребления» является своеобразной реновацией городского пейзажа и образа конкретной городской территории – «возрождением городских пространств через культуру»². При этом ценность обновленного места в значительной степени определяется «своеобразной аурой, формируемой сочетанием элементов индустриальной эстетики и творческой активности его обитателей»³. Успешных примеров «джентрификации через культуру» достаточно много как в европейских, так и российских городах. Среди позитивных эффектов джентрификации исследователи отмечают «оживление» места за счет вносимого разнообразия, позитивный имидж за счет создания креативных кластеров и соответственно привлечение инвесторов и клиентов для проектов дальнейшего развития, а также продвижения территории⁴ – экономический эффект получения «добавленной стоимости» территории. Вместе с тем проявляются и негативные последствия, преимущественно связанные с разрушающей исторический облик реконструкцией либо диссонирующими с окружающей застройкой вновь вводимыми объектами, встречающими противодействие со стороны городских активистов и градозащитных организаций.

Собственно социокультурный срез современного города представлен изучением следующих аспектов: культурно-образовательного потенциала больших и малых городов и его влияния на современного горожанина⁵; воздействия феномена мегасобытий на жизнь горожан и перспективы городских территорий –

¹ Зотова Л. Р. Креативный город: творческие индустрии и развитие городов / Л. Р. Зотова // Креативная экономика. – 2015. – № 9 (11). – С. 1465–1490; Ваньке А. Территориальная идентичность в индустриальных районах: культурные практики заводских рабочих и деятелей современного искусства / А. Ваньке, Е. Полухина // Журнал социальных исследований. – 2018. – № 3. – С. 4–34.

² Викери Дж. Возрождение городских пространств посредством культурных проектов – синтез социальной, культурной и городской политики / Дж. Викери. – Москва : ООО «Вариант», 2009. – 234 с.

³ Афанасьев К. С. Джентрификация и реиндустриализация в развитии городской территории / К. С. Афанасьев // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. – 2014. – № 2. – С. 48–60.

⁴ Бюржель Г. Умирает ли Париж? / Г. Бюржель – Москва : РАНХиГС, 2014. – 88 с.

⁵ Порозов Р. Ю. Культурно-образовательное пространство города / Р. Ю. Порозов – Екатеринбург : УрГПУ, 2016. – 174 с.

причем не только в риторике роста символического капитала территории, привлечения инвестиций и туристических потоков, но и дискриминации интересов «слабых» публик¹; процессов и результатов структурирования социального пространства крупных городов²; мест социальной памяти в столичных и периферийных городах, а также циркулирующих смыслов прошлого и настоящего, выраженных в восприятии горожанами собственных мест проживания³; факторов и механизмов формирования городской идентичности⁴; практик социального активизма в формирующемся дискурсе DIY-урбанизма⁵ и процессе возникновения неформальных гражданских инфраструктур, выступающих своеобразным компенсаторным ответом на слабость формальных институтов и их неспособность интегрировать горожан с высокими мобилизационными ресурсами. Так, анализируя новый российский локальный активизм, А. А. Желнина и Е. В. Тыканова заключают, что неформальные активистские практики развиваются с высокой степенью интенсивности, обгоняя традиционные формы гражданского участия, при этом процесс гражданского вовлечения «гасится» отсутствием полноценных интерактивных арен для состыковки формальных и неформальных гражданских инфраструктур⁶. В свою очередь В. В. Петухов, отмечая наметившуюся в 2016–2017 годы тенденцию возрастания потенциала гражданского участия, подчеркивает, что значимость такого участия в текущем

¹ Trubina E. Manipulating neoliberal rhetoric: clientelism in the run-up to international summits in Russia / E. Trubina // *European Urban and Regional Studies*. – 2015. Vol. 22 (2). – P. 128–142; Карбаинов Н. И. Как изымают собственность в олимпийских столицах: олимпиада в Сочи в сравнительной перспективе / Н. И. Карбаинов // *Мир России: социология, этнология*. – 2013. – № 1. – С. 106–129.

² Еремичева Г. В. Социальное пространство большого города / Г. В. Еремичева. – Санкт-Петербург: ФНИСЦ РАН, 2018. – 392 с.

³ Веселкова Н. В. Места памяти в молодых городах / Н. В. Веселкова, Е. В. Прямыкова, М. Н. Вандышев. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2016. – 394 с.; Запорожец О. Долгая жизнь мест Цоя: география памяти / О. Запорожец, А. Колесник // *Журнал социальных исследований*. – 2019. – № 2. – С. 70–102.

⁴ Федотова Н. Г. Формирование городской идентичности: факторный и институциональный аспекты / Н. Г. Федотова // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2017. – № 3. – С. 32–49.

⁵ Enigbokan A. Social activism as contemporary art in the emerging discourse of DIY urbanism in Russia / A. Enigbokan, S. Delai // *Journal of Urbanism: International Research on Placemaking and Urban Sustainability*. – 2016. – Vol. 9 (2). – P. 101–116.

⁶ Желнина А. А. Формальные и неформальные гражданские инфраструктуры: современные исследования городского локального активизма в России / А. А. Желнина, Е. В. Тыканова // *Журнал социологии и социальной антропологии*. – 2019. – № 1 (22). – С. 177–178.

периоде определяется не его массовым характером, а способностью активных граждан «производить» новые практики общественного участия в условиях кризиса доверия институтам власти и представительной демократии¹. В современной России «живое творчество» населения развивается не как производная от совершенствования публичных институтов, но, наоборот, как следствие «блокировки» легальными институтами возможностей социального и политического активизма.

Социально-ориентированный и антропологический поворот в урбанистике, основанный на идеях Дж. Джекобс, К. Линча, Я. Гейла, Л. Гемзо, К. Морено, Л. Н. Когана, В. Л. Глазычева о «городе для горожан», способствовал повышению внимания исследователей и управленцев к качеству городской среды в ее многообразных проявлениях – естественно-природном и рукотворном, материально-предметном и дематериализованном, вещном и не-вещном. Среди главных знаковых событий российской общественной и научной жизни периода второго десятилетия 2000-х годов, способствующих концентрации усилий властей и общественности на улучшении качества городской среды, необходимо отметить следующие события: запуск федерального проекта «Формирование комфортной городской среды» (2018 год), явившийся триггером для масштабных преобразований благоустройства Москвы и последующим транзитом в регионы успешных практик обустройства городского пространства; создание Высшей школы урбанистики имени А. А. Высоковского при НИУ ВШЭ (2011 год), формирующей образовательную и профессиональную повестку в области городских исследований и городского планирования; открытие консалтинговой компании «КБ Стрелка», оказывающей комплексные услуги в области городского развития; создание некоммерческого фонда «Городские проекты», занимающегося распространением знаний и информации об эффективных городских решениях, повышающих качество жизни населения (2012 год).

¹ Петухов В. В. Гражданское участие в современной России: взаимодействие политических и социальных практик / В. В. Петухов // Социологические исследования. – 2019. – № 12. – С. 3–10.

В этот же период выходит ряд значимых работ по результатам комплексных исследований городской среды, среди которых получают большой медийный и экспертный резонанс «Борьба за горожанина: Человеческий потенциал и городская среда»¹, «Археология Периферии...»², «Городская среда и культурное пространство мегаполиса: сравнительное исследование социальных барьеров городского развития»³, «Механика Москвы. Исследование городской среды»⁴. В широком поле охвата компонентов качества городской среды во всех исследованиях неизменно присутствует социокультурная «составляющая», которая измеряется (на основе данных статистики, ГИС, опросов населения и экспертов) такими показателями, как наличие возможностей для проведения культурного досуга (музеи, театры, выставки, дома культуры), насыщенность среды культурными мероприятиями и событиями (включая их «заметность», привлекательность для горожан, а также уровень вовлеченности горожан в культурную жизнь города, городских районов – «культурная активность»), информационно-коммуникативная инфраструктура (совокупность печатных и электронных СМИ, сайтов, страниц в социальных сетях, блогов, цифровых и сетевых каналов, способствующих производству, продвижению и потреблению культуры), разнообразие и интенсивность досуговых практик, возможность получения хорошего высшего и дополнительного образования, уровень социального капитала горожан (включая географию социальных связей через социальные сети), уровень институционального и обобщенного социального доверия.

Таким образом, общий вектор изменения представлений о городской среде характеризуется отказом от механистического подхода, в рамках которого

¹ Борьба за горожанина: человеческий потенциал и городская среда / Под общей редакцией А. Высоковского. – Москва : НИУ ВШЭ, 2014. – 102 с.

² Археология периферии: исследование для Московского урбанистического форума 2013 «Мегаполисы: развитие за пределами центра» / Команда проекта «МЕГАНОМ». – Москва : ООО «Стрелка», 2013. – 529 с.

³ Пузанов К. А. Городская среда и культурное пространство мегаполиса: сравнительное исследование социальных барьеров городского развития / К. А. Пузанов. – Москва : РАНХиГС, 2015. – 75 с.

⁴ Пузанов К. А. Механика Москвы. Исследование городской среды / К. А. Пузанов, П. М. Степанцов. – Москва : Московский институт социально-культурных программ, 2014. – 66 с.

городская среда интерпретируется как инфраструктурный комплекс, соответствующий нормативным требованиям удовлетворения базовых потребностей населения и переносом акцентов на разнообразие и доступность различных вариантов повседневных практик жизнедеятельности горожан, вырабатываемых ими в процессе взаимодействия с другими городскими акторами и реализуемых за счет предоставляемых городом возможностей (включая инфраструктурные). Кроме этого, сквозным критерием оценки качества городской среды выступает развитие институтов гражданского общества и участие жителей в *сопроизводстве* и *соуправлении* городской средой.

Несмотря на значительный пласт современных исследований, посвященных изучению социокультурной сферы современного города, и внушительный терминологический тезаурус, используемый для обозначения близких по своей природе феноменов – социокультурное пространство, социокультурная среда, социокультурный потенциал, собственно понятие «социокультурное развитие» города не получает должного обоснования как на уровне международных организаций, занимающихся обозначенной проблематикой, так и на уровне исследовательских концептуализаций. Когда речь идет о городском развитии вообще, чаще всего социальная сфера и культура как необходимые элементы городской политики включаются в общую канву представлений о моделях, вариантах, стратегиях развития современных городов.

Наше понимание социокультурного развития города основывается на классических социологических идеях о взаимосвязи «социального» и «культурного» и современных подходах к городскому управлению, переносящих фокус с «волевого» городского планирования на субъектность и включенность взаимодействующих на городской «сцене» акторов.

Всестороннее обоснование необходимости и продуктивности категории «социокультурное» принадлежит П. Сорокину, предложившему рассматривать личность, общество и культуру как неразрывную триаду, в которой ни один компонент не может быть отделен от других, а значит, осмыслен в отдельности – вне тесной взаимосвязи друг с другом. В соответствии с этим положением любое

социокультурное явление как объект исследования включает в себя 1) субъектов взаимодействия (индивиды и группы); 2) значения, ценности и нормы, благодаря которым субъекты взаимодействуют (сущностные элементы культуры); 3) материальные артефакты, с помощью которых объективируются, социализируются, раскрываются нематериальные значения, ценности и нормы (материальные носители как двигатели и проводники нематериальных значений, ценностей и норм)¹.

В указанной перспективе социокультурное развитие города предстает как процесс взаимозависимых влияний взаимодействующих людей, произведенных ими (или предшественниками) нематериальных и материальных артефактов культуры, приводящих к определенным изменениям в жизни города. С одной стороны, городские жители выступают генераторами и производителями культурных феноменов, с другой – их деятельность определяется и опосредуется существующими культурными образцами и социальным окружением. Собственная логика развития каждого города проявляется в уникальном сочетании элементов, отражающих специфику конкретного места – в терминологии М. Лев «эффекта места», пронизывающего действия всех социальных групп и парадоксальным образом проявляющегося в типичных паттернах действия, повторяющихся в истории каждого города, при том, что группы акторов меняются².

Нельзя не согласиться с тем, что даже идентичные социальные категории по объективным параметрам (численность населения, масштаб территории, география, климат) города существенно отличаются друг от друга в правилах и нормах поведения, укорененных в существующих социальных практиках и институтах, во внешних материальных атрибутах культуры – архитектуре, памятниках, зданиях, граффити и пр. Уникальность социокультурного облика города формируется в том числе и проявлением гражданской позиции жителей, принимающих или не принимающих изменения, участвующих или не

¹ Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество / П. А. Сорокин. – Москва : Политиздат, 1992. – 218 с.

² Собственная логика городов: новые подходы к урбанистике / Под общей редакцией М. Лёв. – Москва : Новое литературное обозрение, 2017. – 30 с.

участвующих в реализации городских проектов в сфере образования, культуры, спорта, социальной защиты.

Таким образом, в соответствии с приведенными аргументами и изложенной в предыдущих параграфах методологической позицией социокультурное развитие города как процесс взаимозависимых изменений материальных и нематериальных культурных артефактов, а также осуществляющих эти изменения людей рассматривается нами сквозь призму социокультурной субъектности, являющейся одновременно фактором городских изменений и самих деятельных субъектов – отдельных индивидов, общностей, групп. Очевидно, что социокультурное развитие города не может быть описано «бессубъектно», вне сопряжения с социальным участием горожан в культурных программах и проектах. Поэтому социальное участие молодежи как одной из «прогрессивных» групп, определяющих будущее городов, в нашей исследовательской модели выступает необходимым условием и неотъемлемой частью процесса социокультурного развития городов.

1.4. Моделирование управления молодежным участием в социокультурных городских проектах

Система публичного управления социальным участием городской молодежи формируется в процессе институционального взаимодействия органов местного самоуправления, образовательных учреждений, официальных организаций, создающих условия для реализации молодежной политики и разных видов социокультурной деятельности горожан, некоммерческих организаций, работающих с разными группами молодежи и реализующих городские проекты. Это открытая система сетевого, субъект-субъектного взаимодействия, вариативная среда, которая формируется через политику содействия инициативам, сетевое взаимодействие и партнерство, где артикулируются цели каждой из взаимодействующих организационных структур, конкретизируются результаты, которые достигнут субъекты управления участием и сами субъекты социального участия.

В развитии идеальной среды студенческого социального участия городские программы и проекты при их планировании фокусируются как на текущие организационные потребности и конкретные городские проблемы, так и на перспективы развития качества молодежного участия для города, конкретной организации и самого студенчества. Формат социокультурных проектов позволяет смоделировать процесс формирования социокультурной субъектности молодежи через определение видов молодежного участия и соответствующих организационных условий, особенно в сфере благотворительности. Социальное участие в последней как практика гражданского участия выступает важнейшим ресурсом общественного развития. Его суть заключается не только в помощи нуждающимся, но и в содействии инновационному развитию, повышению качества жизни, укреплению нравственных основ, солидарности, социальной сплоченности в обществе¹.

Управление молодежным участием в границах конкретной организации, проекта или программы как субъект-субъектное взаимодействие предполагает активность молодежи, специальные действия организаторов, в том числе конкретизацию результата или цели для самой молодежи от этой активности как социального взаимодействия².

Этапность коммуникативного взаимодействия субъектов управления с потенциальными и реальными участниками, в зависимости от готовности последних к совместным действиям и их информированности, идентична по своей структуре как в политической и социальной сферах взаимодействия, так и на разных уровнях управления (от управления конкретным проектом или отдельной организацией, которая хочет привлечь людей, до управления городом в ходе разработки, согласования и реализации городских программ).

¹ Уханова Ю. В. Благотворительная деятельность локального сообщества: итоги социологического исследования в российском регионе / Ю. В. Уханова, Д. Леон, Р. Шельвальд // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2021. – № 1 (14). – С. 169–185.

² Checkoway B. Youth Participation and Community Change / B. Checkoway, L. Gutierrez // Journal of Community Practice. – 2006. – № 14. – P. 1–9.

В расширении теории молодежного участия мы проанализировали теоретические концепции Р. Харта¹ и Х. Шнайдера², в рамках которых выделены типы молодежного участия на основе понимания взаимодействия между участниками и организаторами и достигаемых в этих практиках взаимодействия целей. Эти типологии базируются на определении уровня и качественных характеристик ответственности организаторов молодежного участия, которые своими действиями детерминируют действия молодых участников.

В основу развития авторского подхода положены четыре уровня реального участия, соответствующие разным стадиям вовлеченности молодых людей и девушек в социальные и культурные проекты на formalizovannoy основе.

В логике расширения общественной активности студенчества разные мероприятия и акции, включенные в социальные и культурные программы, проекты различных городских институций, можно охарактеризовать по доминирующим типам социального участия молодежи в них. При создании условий, предполагающих повышение информированности о возможностях социального участия, наращивание социальной компетентности и удовлетворенности субъектов участия своим опытом, организационная среда обеспечивает переход молодежи в социокультурных проектах с одной стадии вовлеченности на другую.

Условно участие молодежи в проектах социокультурной городской сферы возможно разделить на два ранее выделенных вида: активное и пассивное участие. Пассивное участие предполагает определенную степень информированности молодого человека или девушки о проблеме, возможностях и реальных действиях, связанных с решением этой проблемы в рамках проекта, программы или акции конкретной организации или городского сообщества.

Под активным социальным участием можно рассматривать волонтерскую активность в формате офлайн и онлайн, включающую в себя:

¹ Hart R. Children's participation: from tokenism to citizenship / R. Hart. – Florence : UNICEF, 1992. – 39 p.

² Shier H. Pathways to Participation: Openings, Opportunities and Obligations / H. Shier // Children & society. – 2001. – № 15. – P. 107–117.

– участие в локальных мероприятиях взаимопомощи, встроенных в общественную и культурную практику мероприятий разных типов городских организаций как ответ на общую потребность или социальную проблему собирающихся вместе заинтересованных людей;

– включение молодых граждан в оказание услуг нуждающимся как реакция на предполагаемые потребности другого человека или сообщества, которому помогают в конкретной организации или городском сообществе;

– работу с информацией, связанную с повышением информированности разных заинтересованных сторон о конкретной проблеме, сообществе, организации или секторе, в котором эта проблема решается, с агитацией как коллективными действиями группы или отдельного лица для идентификации проблемы в управленческом контексте и общественном сознании населения;

– организацию серьезного досуга через волонтерскую деятельность, которая выражает личные интересы или увлечения волонтеров;

– трату времени и усилий для взаимодействия с механизмами управления и принятия решений на разных уровнях как вовлеченность волонтеров в принятие государственных решений на разных уровнях (от национального до локального)¹.

Последний вид участия относится в теории к политическому участию, но социальное и политические участие тесно сопрягаются (табл. 1). Как правило, социально-активные люди активны в разных сферах и имеют разносторонние интересы. Управленческое воздействие при формировании основы для различных практик социального участия молодежи включает в себя действия и управленческие решения, направленные на формирование когнитивного, эмотивного и поведенческого компонентов в сознании и деятельности вовлеченной либо вовлекаемой в конкретный городской проект или акцию молодежи.

¹ Выделенные типы разработаны на основе подхода, раскрытого в Докладе 2022 года о состоянии добровольчества в мире.

Таблица 1

Организационные стадии вовлеченности молодежи в модели управления социальным участием в социокультурных городских проектах

Организационные стадии вовлеченности молодежи в социокультурные проекты	Вид участия	Результат участия для субъекта участия	Результат участия для организаторов
Информирования	Пассивное участие в роли участника мероприятий по взаимопомощи, серьезного досуга, жертвователя материальных средств	Понимание проблемы, возможных альтернатив и способов ее решения	Расширение круга потенциальных участников мероприятий и проектов организации, формирование узнаваемости организации и видимость проблем, которые она решает, формирование доверия к организации
Информационного участия	Активное участие в роли распространителя информации о своем участии в решении проблемы, проекте среди своего окружения	Осмысление и осознание себя в поле социальных и культурных проектов. Приобретение опыта социального участия	
Сотрудничества	Активное участие по созданию информационного контента о проблеме, организации или ее благополучателях, помощника проведения мероприятий, оказания услуг, публичных мероприятий, нацеленных на принятие управленческих решений	Приобретение опыта и компетенций, мягких навыков, формирование резюме, расширение ресурса личной репутации	Расширение человеческих ресурсов организации
Инициативности	Активное участие по проведению новых мероприятий, а также разработка новых направлений и проектов, инициативное обращение к органам публичной власти в разных форматах	Приобретение опыта и компетенций лидера, формирование личной стратегии профессиональной и общественной карьеры или самореализации	Расширение возможностей и спектра деятельности организации, привлечение ресурсов для их реализации

Управленческое воздействие при формировании основы для различных практик социального участия молодежи включает в себя действия и управленческие решения, направленные на формирование когнитивного, эмотивного и поведенческого компонентов в сознании и деятельности вовлеченной либо вовлекаемой в конкретный городской проект или акцию молодежи.

Структура управленческого воздействия при формировании основы различных практик социального участия на базе разных типов городской инфраструктуры социокультурной сферы включает в себя разные стадии взаимодействия субъектов управления с потенциальными и реальными участниками. На разных стадиях этого взаимодействия можно смоделировать характеристики развития социокультурной субъектности участвующих в конкретном городском проекте, инициированном в рамках функционирования определенной организационной структуры. При погружении молодых людей и девушек в деятельность определенных организаций и проекты, сопряженные с культурным, социальным, историческим городским контекстом, можно прогнозировать и формирование территориальной и социокультурной идентичности молодых горожан.

На первой, начальной стадии информирования важно обеспечивать информирование молодежной аудитории как потенциальных и реальных участников проектов и программ таким образом, чтобы у них формировалось понимание конкретной проблемы, специфики разных альтернатив и возможных путей ее решения, возможностей и выгоды от разных форм участия в данном проблемном поле как для конкретных людей и организационных структур, так и для самой молодежи. Стадия информирования, как правило, соответствует практикам пассивного участия, которые мы соотносим с ролевым поведением субъекта участия как наблюдателя или благополучателя в социальной акции или проекте.

На второй стадии информационного участия, когда предыдущий опыт взаимодействия субъектов участия с организаторами способствовал развитию когнитивной компоненты уже создан базис для начальных действий, нацеленных

не только на расширение опыта участия, но и формирование эмотивной компоненты в ходе фиксации субъектом участия своей удовлетворённости – проявления чувств, эмоций, равнодушия при распространении информации о своем опыте участия. Включение молодежи в информирование ближайшего окружения запускает процессы оценки проблемы, альтернатив и возможных путей ее решения, что в целом закладывает базис формирования эмотивной компоненты, определяющей в дальнейшем мотивацию молодежи к активному участию – конкретным действиям, например к волонтерскому участию.

На стадии сотрудничества субъект участия вовлечен в прямое взаимодействие с организаторами и другими участниками. Такого рода активность расширяет знаниевый и углубляет эмотивный компонент через формирование у молодых людей и девушек индивидуального опыта участия. При организационных условиях, способствующих осмыслению достигнутого в практике участия результата, молодежная аудитория сохраняет свой потенциал вовлечения для организаторов в будущих социальных или культурных проектах.

Такие практики социального участия уже могут легко тиражироваться, так как реальные участники обладают определенными знаниями, понимают проблему и имеют навыки ее решения в рамках определенных программ и проектов. Они могут выступать как в роли компетентных участников, так и организаторов этих типичных практик. На уровне инициативности новые практики социального участия могут быть инициированы уже самой молодежью. Важно отметить, что на каждой из выделенных стадий расширяется как социальная компетентность (понимание проблемы, в том числе знание, культуры, истории; понимание и умение работы в команде, конкретной организации), так и эмоциональная вовлеченность, и заинтересованность тех, кто вовлекается (табл. 2).

Характеристики социокультурной субъектности, соответствующие разным организационным стадиям вовлеченности молодежи в социокультурные проекты

Организационные стадии вовлеченности молодежи в социокультурные проекты	Информирования	Информационного участия	Сотрудничества	Инициативности
Характеристики социокультурной субъектности	Информированность (о проблеме, условиях и возможных результатах участия). Опыт участия.	Информированность. Вовлеченность в практики участия.	Информированность. Вовлеченность в практики участия. Намерения продолжать участие.	Информированность. Вовлеченность в практики участия. Намерения продолжать. Намерения расширять практики своего участия.

В субъект-субъектном взаимодействии усилия организаторов могут способствовать развитию конструктивной (в некоторых случаях деструктивной) мотивации молодежи к действиям в рамках определенных практик социального участия и развитию компетентности вовлеченной молодежи в определенной области (культуры, искусства, социальной защиты, образования, спорта и т. д.). Сформированная компетентность в свою очередь способствует мотивации к продолжению участия как деятельности, конструктивной активности, которая реализуется индивидом в дальнейших городских проектах.

Участие молодежи в социокультурном развитии городов зависит не только от процесса организации вовлечения, мотивации и способностей самой молодежи, но и от внешнего контекста, а именно социального взаимодействия с ближайшим окружением, культурной и организационной средой (учебы, досуга, работы), в которую он включен в повседневной жизни. Участие молодежи – часть широкого поля общественного участия в целом, где сформирована или формируется культура участия граждан любого возраста, в том числе благотворительная, добровольческая деятельность горожан в режиме повседневности.

1.5. Об исследовательской методологии междисциплинарного проекта по изучению социального участия молодежи городов в регионах России и постсоветских стран

Методология комплексного междисциплинарного исследования социального участия молодежи в социокультурном развитии городов, подробно описанная нами ранее в монографии¹, легла в основу методики целого ряда эмпирических исследований, реализованных в стратегии Mix Research. Смысл и новизна авторского подхода в данном исследовательском решении заключается в сочетании двух базовых методологических принципов – междисциплинарности и компаративности.

Принцип междисциплинарности структурировал методологию исследования, обеспечивая ее функциональность и надежность на разных уровнях. Он реализуется через спектр междисциплинарных (социогуманитарных) подходов – институционального, социокультурного, общностного, управленческого.

Институциональный подход определяет границы исследовательского поля, формируя три базовых направления исследования: изучение институциональной среды, организационных условий социального участия, а также особенностей межобщностного взаимодействия в городской среде молодежных сообществ. Социокультурный подход ориентирован на изучение потенциала социального участия молодежи через анализ культуры участия; исследования культуры управления социальным участием местных сообществ (включая молодежные), а также изучение особенностей влияния социокультурной среды города на реализацию социального участия молодежи в его развитии. Общностный подход позволяет осуществить углубленный анализ потребностно-мотивационных и ценностно-нормативных характеристик участия молодежи в развитии городской среды. Управленческий подход ориентирован на изучение тенденций развития

¹ Социальное участие молодежи в развитии городов: методологические идеи, методические подходы и опыт исследования конструктивных практик : монография / Под общей редакцией М. В. Певной. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2020. – 244 с.

технологий управления социальным участием, выявление наиболее успешных практик его реализации в различных институциональных средах.

Использование принципа компаративности на уровне теории позволяет соотнести концепции участия сообществ в социокультурном развитии городов, реализуемые в социологии, культурологии, урбанистике, обеспечивая возможности их взаимного дополнения в анализе ключевых проблем.

На уровне разработки методической стратегии данный принцип позволяет сочетать между собой различные методы сбора и анализа информации, понять их возможности и ограничения, адекватность использования, последовательность применения, а на уровне техники исследования – обеспечить сопоставимость результатов. Потребность в сравнительных исследованиях объясняется необходимостью решения ряда проблем научного поиска и социального управления в сфере социального участия молодежи, связанных с задачами межрегионального и межстранового сравнения. Эти проблемы стали драйвером в конструировании методологии исследования, привели к пересмотру ряда теоретических положений, к выработке авторской методической стратегии. В целом, при разработке методологии проблемы социального участия молодежи в социокультурном развитии городов России и постсоветских стран была осуществлена взаимосвязь между междисциплинарными (социогуманитарными) подходами, компаративным анализом и дисциплинарными дискурсами.

На основе методологии междисциплинарного исследования была разработана методология и методика сравнительного международного исследования, его программа. В соответствии с планом было проведено анкетирование. Объект исследования – студенты вузов крупного российского региона, регионов Армении, Румынии и Польши. Выборка – целевая. Опрос охватил заинтересованную тематикой культурно-исторического развития своих городов студенческую молодежь. Выбор регионов проведения опроса в заявленных странах обусловлен рядом характеристик. Во-первых, сравниваемые страны имеют общий культурно-исторический бэкграунд, обусловленный социалистическим прошлым. Во-вторых, предполагаемые вузы, студенты которых приняли участие в опросе, находятся в

крупных городах определенных территорий, притягивающих молодежь малых и средних близлежащих к ним городов.

В ходе исследования было опрошено 1276 респондентов из четырех постсоциалистических стран: России, Армении, Польше, Румынии. Выборка – целевая, включающая студенческую молодежь вузов региональных городов сравниваемых стран: Екатеринбург (Россия, N = 465), Гюмри (Армения, N = 268), Познани и Зеленой Гуры (Польша, N = 264) и Тимишоары (Румыния, N = 279). Данные крупные региональные города являются университетскими центрами притяжения молодежи из прилегающих территорий. Общая выборка представлена студенческой молодежью из 41 населенного пункта Свердловской области (Россия), из 43 – Армении, 110 – Польши, 94 городов и сельских поселений Румынии. Распределение опрошенных по типу поселения представлено в табл. 3.

Таблица 3

Распределение опрошенных по типу поселений (в % от опрошенных)

	Страна опроса				Всего
	Россия	Армения	Польша	Румыния	
Деревня, село, поселок, очень маленький город	15	27	20	20	20
Малый город (10–50 тыс. жителей)	44	8	28	28	30
Средний город (50–100 тыс. жителей)	14	1	9	18	11
Большой и крупный город (более 100 тыс. жителей)	28	64	43	33	40
Всего	100	100	100	100	100

Всего среди студентов опрошено 38 % мужчин и 62 % женщин. Учитывая отсутствие данных о соотношении мужчин и женщин среди студенческой молодежи, путем взвешивания данных выборка приведена в соответствие с гендерной структурой населения рассматриваемых стран. Структура выборки по полу до и после взвешивания представлена в табл. 4. Для расчета коэффициента

взвешивания использованы статистические данные базы Кноема за 2020 год о соотношении мужчин и женщин по странам¹.

Таблица 4

Структура подвыборок по полу в разрезе стран

Показатели		Пол	Россия	Армения	Польша	Румыния	Всего
До взвешивания	Мужской	N	222	46	82	132	482
		в %	48	17	31	47	38
	Женский	N	243	222	182	147	794
		в %	52	83	69	53	62
После взвешивания	Мужской	N	215	126	128	136	605
		в %	46	47	48	49	47
	Женский	N	250	142	136	143	671
		в %	54	53	52	51	53
Всего			465	268	264	279	1276

В разрезе стран ошибка выборки по одному признаку с 95 % вероятностью составляет соответственно $\Delta = 4,7$ % для России, $\Delta = 6,1$ % для Армении, $\Delta = 6,2$ % для Польши и $\Delta = 6$ % для Румынии. Все данные количественного исследования обработаны в статистической программе SPSS (версия 22).

В исследовании решены следующие задачи: определен уровень информированности молодого поколения об истории и культуре их родных городов; выявлены представления молодых горожан о важных городских символах, публичных местах, культурно-исторических объектах, обладающих определенной ценностью для городского сообщества и туристов; дана оценка опыту социального участия молодежи, готовности молодых людей и девушек к каким-либо конкретным действиям «прямых акторов», соучастию и включению в различные практики (от информирования до добровольческого участия в жизни города, где они учатся, и в городе, где они родились).

Феномен социального участия молодежи в данном сравнительном исследовании эмпирически изучался с позиции концепции гражданственности (citizenship), что позволило выделить в его структуре когнитивные, эмотивные и

¹ Мировая и региональная статистика, национальные данные, карты и рейтинги. – URL: <https://knoema.ru/atlas> (дата обращения: 25.12.2020).

поведенческие характеристики, следуя методическому решению Ю. Б. Савельева¹. В ходе исследования когнитивные и эмотивные характеристики были соотнесены с готовностью к социальному участию, а также со знанием и субъективными оценками студентов городской среды и ее культурно-исторического наследия. Поведенческие – с реальными опытом участия. Изучая социальное участие студентов в развитии городов, были выделены лишь некоторые практики, ограниченные культурно-историческим контекстом городской среды, или виды активности, ориентированные на развитие местных сообществ. Они выступали ключевыми показателями социального участия студенчества в социокультурном развитии городов (табл. 5).

Таблица 5

Практики участия, ограниченные культурно-историческим контекстом городской среды

Типы участия в развитии городов	Конкретные практики участия
Решение проблем сообщества (пассивное участие)	Подписать петицию в защиту памятников или природных объектов своего города.
Решение проблем сообщества (активное участие)	Пожертвовать свое время на уборку парка, высадку цветов
	Помогать в организации выставок, ярмарок, публичных мероприятий.
Участие в благотворительном фандрайзинге	Пожертвовать деньги на реставрацию храма.
Волонтерство (активное участие в формате онлайн)	Размещать информацию в интернете о достопримечательностях и культурных местах своего города.
Волонтерство (активное участие в формате офлайн)	Показать туристам достопримечательности города.
	Рассказать детям и подросткам о культуре, истории и архитектуре своего города.

Оценка потенциала социального участия студенческой молодежи проводилась на основе методического решения А. В. Кисilenко² с использованием 4-векторной модели. В рамках данного подхода определялось соотношение

¹ Савельев Ю. Б. Основные типы участия в общественной жизни европейских стран / Ю. Б. Савельев // Социологические исследования. – 2013. – № 12. – С. 64–71.

² Кисilenко А. В. Волонтерство: потенциал самоорганизации российской молодежи / А. В. Кисilenко // Научный результат. Социология и управление. – 2018. – № 1. – С. 63–71.

показателей готовности к социальному участию и показателя реального участия в волонтерской деятельности. Комбинация значений наличия либо отсутствия опыта волонтерской деятельности и готовности или не готовности к социальному участию задают вариативность, определяющую установки молодежи в отношении социального участия молодежи в городских социокультурных проектах.

В рамках проводимого исследования виртуальные модели городов позволили погрузиться в контекст и оценить все особенности пространства и его организацию, составить полное впечатление о наполнении и значимости каждой локации. Выбранные в результате опроса молодежи места были обозначены на виртуальных моделях городов и проанализированы, выявлены схожие характеристики мест пребывания молодежи в разных городах (центральное размещение, транспортная доступность, разнообразная окружающая застройка). У метода виртуального моделирования также есть свои ограничения, за упрощенным и достаточно условным изображением здания сложно уловить его черты и проанализировать архитектурные особенности. Виртуальная модель идеально подходит для анализа в масштабе города и локации, но при рассмотрении особенностей конкретного объекта требуется дополнительная информация, которую может дать только полевое исследование.

Управленческие модели должны применяться в тех местах, где они могут быть эффективны. Виртуальное моделирование в междисциплинарных исследованиях позволяет не только выявить важные для горожан территории, изучить их, но и проверить теории, оценить изменения от внедрения тех или иных решений. Виртуальное моделирование как инструмент имеет потенциал, поскольку позволяет находить и визуализировать взаимосвязи между средой и социальным участием. Изучая те или иные территории, можно оценивать высотность и гармоничность застройки, связность нескольких локаций, открытость или закрытость образованного окружающей застройкой пространства, наполнение, тем самым создавая полное представление о функциональном назначении и облике конкретного места и его возможностей для активизации социального участия.

Второе исследование, реализованное в рамках представленного проекта в 2020 году, – опрос молодежи Свердловской области, который проводился методом анкетирования по стандартизированному бланку опроса. Все данные количественного исследования обработаны в статистической программе SPSS (версия 22). Объект исследования: молодежь Свердловской области в возрасте от 14 до 24 лет. Предмет исследования: потребностно-мотивационные характеристики и практики социального участия молодежи Свердловской области в социокультурном развитии городов. Цель исследования: выявление потребностно-мотивационных характеристик и практик (типичных и инновационных) социального участия молодежи Свердловской области в социокультурном развитии городов. Выборка – квотная. В ее основе следующие квоты: половозрастная структура молодежи; основной вид занятости: образование (школа, ссуз, вуз); уровень вовлеченности в работу общественных объединений и организаций. Расчет выборочной совокупности произведен в соответствии со статистическими данными Управления федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области¹, а также данными «Стратегии молодежной политики и патриотического воспитания граждан в Свердловской области на период до 2035 года» (табл. 6).

Таблица 6

Выборочная совокупность в зависимости от возрастной структуры молодежи

Возраст (лет)	Численность молодежи в Свердловской области в 2019 г. ²	Распределение квот по возрастной структуре молодежи (%)
14–15	89 084	20,0
16–17	81 954	18,5
18–19	75 450	17,0
20–24	198 117	44,5
Итого	444 605	100,0

¹ Управление федеральной службы Государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. – URL: <https://sverdl.gks.ru/folder/29698> (дата обращения: 21.08.2022).

² Постановление Правительства Свердловской области от 07.11.2019 года № 761-ПП «Об утверждении стратегии молодежной политики и патриотического воспитания граждан в Свердловской области на период до 2035 года».

В выборку включены 40 % обучающихся в образовательных организациях общего образования, 29% обучающихся в образовательных организациях среднего профессионального образования и 31 % в образовательных организациях высшего образования. Выборка рассчитана по официальным данным мониторинга эффективности деятельности организаций высшего и среднего специального образования (табл. 7 и 8).

Таблица 7

Локализация молодежных групп на территории Свердловской области
по официальным данным 2019 года

Численность учащейся молодежи (14–24 года), (тыс. человек)	Численность основных социальных групп (тыс. человек)		
	Школьники старше 14 лет ¹	Студенты ссузов	Студенты вузов ²
388 319	156 300	111 701 ³	120 319
100 %	40 %	29 %	31 %

Таблица 8

Гендерные характеристики респондентов

Пол	Количество респондентов	
	в чел.	в %
Мужской	517	47
Женский	588	53
Всего	1105	100

В исследовании решались следующие задачи: выявлены особенности мотивации, ориентаций, потребностей и опыта общественного (гражданского, социального, политического) участия трех возрастных групп молодежи

¹ Постановление Правительства Свердловской области от 07.11.2019 года № 761-ПП «Об утверждении стратегии молодежной политики и патриотического воспитания граждан в Свердловской области на период до 2035 года».

² Мониторинг эффективности деятельности организаций высшего образования. – URL: http://indicators.miccedu.ru/monitoring/_vpo/material.php?type=2&id=10804 (дата обращения: 21.08.2022)

³ Мониторинг эффективности деятельности организаций среднего профессионального образования. – URL: http://indicators.miccedu.ru/monitoring/_spo/material.php?type=2&id=10804 (дата обращения: 21.08.2022).

(школьников, студентов ссузов и вузов); дана характеристика наиболее типичным и актуальным инновационным практикам социального участия молодежи городов Среднего Урала; выявлен уровень информационной компетентности школьников и студентов в отношении событий, имеющих важное значение для регионального развития; дана оценка уровню информированности и вовлеченности молодежи в практики социального участия, наиболее популярные/востребованные в сложный социально-экономический период; выявлен потенциал событийного (спортивного, культурного) и информационного (образовательного, медиа) волонтерства; оценивается динамика трансформации волонтерской деятельности в форматах онлайн и офлайн, возможные перспективы их дальнейшего развития; осуществлена эмпирическая типологизация успешных моделей организации эффективного управления социальным участием молодежи, исходя из оценок школьников и студентов.

Практики социального участия были операционализированы в соответствии с их разделением на два вида: пассивные и активные. Практики социального участия были конкретизированы на основе выделения разных характеристик участия как деятельности, особенностей среды реализации этой активности, а также специфики поведения молодежи как субъектов участия.

В исследовательском проекте была применена стратегия кейс-стади. В качестве кейса рассматривался город как средоточие конструктивных социальных практик участия молодежи в социокультурном развитии городской и управленческой среды. Всего было изучено три города: Екатеринбург (Россия), Гюмри (Армения) и Тимишоара (Румыния). Цель исследования – определение условий, предпосылок, факторов влияния на социальное участие городской молодежи в постсоветских странах для разработки управленческих моделей и конкретизации технологии управления конструктивными видами молодежного участия в разных форматах.

В рамках данного исследования первоначально был реализован анализ нормативной рамки участия граждан (включая вовлечение студентов, учащихся) и его форм (формальное / неформальное, организованное / ситуативное участие)

через оценку государственных и муниципальных документов, в которых определено право на участие, общественные движения и инициативы, выделение направлений молодежной политики на разных уровнях, а также основных проектируемых трендов молодежного участия, характерных для данного города.

Исследователями изучены и описаны социокультурные городские проекты с молодежным участием как кейсы участия, курируемые на разных уровнях (включая муниципальный, с международным участием и др.) для определения типа актуальных проектов и стратегий основных заинтересованных субъектов управления в отношении городской молодежи. По результатам первого этапа кейс-стади обобщен комплекс актуальных идей социокультурного развития города с участием молодежи, который был детализирован на втором этапе во взаимодействии (интервью) с экспертами, как представителями муниципального управления, некоммерческого сектора, организаторами молодежных проектов в культурных и образовательных городских учреждениях.

Стратегия кейс-стади включала фокус-групповые интервью со студентами и молодыми волонтерами, включенное наблюдение за субъектами организации молодежного участия в вузах, неправительственных организациях, городской социокультурной средой участия. В своем единстве данные методы позволили классифицировать актуальные идеи (направления) социокультурного развития города, характерные для него, определяющие его лицо, специфику и создающих поле социального участия и самореализации молодежи. В дополнение к интервью на втором этапе кейс-стади был собран фото и видеоматериал, который обеспечил возможности проведения картографирования практик социального участия, идей (проектов) в привязке к местности анализируемых городов кейсов.

Включенное наблюдение и архитектурно-градостроительный анализ городских пространств обеспечили возможности для междисциплинарной оценки культурно-исторического бэкграунда территорий. В исследовании собран материал о важных с точки зрения молодежи городских символах. Экспертные интервью, включенные наблюдения и фокус-групповые интервью позволили

выделить ряд общих характеристик сложившихся в разных странах практик публичного управления активностью городской молодежи.

В реализации кейс-стади были решены следующие задачи: собраны качественные данные, помогающие раскрыть и конкретизировать данные количественного опроса – представления молодых горожан о важных городских символах, публичных местах, культурно-исторических объектах, обладающих определенной ценностью для городского сообщества и туристов; дана междисциплинарная оценка культурно-историческому бэкграунду территорий, в том числе культурно-историческим объектам и зонам, включенным в поле внимания молодежи; сопоставлены сложившиеся в разных странах практики публичного управления активностью городской молодежи на уровне города и отдельных организаций; выявлены и описаны перспективные городские социокультурные проекты с молодежным участием.

Для изучения проблемы конструирования символического пространства города молодежью использовалась комбинированная методика, сочетающая фокус-групповое интервью и метод ментальных карт. Местом проведения стали Гюмри (Армения), Екатеринбург (Россия) и Тимишоара (Румыния). Тип фокус-группы: классическая (8 человек), продолжительность 1,5 часа, тип отбора участников целевой, гомогенный. Объектом исследования являлись студенты вузов трех городов – молодые горожане. Метод фокус-групп в сочетании с методом ментальных карт был дополнен рядом методик (методом ассоциаций и др.).

Для исследования решался комплекс задач, связанных с изучением ассоциативного образа города (метод ассоциаций); представлений студентов о городе как месте самореализации лично для каждого, «городе для себя» (метод ментальных карт); представлений студентов о городе, его символическом пространстве как интеграторе социального участия молодежи. Сравнение локаций самореализации и участия (метод ментальных карт); представлений студентов о Гюмри и Тимишоаре как городе будущего. Всего было проведено 2 фокус-группы в Гюмри, 3 фокус-группы в Екатеринбурге, 2 фокус-группы в Тимишоаре.

Методом картографирования в рамках кейс-стади были проанализированы ментальные карты информантов согласно методологии, разработанной К. Линчем. Собранные на основании анализа итоговые карты позволили выявить наиболее часто используемые локации для самореализации и участия, а также самые редкие из них, а также оценить наиболее актуализированные локации, включенность объектов культурно-исторического наследия в образ города для участия и самореализации.

На основе изучения данных включенного наблюдения, экспертных интервью с руководителями и сотрудниками организаций некоммерческого сектора, образовательных, социальных и культурных учреждений, работающих с молодыми волонтерами, фокус-групп, групповых и индивидуальных интервью со студентами, имеющими опыт активного социального участия, анализа документов, а также информационных ресурсов (сайтов, групп в социальных сетях), по заявленным городам были выделены и детально проанализированы 9 проектов, которые чаще всего упоминались экспертами, специалистами и студентами. По собранным и транскрибированным материалам этих проектов как отдельных самостоятельных кейсов был проведен качественный анализ.

Полученные данные изучались посредством процедур кодирования в соответствии с методологическим подходом А. Страусса и Д. Корбина. В исследовании была использована «спиралевидная модель». На этапе сбора данных основные блоки программы каждого кейса (характеристика организации, проектов, партнеров, целевых аудиторий); технологии работы с активными субъектами участия (информирование, рекрутинг, обучение, удержание) дополнялись новыми вопросами, а возникающие идеи, интерпретации и гипотезы проверялись при обращении к следующим информационным материалам каждого кейса.

По результатам исследования были выделены три типа социокультурных проектов с социальным участием молодежи, имеющих разные характеристики и предполагающие разные модели управления этим участием. Данные по выделенным типам проектов были верифицированы и дополнены на материалах патисипаторного исследования студенчества Свердловской области. Студенты

принимали участие в интересных для себя проектах, получивших в 2021 году поддержку Фонда президентских грантов, субсидии Министерства образования и молодежной политики Свердловской области. По заранее разработанному для них гайду собирали данные, фиксировали результаты наблюдений и самоинтервью, составляли развернутый отчет. В целом было проанализировано 65 региональных проектов.

2. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА МОЛОДЕЖНОГО УЧАСТИЯ В РАЗВИТИИ ГОРОДОВ РОССИИ, АРМЕНИИ, РУМЫНИИ И ПОЛЬШИ

2.1. Общемировые тренды в разработке и реализации молодежной политики в социокультурной сфере

В результате анализа нормативно-правовых актов международного, национального и локального уровней, вторичного анализа результатов прикладных исследований выявлено, что существует ряд общемировых трендов в разработке и реализации молодежной политики в социокультурной сфере. В качестве наиболее выраженных трендов можно выделить цифровизацию молодежной политики, ориентацию политических и социальных институций на формирование гражданственности в молодежной среде, а также особое внимание к организации локальной городской активности через активизацию досуга молодежи, развитие ее креативности.

Обозначим и постараемся охарактеризовать цифровизацию как тренд организации молодежной политики в связи с характеристиками молодежи как цифрового поколения и расширением цифровых ресурсов управления общественной активностью. Появление цифровых аспектов молодежной политики было заложено еще в 2015 году в Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года»¹. Этот документ направлен в первую очередь на преодоление «цифрового разрыва» между социально-демографическими группами, в нем подчеркивается необходимость распространения и развития информационно-коммуникационных технологий для построения нового общества, основанного на знаниях. Необходимость использования цифровых технологий в молодежной политике нашла поддержку ЮНЕСКО. С 2016 года в международном сообществе

¹ Декларация Генеральной Ассамблеи ООН от 25.09.2015 года «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года».

активно развивается инициатива «Youth Mobile». Она нацелена на повышение цифровой грамотности молодежи, на обучение молодых людей новым профессиям, связанным с цифровыми технологиями¹. В последние несколько лет проводятся различные мероприятия по реализации целей устойчивого развития в области коммуникации и информации для молодежи из разных стран. Таким образом, за счет активного использования цифровых технологий должен раскрываться потенциал разных групп молодежи.

Цифровизация молодежной политики проявляется и в странах Европейского Союза (далее ЕС). Среди общеевропейских основополагающих документов выделим «Стратегию 2030. Привлечение молодых людей к ценностям Совета Европы», принятую в 2020 году. Стратегические приоритеты, определенные Объединенным советом по делам молодежи для реализации молодежным сектором Совета Европы на 2020–2021 годы, были направлены на достижение целей устойчивого развития. К ним относятся: доступ к правам, в том числе цифровым для преодоления цифрового неравенства; работа с молодежью, заключающаяся в поддержке молодежного участия в политической жизни, в принятии решений и действиях на местном и региональном уровнях, особенно в сотрудничестве с местными органами власти для укрепления демократии, в том числе и просвещение о цифровом политическом участии (цифровая гражданственность); развитие инклюзивного дружелюбного общества². В этой Стратегии отмечено, что новые технологии не всегда безопасны, в связи с чем необходимо отслеживать и вести профилактику негативных последствий их применения³. Возможные риски применения новых технологий раскрыты в совместном коммюнике «План действий ЕС по правам человека и демократии на 2020–2024 гг.», где акцентируется особое внимание Европейского Парламента и Совета Европы на разжигании ненависти в социальных сетях, распространении дезинформации,

¹ YouthMobile / ЮНЕСКО. – URL: https://en.unesco.org/youthmobile_ (дата обращения: 20.11.2022).

² European Youth Foundation / Council of Europe. – URL: <https://edoc.coe.int/fr/les-jeunes-en-europe/10317-european-youth-foundation-annual-report-2020.html> (дата обращения: 04.12.2022).

³ Strategy 2030 / Council of Europe. – URL: <https://rm.coe.int/background-document-youth-sector-strategy-2030-russian/1680a0bb79> (дата обращения: 04.12.2022).

усилении контроля за населением. В документе определяется и приоритет цифровых технологий при продвижении демократических ценностей, повышении вовлеченности общества в политические процессы¹.

Применение цифровых технологий определено одним из основных путей реализации общеевропейской политики подготовки к возможным кризисным явлениям будущего. Для обеспечения устойчивости стран ЕС молодежь позиционируют как будущих лидеров и поставщиков комплексных решений, которым в настоящем необходимо дать лучшее образование с использованием новых технологий. Эта задача решается в соответствии с Планом действий по цифровому образованию на 2021–2027 годы, ориентированным на создание высококачественного инклюзивного и доступного цифрового образования в ЕС, поддержку и адаптацию образования государств-членов союза, создание тесного академического сотрудничества².

Единство целей и инструментов политики ЕС в отношении молодежи направлены на формирование созидательной личности и преодоление риска межпоколенческого разрыва в отношении целей и инструментов формирования нового европейского общества. Проекты и программы, связанные с развитием человеческого капитала молодежи в эпоху цифровизации, вписываются в более крупные тренды, такие как стратегия «Цифровой век»³. Поэтапное формирование цифровой грамотности и медиакомпетентности, вовлечение молодежи в принятие государственных решений при помощи новых технологий призвано снизить риск гражданского неповиновения в целом⁴.

Итак, молодежная политика стран ЕС после 2015 года направлена в первую очередь на развитие общественного, в том числе гражданского и социального

¹ Action Plan on Human Rights and Democracy 2020-2024 / European Commission. – URL: [https://ec.europa.eu/transparency/documents-register/detail?ref=JOIN\(2020\)5&lang=en](https://ec.europa.eu/transparency/documents-register/detail?ref=JOIN(2020)5&lang=en) (дата обращения: 03.12.2022).

² Digital Education Action Plan (2021–2027) / European Commission. – URL: <https://education.ec.europa.eu/focus-topics/digital-education/action-plan> (дата обращения: 03.12.2022).

³ A Europe fit for the digital age / European Commission. – URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/europe-fit-digital-age_en (дата обращения: 03.12.2022).

⁴ New and innovative forms of youth participation in decision-making processes / Council of Europe. – URL: <https://edoc.coe.int/en/youth-in-europe/7625-new-and-innovative-forms-of-youth-participation-in-decision-making-processes.html> (дата обращения: 04.12.2022).

участия молодежи в цифровом формате, расширение вовлеченности молодого поколения в построение демократического общества. При этом новые виды гражданского участия молодежи коррелируют с повышением цифровой грамотности молодежи и развитием медиакомпетентности среди разных групп граждан ЕС. В этом процессе именно на молодежь была сделана ставка, а отсутствие пространственных и сглаживание темпоральных границ в цифровом пространстве создают условия для сближения молодых людей из разных стран обеспечивают атмосферу, которая может вдохновлять на новые дела¹.

Рассмотрим, как цифровизация молодежной политики преломляется в политико-правовом поле нашей страны. Основы молодежной политики в РФ были заложены в соответствии с международными нормами. Стратегия развития молодежи РФ на период до 2025 года разработана на основе положений Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 62/126 от 5.02.2007 года². В Стратегии обозначена необходимость обеспечения экономической, социальной, культурной конкурентоспособности молодежи через формирование целостной картины мира, сохранение ценности патриотизма, семьи, нравственности, здорового образа жизни, бережного отношения к природе, развитие надпрофессиональных компетенций, в том числе инновационности и креативности. Конкретизированы цели молодежной политики РФ в Федеральном законе от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в РФ» (статья 4)³. К ним относятся защита прав и законных интересов, обеспечение равных условий для развития и самореализации, создание условий для участия молодежи в жизни общества, формирование согласия, нравственных и смысловых ориентиров. Цели раскрываются через 21 направление, такие как организация досуга молодежи, развитие добровольчества, воспитание гражданственности и патриотизма и другие.

¹ Meaningful youth political participation in Europe: concepts, patterns and policy implications / Council of Europe. – URL: <https://edoc.coe.int/en/youth-in-europe/10301-meaningful-youth-political-participation-in-europe-concepts-patterns-and-policy-implications-research-study.html> (дата обращения: 04.12.2022).

² Стратегия развития молодежи Российской Федерации на период до 2025 года / Федеральное агентство по делам молодежи. URL: <https://fadm.gov.ru/mediafiles/documents/document/98/ae/98aeadb5-7771-4e5b-a8ee-6e732c5d5e84.pdf> (дата обращения 28.11.2022).

³ Распоряжение Правительства РФ от 29.11.2014 года № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года».

Важно отметить, что нормативно использование интернета обозначается в этом законе как одно из средств массовой информации для распространения результатов научной деятельности, произведений искусства и литературы и других объектов, направленных на формирование и укрепление гражданской идентичности и духовно-нравственных ценностей молодых людей (статья 6). В целом цифровые инструменты рассматриваются в контексте российской молодежной политики как часть ее информационного обеспечения. Предполагается их использование для информирования всех стейкхолдеров молодежной политики, обеспечения взаимодействия между ними, реализации мероприятий и программ в сфере молодежной политики, сбора и анализа информации (статья 11).

Непосредственно мероприятия молодежной политики включены и реализуются в рамках национальных и федеральных проектов. Национальный проект «Образование» интегрирует патриотическое воспитание молодежи, создание цифровой образовательной среды для всех уровней образования, мероприятия по повышению престижа программ среднего профессионального образования, развитию добровольчества в молодежной среде. Цифровая среда, таким образом, становится инструментом реализации молодежной политики. Например, для содействия участию молодежи в добровольческой (волонтерской) деятельности как одному из основных направлений реализации молодежной политики с 2016 года функционирует платформа Добро.РФ, фактически составляющая цифровую экосистему, призванную расширять среду социального участия молодежи, в том числе за счет развития инфраструктуры и различных цифровых ресурсов.

Отдельно отметим федеральный проект «Молодежь России», включающий в себя массовые молодежные мероприятия, в том числе образовательные форумы, творческие и научные конкурсы, фестивали, просветительские мероприятия. Цифровая инфраструктура, создаваемая для каждого из этих мероприятий, должна использоваться впоследствии их участниками. Национальный проект «Культура» включает федеральные проекты «Творческие люди» и «Цифровая культура» для обеспечения возможностей творческой самореализации граждан и повышения доступности объектов культуры. Национальный проект «Жилье и городская среда»

ориентирован в том числе на формирование комфортной городской среды, способной обеспечить потребности самых разных групп населения. Национальные проекты обеспечиваются информационно, что в свою очередь, должно поддерживать широкое информирование разных целевых групп и вовлеченность молодежи в событийную повестку национальной молодежной политики.

Таким образом, тренд цифровизации молодежной политики действительно является глобальным. Однако если в европейских странах акцент сделан на цифровое равенство, компетентность, гражданственность молодого поколения, то в России цифровая среда позиционируется как сфера и инструмент реализации различных мероприятий в рамках национальной молодежной политики. Использование цифровых инструментов в такой логике призвано обеспечить доступность как самих мер поддержки молодых людей, так и их информированность о происходящем для них и с их участием событий.

Еще одним трендом молодежной политики является ориентированность на гражданственность молодого поколения. Под гражданственностью, как правило, понимается глубокое осознание принадлежности к обществу, в котором живет человек, сопровождаемое стремлением к созидательной деятельности на благо этого общества. Формирование гражданственности невозможно без политического содействия этим процессам и расширения вовлечения граждан в процессы управления. Гражданственность в такой концептуальной трактовке – основа социально-экономической и политической устойчивости отдельных стран и общемирового развития.

Особое отношение к молодежи как социальной группе заложено на международном уровне. Для привлечения внимания к проблемам молодежи, явлению эйджизма и недостаточности поддержки этой группы населения ООН был учрежден ежегодный международный день молодежи – 12 августа. Внимание политиков сосредоточено на разнице в доступности для молодого поколения различных социальных благ, например, медицинского обслуживания, на

очевидном запросе молодежи в отношении расширения их политического участия¹. Глобальная политическая повестка формирует общемировую гражданственность. Например, в рамках реализации задачи по вовлечению молодежи в политику уже три года (с 2020 года) проводятся встречи молодежных делегатов ООН². С 2021 года Генеральной Ассамблеей ООН создано молодежное товарищество с собственным стипендиальным фондом для молодых дипломатов. Стипендиаты выдвигаются государствами-членами ООН, отбор производится специальной комиссией³. Международными организациями поддерживается занятость и предпринимательская активность молодежи⁴. Цель такой политики – введение в международные и дипломатические отношения молодежи, создание новой политической элиты – глобально мыслящих политических акторов. Для более широкого круга участников ООН реализует проект «Быть услышанным». Его цель – привлечь молодых людей к принятию решений как на локальном уровне, так и на уровне государств за счет введения их в состав политических партий и парламентов⁵.

Гражданственность молодежи продвигается и в странах ЕС. По прогнозам Совета Европы, к 2030 году численность молодежи на территории ЕС должна достичь 1,3 млрд⁶. По мнению европейских политиков, нельзя оставить без внимания адаптационный потенциал молодежи к изменяющемуся миру, ее креативность и роль в сохранении ценностей того общества, неотъемлемой частью которого молодое поколение является. В таком триединстве выражение находит

¹ International Youth Day 12 August / ООН. – URL: <https://www.un.org/en/observances/youth-day> (дата обращения: 25.11.2022).

² UN Youth Delegate Programme / ООН. – URL: <https://www.un.org/development/desa/youth/what-we-do/youth-delegate-programme.html> (дата обращения: 25.11.2022).

³ General Assembly President Launches Youth Fellowship / ООН. – URL: <https://www.un.org/pga/76/2021/11/16/general-assembly-president-launches-youth-fellowship/> (дата обращения: 25.11.2022).

⁴ EU4 Youth Programme / Central Project Management Agency. – URL: <https://www.cpva.lt/en/development-cooperation-and-democracy-promotion-programme/calls-for-proposals/660/k66> (дата обращения: 25.11.2022).

⁵ Promotion Youth Participation and Amplifying Young Voices in Public Life / Be Seen. Be Heard. – URL: https://beseenbeheardcampaign.com/static/media/UN_REPORT_TBS_ACCESSIBLE.b891cbcf84c773f78e5.pdf (дата обращения: 25.11.2022).

⁶ Youth in External Action. Council Conclusions / Council of the European Union. – URL: <http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-8629-2020-INIT/en/pdf> (дата обращения: 25.11.2022).

обшеевропейский тренд формирования гражданственности в рамках ЕС, а также на уровне отдельных стран его членов.

2022 год в ЕС объявлен годом молодежи. Таким образом, подчеркнута значимость этой социально-демографической группы для формирования общества и новой мировой политики в условиях постковидного мира. Четко определен и круг задач на этот период. В них входит создание новых возможностей для молодых людей в европейских странах, повышение доступности образования и трудоустройства, поддержание их психического здоровья¹. Для решения поставленных задач реализуется проект восстановления молодежи «Next Generation EU», преследующий пять целей: улучшение экологической ситуации и формирование экологичного поведения и сознания, развитие технологий и цифровизация общества, поддержание физического, ментального и социального здоровья, поддержка молодежи в образовании и трудоустройстве для формирования устойчивого к кризисам европейского общества, формирование равных возможностей для всех социальных групп². В совокупности эти цели прививают молодым европейцам активную позицию по отношению к той территории, где они проживают. Проект восстановления – следующий шаг в реализации молодежной политики Европейского союза после программы Erasmus+³, создания Европейского корпуса солидарности⁴, проекта «Усиленной молодежной гарантии»⁵ и проекта «Инициатива занятости молодежи»⁶, призванных решать сходные задачи.

Формирование гражданственности на национальном уровне относится в первую очередь к реализации мер молодежной политики в нормативных границах

¹ European Year of Youth: Creating new pathways for young people / Council of the EU. – URL: https://www.ecas.europa.eu/delegations/un-new-york/european-year-youth-creating-new-pathways-young-people_ru (дата обращения: 25.11.2022).

² Next Generation EU. – URL: https://next-generation-eu.europa.eu/index_en (дата обращения: 25.11.2022).

³ Programme for Education, Training, Youth and Sport / Erasmus +. – URL: <https://erasmus-plus.ec.europa.eu/> (дата обращения: 25.11.2022).

⁴ European Youth Portal. – URL: https://youth.europa.eu/solidarity/young-people/about_en (дата обращения: 25.11.2022).

⁵ The Reinforced Youth Guarantee / European Commission. – URL: <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=1079&langId=en> (дата обращения: 25.11.2022).

⁶ Youth Employment Initiative / European Commission – URL: <https://ec.europa.eu/social/main.jsp?catId=1176> (дата обращения: 25.11.2022).

отдельных государств, регионов и городов и связано с социальным участием молодых граждан. Правительства стран ЕС, например, обратили внимание на тот факт, что молодежь гораздо охотнее принимает участие в социальных проектах и акциях, которые не насаждаются искусственно сверху. Именно поэтому они сконцентрировались на информационной поддержке молодежи, а также на поддержке волонтерских движений в своих странах.

В период ковидных ограничений страны продвигали цифровые инициативы для того, чтобы привлекать молодых людей к формированию мер для восстановления государств. В частности, около 28 000 человек участвовали в хакатоне правительства Германии #WirVsVirus (We Vs. Virus), представляя идеи использования электронных средств для распространения информации и замедления распространения Covid-19. Некоторые страны создали тематические страницы, разделы на сайтах государственных органов, а также буклеты, посвященные всесторонней поддержке молодежной аудитории в период пандемии¹. В итоге цифровые инструменты стали активно внедряться в ЕС для формирования общеевропейской гражданственности молодежи и локального гражданского участия в том сообществе, где живут молодые европейцы.

Тренд формирования гражданственности молодежи в нашей стране проявился несколько в ином ракурсе. В целом идеология формирования гражданственности в РФ заложена в реализации федерального проекта «Патриотическое воспитание», направленного на создание системной воспитательной работы в организациях общего, профессионального и высшего образования. Общероссийскую гражданственность призваны формировать общероссийские молодежные движения и всероссийские акции, например #МыВместе.

На общественную идеологическую работу ориентировано Российское движение школьников, которое работает по четырем основным направлениям: личностное развитие (наука, спорт, творчество), гражданская активность

¹ Новые формы развития и поддержки молодежи в период пандемии, вызванной Covid-19 / Агентство стратегических инициатив. – URL: <https://files.asi.ru/iblock/82f/82fc99b6a79e07c750345a0372af05ab/ASI-VSHE-Novaya-molodezhnaya-povestka.pdf> (дата обращения: 25.11.2022).

(экология, добровольчество, музейное дело, гражданская идентичность), информационно-медийное направление (тренировочная редакция, создание контента для разных типов СМИ, дискуссионные площадки), военно-патриотическое направление (краеведение, юная армия, военно-патриотические клубы). Сетка движения объединяет более 3 000 000 человек¹ по всей стране. В студенческом сообществе свою роль должна играть Ассоциация студенческих патриотических клубов, которая работает в такой же логике, как Российское движение школьников².

В общероссийской молодежной политике формирование гражданственности осуществляется опосредованно через мотивацию школьников и студентов к участию в различных конкурсах. С одной стороны, такие решения обеспечивают для молодежи функции социального лифта, с другой – вовлекают молодых россиян в созидательную деятельность, связанную с изучением культуры и истории, инновациями и гражданскими инициативами. Наиболее крупные конкурсные площадки – «Большая перемена»³ и «Воспитай патриота»⁴.

Отдельно отметим деятельность Федерального агентства по делам молодежи «Росмолодежь»⁵. На сайте агентства собрана наиболее актуальная информация о всех треках развития молодежи: добровольчество, бизнес, креативность, военно-патриотическое направление, эффективное построение карьеры, развитие интеллектуального потенциала, международные дипломатические отношения, распространение идей устойчивого развития.

Еще один тренд, который был выявлен, – локальная городская активность молодежи, связанная с организацией досуга, креативностью и творчеством. Ориентир на развитие креативности молодежи заложен на международном уровне. В 2017 году ООН учредило Всемирный день творчества. Особую важность этот день приобрел после начала пандемии Covid-19, нанеся урон развитию сферы

¹ Российское движение школьников. – URL: <https://рдш.рф/> (дата обращения: 28.11.2022).

² Ассоциация студенческих патриотических клубов «Я горжусь». – URL: <https://я-горжусь.рф/> (дата обращения: 03.12.2022).

³ Большая перемена. – URL: <https://bolshayaperemena.online/> (дата обращения: 28.11.2022).

⁴ Воспитай патриота. – URL: <https://vospitai-patriota.ru/> (дата обращения: 28.11.2022).

⁵ Федеральное агентство по делам молодежи. – URL: <https://fadm.gov.ru/> (дата обращения: 28.11.2022).

культуры и досуга¹. В настоящее время творческий потенциал молодых людей рассматривается как один из основных ресурсов для формирования будущего и настоящего². В Стратегии развития молодежи ЕС на 2019–2027 годы креативность поставлена в один ряд с критическим мышлением и определена как характеристика активного горожанина³. Хотя существует отдельный проект «Creative Europe», направленный на поддержку сектора культуры и творчества Европы в постковидный период⁴, креативность молодежи формируется при помощи всех упомянутых выше программ и проектов для молодежи.

В документах Российской Федерации не звучат понятия творчества и креативности, но направленность молодежной политики на воспитание гражданственности и поддержку инициатив молодежи ведет к аналогичному результату: формированию ответственности за то место, где проживают молодые люди, и активной позиции в отношении решения проблем. Точка приложения творческих способностей и креатива всегда находится на локальном уровне, так как именно он меньше всего формализован и наиболее близок к повседневной жизни, фактически, локальный уровень – это ландшафт повседневности, который легко поддается изменению. Гражданственность как чувство ответственности за свою страну и город найдет выход в практическую деятельность по развитию территории.

Результаты вторичного анализа исследований зарубежных и российских исследователей, а также оценка аналитических отчетов, анализ документов, информационных ресурсов позволили определить следующие социокультурные особенности изменения публичной сферы городских территорий. Во-первых, в глобальном масштабе проявляется активность горожан, защищающих свое «право на город» и по-разному взаимодействующих с чиновниками, которые активно

¹ Всемирный день творчества и инновационной деятельности 21 апреля / ООН. – URL: <https://www.un.org/ru/observances/creativity-and-innovation-day> (дата обращения: 03.12.2022).

² Управление Верховного комиссара по правам человека ООН. – URL: <https://www.ohchr.org/ru/statements/2022/05/lecture-institute-human-rights-guangzhou-university-human-rights-world-role> (дата обращения: 03.12.2022).

³ The European Union Youth Strategy 2019-2027 / EUR-Lex. – URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=OJ:C:2018:456:FULL> (дата обращения: 03.12.2022).

⁴ Creative Europe. – URL: <https://culture.ec.europa.eu/creative-europe> (дата обращения: 03.12.2022).

трансформируют общественные пространства практически во всех городах мира. Во-вторых, еще одной общемировой тенденцией выступают попытки сохранения, регенерации культурно-исторического, в том числе индустриального наследия в городских пространствах. Рассмотрим эти особенности подробнее.

Право на город – это право на участие в развитии городских пространств, на обсуждение и совместное принятие решений, касающихся города: застройки, сооружений, инфраструктуры, топонимики и других¹. Существует глобальная платформа, объединяющая ученых, представителей общественных движений, органов местного самоуправления и других субъектов, заинтересованных в развитии городов в ключе взаимодействия и взаимопонимания². Зарубежные исследования рассматривают очень широкую проблематику «права на город». Широта нюансов исследований отражает разнообразие социальных групп и их потребностей, например создание площадок для занятия спортом и паркурком для обеспечения комфорта всех групп населения³, безопасности перемещения по городу детей⁴, развитие транспортной сети⁵.

В российских исследованиях интерес к феномену «права на город» появился относительно недавно. О. А. Борисова отмечает, что развитие городских пространств должно строиться на основе публичного обсуждения потребностей горожан и возможностей города и фиксироваться в муниципальных программах⁶. Развитие микромобильности (увеличение объема услуг кешеринга и числа собственных велосипедов и самокатов)⁷ требует от местного самоуправления

¹ Шихардин Н. В. Право на город / Н. В. Шихардин // Вестник Курганского государственного университета. – 2017. – № 1 (44). – С.112–115.

² The Right to the City. – URL: <https://www.right2city.org/> (дата обращения: 03.12.2022).

³ Ameen L. Parkour: creating loose spaces? / L. Ameen, S. Tani // Human Geography. – 2012. – Vol. 94. – P. 17–30.

⁴ Farstad I. E. Responsibility at a distance: parents' accounts of their children's unaccompanied travelling / I. E. Farstad // Children's Geographies. – 2022. – Vol. 32.

⁵ Fleury A. Public space and the metropolis. The changing governance of public spaces around the Grand Paris Express's new metro stations / A. Fleury, P. Gomes // Urban Geography. – 2022. – Vol. 2.

⁶ Борисова О. А. Публичное пространство города как реализация горожан «права на город» / О. А. Борисова // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2018. – № 4. – С. 459–465.

⁷ Хахалкина Е. В. Будущее городов в условиях пандемии ковид-19 / Е. В. Хахалкина // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 63. – С. 202–213.

выполнять роль медиатора между группами населения с отличающимися интересами. Еще одна роль местного самоуправления – поддержание социальной справедливости, так как право на город распределено неравномерно. При рассмотрении мобильности граждан исследователи отмечают неравенство доступа к городским рекреационным и досуговым зонам для социально уязвимых групп.¹ Но не все практики, связанные с реализацией права на город, легальны. Часть из них производится тайно, например ЖКХ-арт, партизаннинг. Продукт таких практик становится частью городского ландшафта и одобряется населением, но сама деятельность (неорганизованная, тайная, не исключаяющая вторые и третьи смыслы) относится скорее к притязаниям, чем к защите права на город. В качестве примера можно привести арт-объекты Тимофея Ради. Оранжевые абажуры около Екатеринбургского театра оперы и балета стали одним из символов зимнего Екатеринбурга. Впервые созданные в рамках фестиваля «Не темно» в 2013 году, они стали предметом споров между группами населения, между населением и городской властью. Ряд других его работ («Жить», «Мы молоды») просуществовал несколько дней.

Достаточно заметны примеры конфликтов между населением и властью, связанных с развитием городской территории и прилегающих пространств². Отдельно отметим реализацию права на город в виртуальном пространстве, логически привязанном к конкретному городу. Здесь можно упомянуть практики «сделай сам» (Do it yourself), взаимопомощь в сети, обмен фотографиями и любые другие виртуальные практики, связанные с городом. Они создают ощущение причастности к городу, ощущение обладания его красотой. Воспользуемся понятием Д. Шоу и М. Грэма, формирующим информационное право на город³.

¹ Ярская-Смирнова В. Н. Право на город в парадигме мобильности / В. Н. Ярская-Смирнова, Е. Р. Ярская-Смирнова // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2018. – № 45. – С. 165–173.

² Гольяева Е. О. Продвижение «права на город» для градостроительного развития / Е. О. Гольяева // АМТ. – 2015. – № 1 (30). – С. 17–25.

³ Щербинин А. И. «Право на город»: политическое конструирование постпандемийного мироустройства / А. И. Щербинин, Н. Г. Щербинин // Вестник Томского государственного университета. – 2022. – № 474. – С. 169–177.

Е. С. Кочухова и В. С. Мартянов, анализируя альтернативы урбанистического развития, пришли к выводу, что изменение бюджетного приоритета в пользу самоуправления с последующим обеспечением благ для большинства населения, развитие механизмов коллективного участия, согласования и кооперации интересов социальных групп, – это оптимальный путь для развития городов¹. В качестве барьеров взаимодействия молодежи и власти исследователи относят действенные механизмы взаимодействия и страхи, связанные с возможностью отказа власти от взаимодействия².

«Право на город» неразрывно связано с сохранением культурно-исторического наследия территорий. Попытки сохранения, восстановления наследия предыдущих поколений в городских пространствах свойственны для совершенно разных стран. Особенно заметно внимание к старым индустриальным районам, которые зачастую относят к депрессивным территориям. Таким образом происходит развитие культурного ландшафта города, который включает в себя преобразованные человеком природно-географические объекты, памятники и сооружения, системы топонимов, символы и события, связанные как с культурно-историческим прошлым города, так и с его настоящим³. О. М. Трофимова и Н. К. Шеметова отмечают, что город с сильным градообразующим предприятием находится в ситуации срачивания социокультурных, бытовых и экономических функций для жизнеобеспечения территории. На примере Великобритании, Франции, Нидерландов и Японии авторы показывают различные стратегии управления старыми промышленными городами. Целесообразными признаны две стратегии: поддержка градообразующего предприятия и поддержка социально-экономического развития на территории города. Но в любом случае приоритет развития и гарант устойчивости территории – это формирование социального

¹ Кочухова Е. С. Креативный город или право на город: альтернативы урбанистического развития в российском контексте / Е. С. Кочухова, В. С. Мартянов // Антиномии. – 2019. – № 2. – С. 45–66.

² Антонова Н. Л. Участие молодежи в жизни города: репрезентация практик в цифровой среде / Н. Л. Антонова, С. Б. Абрамова, В. Р. Хафизова // Вестник ЮУрГУ. Серия : Социально-гуманитарные науки. – 2022. – № 3. – С. 76–83.

³ Быстрова Т. Ю. Место молодежных инициатив в культурном ландшафте Гюмри / Т. Ю. Быстрова, М. В. Певная, Л. А. Асоян // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2021. – № 4 (27). – С. 115–128.

комфорта для горожан¹. Комфортные условия для жизни и работы в значительной степени уравнивают неудобства старых промышленных городов (небольшой размер, низкая насыщенность культурной сферы, необходимость обращения за высокотехнологичной медицинской помощью в более крупные города и иные).

Анализ планов стратегического развития городов США и России, представленный в работе Н. А. Лебедевой и О. В. Русецкой, показывает общность подхода, которая заключается в рассмотрении территории как комплекса факторов окружающей среды, человеческого капитала, социокультурной сферы². В качестве примеров можно привести проект «Лето на заводе» (Сысерть), связанный с превращением территории старого завода в публичное пространство, точку притяжения для активных граждан, в первую очередь молодежи и семей с детьми³. Сходный проект – «НИТИхНИТИ: музейный проект на суконной фабрике» (Арамиль), его цель – развитие пространства ткацкого цеха Арамильской суконной фабрики путем превращения его в арт-пространство с экспозицией «Музей шинели». На территории фабрики проводятся мастер-классы, мероприятия просветительского характера, создан книжный клуб. Проект реализуется молодежью для развития городской территории и формирования его туристической привлекательности⁴. На примере двух проектов мы видим регенерацию индустриального и культурно-исторического наследия через развитие социально-значимых проектов, формирование публичного пространства, мероприятий, вовлекающих население в созидательные практики.

В-третьих, в качестве глобального тренда сегодня можно рассматривать ориентацию на разработку и активное внедрение в практики городского управления инструментов устойчивого проектирования, технологий урбанистики, подходов к формированию культуры соучаствующего управления и

¹ Трофимова О. М. Международный опыт реализации пространственных сдвигов в старопромышленных городах / О. М. Трофимова, Н. К. Шеметова // Муниципалитет: экономика и управление. – 2017. – № 2 (19). – С. 37–43.

² Лебедева Н. А. Стратегии малых городов США и России: общее и особенное / Н. А. Лебедева, О. В. Русецкая // Региональная экономика. Юг России. – 2017. – № 4 (18). – С. 38–47.

³ Проект «Лето на заводе». – URL: <http://летоназаводе.рф/> (дата обращения: 17.11.2022).

⁴ Страница проекта «НИТИхНИТИ» в социальной сети ВКонтакте. – URL: <https://vk.com/nitini.aramil> (дата обращения: 17.11.2022).

популяризации среди горожан цифрового участия. Исследования показывают, что устойчивое развитие городов возможно тогда, когда оно основано на потребностях населения и с учетом из взглядов и привычек. В этом случае возникает связь между городом и населением, формируется привязанность к месту проживания. Создание точек притяжения и совершенствование уже существующих, повышение значимости исторических мест в глазах молодого населения, повышение уровня его вовлеченности в дела города, с одной стороны, – результат работы городских администраций, а с другой – стимул для дальнейшей работы в направлении гармонизации отношений между властью и населением, между населением и городом. Эффективное взаимодействие всех субъектов на основе соучаствующего управления формирует социальную и экономическую устойчивость городов¹.

С точки зрения концепции устойчивого развития, устойчивая городская среда возникает тогда, когда на территории существует социальное, экономическое и экологическое равновесие. В то же время, с точки зрения биосферной концепции проектирования устойчивой городской среды, устойчивость городской среды определяет динамичное социально-экономическое развитие, экологическое равновесие и умеренное техногенное воздействие². Таким образом, только современные подходы к урбанистике могут обеспечить устойчивость городской среды. В качестве одного из таких подходов можно назвать соучаствующее управление городом.

Соучаствующее управление городом – это не просто управление с учетом мнения граждан, выраженных на общественных слушаньях или в форме обращений. Это активное вовлечение населения в проектирование с использованием материальных и цифровых средств: от фрагментов конструкций до совместной работы в программах для моделирования. В этом плане интересен для изучения опыт Японии, где широко распространено проведение проектных

¹ Students' Awareness of the Local Cultural and Historical Heritage in Post-Communist Regional Centers: Yekaterinburg, Gyumri, Timisoara / М. Cernicova-Buca, М. Pevnaya, М. Fedorova, Т. Bystrova // Land. – 2022. – № 11. – P. 14–43.

² Щербина Е. В. Градостроительные аспекты проектирования устойчивой городской среды / Е. В. Щербина, Н. В. Данилина // Вестник ИрГТУ. – 2014. – № 11 (94). – С. 183–186.

воркшопов с участием жителей, представителей бизнеса, урбанистов и чиновников¹. Актуальность этой повестки отражается и в развитии архитектурного образования, ориентируя его на стратегию устойчивого развития и формирование комплекса компетенций, связанных с рациональным использованием ресурсов и пространства с учетом всех требований безопасности, доступности, привлекательности для населения².

На основе проведенного анализа нормативно-правовых актов, вторичного анализа результатов прикладных исследований, изложенных в главе, можно сделать вывод, что есть ряд общемировых трендов в разработке и реализации молодежной политики в социокультурной сфере. Ее основа лежит в документах международного уровня, в первую очередь – документах ООН, которые определяют национальную политику и развитие политики локального уровня. Выявленные тренды неразрывно связаны друг с другом. Так цифровизация, существующая в качестве отдельного тренда, выступает инструментом в других областях. Формирование гражданственности в молодежной среде – это залог устойчивого развития отдельных государств и мира в целом, но проявление гражданственности начинается на локальном уровне во взаимодействии с органами местного самоуправления для создания камфорной городской среды для каждого. На наш взгляд, существование общих трендов молодежной политики в социокультурной сфере может стать основой для достижения взаимопонимания между новыми поколениями государств и создания новых союзов.

¹ Зимульдинова С. К. От публичных слушаний к соучаствующему проектированию / С. К. Зимульдинова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – № 3. – С. 166–170.

² Есаулов Г. В. Устойчивое развитие в повестке архитектурного образования / Г. В. Есаулов, Н. Г. Благовидова, Ю. А. Табунщиков // Academia. Архитектура и строительство. – 2020. – № 1. – С. 19–28.

2.2. Нормативно-правовой и организационный контекст участия молодежи в социокультурном развитии городов России и постсоветских стран

Цифровизация, урбанизация и глобальные тренды в реформировании публичного управления, образования требуют особого внимания в силу культурных и социальных сдвигов, которые происходят под их влиянием в разных странах, регионах и отдельных городах. В то же время, контекст постсоциалистического прошлого и национальная история таких стран, как Россия, Армения, Польша и Румыния наряду с другими институциональными условиями влияет и на активность молодежи, в том числе социальное участие студентов. Практики социального участия в социокультурной среде разных городов формируются не только глобальными трендами, но и контекстом национальной молодежной и образовательной политики, организационной инфраструктурой вузов, некоммерческих организаций, государственных социальных и культурных учреждений, культурно-исторической средой городских пространств, культурой и традициями локальных сообществ, определяющими не только действия, но и определенные знания студентов, их представления и оценочные суждения в отношении своих действий. Постараемся охарактеризовать институциональный контекст вышеобозначенных стран, обратившись первоначально к характеристике регионов, студенческая молодежь которых стала объектом нашего эмпирического изучения.

Свердловская область – индустриальный регион, в который сегодня входят 94 муниципальных образования, в том числе 47 городов с населением 4 300 000. Средний Урал – место дислокации крупнейших российских горнопромышленных империй: Демидовых, Яковлевых, Строгановых, Турчаниновых, известных не только продукцией своих заводов, но и важным вкладом в русскую культуру, в повышение обороноспособности страны, народное образование и организацию медицинского обслуживания рабочих, дипломатию России. Первые горные заводы Среднего Урала, например Уралмаш, стали «отцами» многих десятков горных заводов, обеспечивая новостроящиеся предприятия металлом, механизмами,

инструментами. Уже к концу XVIII века на Урале действовало более 140 горно-металлургических предприятий. Россия благодаря им вышла на первое место в мире по производству чугуна и стали. Сейчас Свердловская область занимает второе место по стране по объемам промышленного производства. Индустриальные города региона вписаны в горный ландшафт, окружены интересными горами, лесополосой, природными парками. Города региона – благодатная почва для развития индустриального туризма, так как наряду с православными храмами в них сохранились образцы промышленной архитектуры XIX века. В Свердловской области обучается 120 319 студентов. Большинство вузов 22 (в том числе 2 филиала) из 34 организации высшего образования (в том числе 13 филиалов) находятся в региональном центре. В столице региона Екатеринбурга ежегодно проводится более 200 выставочных мероприятий: конгрессы, форумы, в том числе международная выставка и форум промышленности и инноваций ИННОПРОМ, Exprotravel, Международный туристский Форум «Большой Урал», Международная выставка вооружения «RussiaArmsExpo» и другие.

Ширакская область – область Армении, которая на севере страны граничит с Грузией, на западе с Турцией, на юге с Арагацотнской областью, а на востоке с Лорийской областью. Регион и в особенности его административный центр выделяются серьезным культурно-историческим наследием. Первое письменное упоминание о Гюмри датируется VIII веком до н.э., но археологические раскопки продолжаются, исследователи доказывают наличие в этом месте населенного пункта еще в эпоху бронзы. Административный центр региона город Гюмри окружен населенными пунктами преимущественно сельского типа (42 сельские общины), однако есть и города-спутники, которые появились в советское время вокруг крупных заводов (Маралик, Артик), а также крупный районный центр Ахурян. В регионе проживает 251 941 человек. До землетрясения 1988 года Гюмри (бывший Ленинакан, до революции Александрополь) был индустриальным центром с развитой текстильной промышленностью. Город был построен на основании указа и при непосредственном участии императора Николая I,

отличается самобытной архитектурой и культурными традициями. В Александрополе было разрешено селиться исключительно горожанам и представителям городских сословий, что и обусловило феномен доминирования культуры иммигрантов (преимущественно горожан) над местным сельским населением. На наш взгляд, этим объясняется особое отношение местного населения к культуре, истории, культурно-историческим ценностям и памятникам. В Ширакской области обучаются 3576 студентов вузов. В регионе 11 высших учебных заведений, в том числе 4 вуза и 7 филиалов в Гюмри, который позиционируется как северная столица Армении, город ремесел и искусств. В 2013 году город был избран культурной столицей СНГ, в 2016 году – молодежной столицей Армении.

Регион Банат – историческая область в Центральной Европе, входящая в состав Румынии, Венгрии и Сербии. В настоящее время румынский *Западный регион развития*, состоящий из 4 уездов и имеющий Тимишоару в качестве административного и символического центра, охватывает в основном историко-географический регион Банат, центрально-европейский регион с богатой историей и традициями. Как провинция Банат был колонизирован римлянами в I веке, затем образовался как самостоятельный регион под именем Банат, от титула «бан» (правитель пограничного региона), и попал под влияние венгерской короны вплоть до османского завоевания (XVI век). Находился под османским владычеством до начала XVIII века, когда Австрийской империи удалось вытеснить турок за Дунай и начать активно осваивать завоеванную территорию. Гидромелиоративные работы позволили развить сельское хозяйство, и империя создала благоприятные условия для колонизации региона, в результате чего 19 различных этнических групп нашли здесь новый дом и начало. Это этническое и языковое разнообразие сохраняется до XXI века, что позволяет региону претендовать на звание «Европы в миниатюре». После Первой мировой войны и падения Австро-Венгерской империи Банату предстояло решить свою судьбу. Регион решил присоединиться к Румынскому королевству (1918 г.), но из-за Трианонского мирного договора (1920 г.) регион был разделен между Румынией (большая часть), Югославией (ныне

Сербия) и Венгрией. Название «Банат» и административная организация района были забыты при коммунистическом режиме после административной реформы 1968 года. Банат разделился на 3 уезда: Тимиш, Арад и Караш-Северин. В 1998 году, в рамках усилий по присоединению к Европейскому Союзу и необходимости разработки региональной политики на более крупных территориях, чем 40 уездов, Румыния создала 8 регионов развития, которые частично оценили исторические центры экономики и развития.

Традиционно Тимишоара была столицей региона (и уезда Тимиш) и сохраняет свое лидерство и в XXI веке. Однако после 1989 года две другие административные столицы, Арад и Караш-Северин, также создали университеты и пытаются удержать молодежь в рамках своего экономического возрождения. В настоящее время более 100 000 студентов учатся в регионе в государственных (6) или частных университетах (4). В новое время (после поражения турок и установления австрийского владычества) Тимишоара процветала как город. Он больше не оставался военной крепостью, а открывался для промышленности, торговли и культуры.

Великопольское воеводство – это внутренний регион Польши, расположенный в ее западно-центральной части, граничит с воеводствами Любуским, Западно-Поморским, Поморским, Куявско-Поморским, Лодзинским, Опольским, Нижнесилезским. Само Великопольское воеводство как административная единица появилось сравнительно недавно – в 1999 году, в результате реформ местного самоуправления в Польше, объединив существовавшие ранее воеводства Познань, Калиш, Конин, Пила и Лешно. Поскольку большая часть территории располагается на землях, называемых Великая Польша и составлявших центр раннего польского государства 10 века, современное воеводство названо Великопольским. В своих нынешних границах Великопольское воеводство является вторым по площади (29 826,51 км²) и третьим по численности населения (почти 3,5 млн человек).

Уже само название региона свидетельствует о его значимой исторической роли. А города Познань и Гнезно являлись ранними центрами королевской власти

польских правителей. В XVIII веке с разделом Польши большая часть земель отошла Пруссии, став частью провинции Южной Пруссии. В XIX веке западная часть Великой Польши стала Великим герцогством Познань, которое хоть и входило по-прежнему в состав Прусской империи, но обладало некой автономией. Позже Великое княжество было заменено провинцией Познань, а основание в 1871 году Германии, заставило власти усилить заселение немцами польских территорий и более активно проводить германизацию региона. До сих пор многое в облике города Познань напоминает этот прусско-германский период. В период между 1 и 2 мировыми войнами территория делилась, переходила от Германии к Польше и обратно, лишь после войны в 1945 году территория Великопольского воеводства полностью вошла в состав Польской народной республики.

В состав Великопольского воеводства входит 7 городов, которые управляются мэром города. Это Познань (административный центр), Калиш, Конин, Пила, Острув-Великольский, Гнезно и Лешно. Это наиболее крупные города области, численность населения в которых более 50 тыс. человек. Кроме них в области 20 городов с численностью населения от 15 до 50 тыс. населения и 86 прочих населенных пунктов с численностью населения менее 15 тыс. человек. Административное деление Великопольского воеводства включает 35 уездов (повятов): 4 городских уезда и 31 земский уезд. Далее они делятся на 226 гмин (общин): 19 городских гмин, 91 сельско-городскую гмину и 116 сельских гмин.

Административным центром Великопольского воеводства является Познань, являющийся одним из старейших городов Польши и пятым по численности населения (567 625 чел.). Познань является важным деловым и культурно-историческим центром. Среди наиболее значимых объектов культурно-исторического наследия можно отметить Старый город с ратушей и готическим собором. Также известны Фара, Императорский замок, национальный музей и Большой оперный театр, а Познанская международная ярмарка является крупнейшей промышленной ярмаркой в Польше.

Познань не только крупнейший деловой, но и академический центр Польши. В рейтинге он занимает 4-е место, уступив Варшаве, Кракову и Вроцлаву.

Количество студентов в городе составляет около 140 000 человек – каждый четвертый житель Познани является студентом. Всего в Познани около 30 университетов и колледжей, многие из которых частные, и 4 государственных университета. Это один из главных университетов Познани, член евросоюзного проекта Erasmus – Университет имени Адама Мицкевича, где обучается более 40 000 студентов, Экономический университет, признанный лучшим экономическим университетом в Польше с численностью студентов более 11 000, а также Познанский университет медицинских наук и университет естественных наук, в каждом из которых обучается еще примерно по 8 000 студентов.

Среди важных культурных событий Познани можно отметить ежегодный Мальтийский фестиваль, на котором вниманию зрителей представляются различные театральные постановки, а также экспериментальные внетеатральные представления, фестиваль Ale Kino!, Международный кинофестиваль молодых зрителей, фестиваль независимых фильмов Off Cinema и многие другие.

Качество и характер институциональной среды является важным условием формирования культуры социального участия молодежи. Ее мы рассмотрим, проведя сравнение активности институтов гражданского общества, а именно развития некоммерческого сектора в сравниваемых странах. Далее охарактеризуем национальные особенности реализации молодежной политики, специфику культуры благотворительности и ее изменения в молодежной среде всех стран.

Дадим оценку нормативно-правовому регулированию молодежной политики в сравниваемых странах. Государственная молодежная политика Российской Федерации реализуется в соответствии с Федеральным законом от 30.12.2020 года № 489 «О молодежной политике в Российской Федерации» и Распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 года № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики до 2025 года». Основным органом исполнительной власти, осуществляющим ключевые направления реализации молодежной политики, является Федеральное агентство по делам молодежи (Росмолодежь).

В России действует система формирования и реализации молодежной политики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях. Интересы и потребности молодежи также учитываются и при реализации программ социально-экономического развития как страны в целом, так и отдельных регионов. Основными механизмами реализации государственной молодежной политики являются правовые (совершенствование законодательства), организационные (создание консультативных, совещательных и координационных органов), информационные (развитие государственных и муниципальных информационно-аналитических систем) и социальные (формирование комплексной системы социальной защиты и социальной поддержки молодежи).

Цель государственной молодежной политики заключается в улучшении социально-экономического положения молодежи Российской Федерации и увеличении степени ее вовлеченности в социально-экономическую жизнь страны¹. Основными направлениями государственной молодежной политики в России являются: воспитание гражданственности и патриотизма; поддержка молодежных инициатив; содействие общественной деятельности молодежи; организация досуга и отдыха; формирование условий для занятий физической культурой и спортом; поддержка молодых семей; содействие доступному образованию и вовлечение молодежи в научную деятельность; поддержка и содействие предпринимательской деятельности молодежи; содействие участию молодежи в добровольчестве, поддержка деятельности молодежных общественных объединений и др².

Государственная молодежная политика Республики Армения реализуется в соответствии с Концепцией государственной молодежной политики на 2015–2025 годы, определяющей ее цель, задачи и принципы³. Основным органом исполнительной власти, осуществляющим ключевые направления реализации молодежной политики, является Министерство образования, науки, культуры и

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 года № 2403-р «Об утверждении Основ государственной молодежной политики до 2025 года».

² Федеральный закон от 30.12.2020 года № 489 «О молодежной политике в Российской Федерации».

³ Министерство образования, науки, культуры и спорта Республики Армения. – URL: <https://escs.am/ru/static/youth?s=sport> (дата обращения: 20.12.2022).

спорта Республики Армения. В 2018 и 2019 годах из государственного бюджета страны по статье «Программы и мероприятия в области молодежной политики» на нужды молодежной политики и работы с молодежью было выделено 304 млн армянских драмов (около 600 тыс. евро). Молодежная политика также финансируется из других статей бюджета (образование, культура и спорт). Половина бюджетных ассигнований, выделяемых на нужды молодежного сектора, расходуется на подготовку молодежных работников и поддержку молодежных проектов НКО. Муниципалитеты также располагают ресурсами, которые выделяются на проведение молодежных мероприятий и/или работу молодежных организаций. Армянские организации гражданского общества, осуществляющие молодежные проекты, также получают финансирование от Совета Европы и международных организаций ЮНИСЕФ, USAID, «Erasmus+» и др.

Таким образом, можно выделить следующие положительные тенденции в развитии молодежной политики в Армении: формирование институциональных структур для работы с молодежью; наличие нормативно-правовой базы, обеспечивающей благоприятные условия для развития молодежной политики; использование стандартов ЕС и Совета Европы в области молодежной политики. В Республике ведется работа по созданию организационных структур, которые будут отвечать за работу с молодежью. В 2013 году в рамках сотрудничества Программы развития ООН и Министерства по делам спорта и молодежи был создан Институт молодежных исследований, результаты которого легли в основу нескольких документов по молодежной политике. Тем не менее последующие административные реформы привели к закрытию или слиянию целого ряда таких учреждений. В настоящее время реализацией инициатив по работе с молодежью занимается только Министерство образования, науки, культуры и спорта Республики Армения¹.

¹ Youth Partnership / Council of Europe. – URL: <https://pjp-eu.coe.int/documents/42128013/47261953/Youth+work+eastern+Europe+RUS.pdf/9d404bbd-afe0-add6-c644-510d562abede> (дата обращения: 20.12.2022).

В Европе государственная молодежная политика формируется в соответствии с приоритетами и реалиями конкретных стран, но чаще всего – по образцу и в духе соответствующих тем и приоритетов Европейского союза и Совета Европы – двух международных структур, действующих на основании собственных миссий и полномочий. Стратегия ЕС в молодежной сфере (2019–2027 гг.) базируется на трех аспектах деятельности: вовлечение, развитие взаимосвязей и расширение прав и возможностей молодежи. Стратегия поощряет участие молодежи в жизни демократического общества (вовлечение); продвигает добровольное участие, мобильность с целью обучения, солидарность и межкультурное обучение (развитие взаимосвязей) и поддерживает расширение прав и возможностей молодежи путем повышения качества, инновационности и признания молодежной работы (расширение прав и возможностей). Стратегия направлена на то, чтобы охватить всех молодых людей и сделать программы Европейского Союза более доступными для молодых людей с меньшими возможностями, учитывает результаты диалога с молодежью, который привел к определению 11 Молодежных целей Европы. Эти цели достигаются с помощью специальных программ для молодежи, таких как Erasmus+ и Европейский корпус солидарности. Стратегия основана на эффективной, целенаправленной и совместной деятельности разных секторов ЕС по достижению целей путем мобилизации нескольких программ и фондов ЕС и поощрения межсекторного взаимодействия на всех уровнях. Стратегия ЕС в молодежной сфере включает в себя мероприятия по взаимному обучению между странами-членами ЕС, обмен информацией на национальном уровне, площадку ЕС для молодежного диалога и другие формы участия молодых людей в формировании политики, также включает Платформу молодежной стратегии ЕС и инструменты, основанные на фактическом знании положения молодежи в Европе. Молодежный координатор ЕС – это представитель Европейской комиссии,

который является контактным лицом и известной референцией для молодых людей¹.

Текущая молодежная политика Совета Европы задается стратегическим документом «Повестка 2020», определяющим приоритеты европейской молодежной политики до 2020 года: права человека и демократия; сосуществование разных культур и укладов; социальная инклюзия молодых людей. Совет Европы выступает за молодежную политику, основанную на правах человека и демократических нормах и ориентированную на участие, информационную компетентность, инклюзию, доступ к правам, работу с молодежью и мобильность, т. е. на все те ценности, которые позволяют молодым людям активно участвовать в построении в Европе общества, основанного на правах человека и принципах демократии.

Основными инструментами реализации молодежной политики в ЕС являются такие программы, как «Структурный диалог» (средство коммуникации между молодыми людьми и должностными лицами, принимающими решения в целях реализации приоритетов европейского сотрудничества по молодежной политике; направлен на то, чтобы мнение молодежи было услышано в процессе разработки и формирования европейской политики) и «Молодежь в действии» – программа, направленная на предоставление молодым людям в возрасте от 13 до 30 лет возможностей получения опыта неформального обучения в контексте Европейского разнообразия. Программа Европейского Союза «Erasmus+» направлена на поддержку сотрудничества в области высшего образования, профессионального обучения, молодежи и спорта. Бюджет программы составляет 14,7 млрд евро, что дает возможность более 4 млн европейцев учиться, приобретать новый опыт, участвовать в международном волонтерском движении.

Качество и характер институциональной среды является важным условием формирования культуры социального участия молодежи. Ее мы рассмотрим,

¹ Youth Partnership / Council of Europe. – URL: <https://pjp-eu.coe.int/documents/42128013/47261953/Youth+work+eastern+Europe+RUS.pdf/9d404bbd-afe0-add6-c644-510d562abede> (дата обращения: 20.12.2022).

проведа сравнение активности институтов гражданского общества, а именно развития некоммерческого сектора в сравниваемых странах. Далее охарактеризуем национальные особенности реализации молодежной политики, специфику культуры благотворительности и ее изменения в среде всех стран. Все сравниваемые страны характеризуют различия в развитии организационной инфраструктуры городских пространств для социального участия молодежи. В Польше и Румынии 1 НКО приходится на 215 и 188 граждан соответственно, в России и Армении 1 организация зарегистрирована на 1007 и 554 чел.¹ Отличается нормативное регулирование молодежной политики, соответственно и уровень молодежного развития (Россия – 82 место, Армения – 66, Польша – 36, Румыния – 43)².

Социокультурный бэкграунд страны в контексте исследовательской проблематики во многом определяется благотворительной культурой населения. По данным «Рейтинга благотворительности», Россия находилась в 2020 году на 117-ом месте. Практически каждый третий россиянин старше 15 лет (35 %) помогали незнакомым людям, 12 % делали благотворительные пожертвования, 16 % россиян работали волонтерами в некоммерческих организациях. Армения в данном рейтинге занимала 114-ю позицию, помогающее поведение в этой стране характерно практически каждому второму (46 %), каждый десятый житель этой страны делал пожертвования (10 %), работали волонтерами в НКО 8 %. Польша в данном рейтинге была выше всех сравниваемых нами стран и занимала 86-ю позицию. Помогали незнакомым 37 % поляков, делали пожертвования 28 %, и каждый десятый работал волонтером в НКО (11 %). Румыния в рейтинге занимала 97-ю позицию. Помогали незнакомым 45 % румынских граждан, 27 % – делали пожертвования, 7% румын работали на добровольных началах в НКО³. По данным 2022 года, рейтинг зафиксировал серьезные изменения в благотворительной

¹ Рассчитано авторами по статистическим данным базы Knoema и Civil Society Organization Sustainability Index Central and Eastern Europe and Eurasia 2019.

² 2020 Global Youth Development Index.

³ CAF World Giving Index 2019. – URL: <https://www.cafussia.ru/mirovoy-reyting-blagotvoritelnosti.html> (дата обращения: 20.12.2022).

культуре двух стран – Польше и России. Польша переместилась в общем рейтинге вверх на 49-ю позицию и на 37-е место. Соответственно почти в два раза выросли и все измеряемые показатели, в 2021 году 56 % поляков помогали незнакомым людям, 36 % – жертвовали деньги и каждый пятый (21 %) работал как волонтер в НКО. Россия поднялась в рейтинге на 47 позиций и оказалась на 67-ом месте. В России помогали незнакомым 57 % россиян, число жертвовавших деньги увеличилось до 28 %, однако чуть сократилось до 14% число россиян, вовлеченных в НКО в качестве добровольцев¹.

За счет единого поля нормативного регулирования, тиражирования практик и общеевропейских проектов страны-лидеры ЕС смогли за последние 20 лет продвинуть население разных городов, регионов и стран союза, особенно молодежи в сторону общеевропейских ценностей через формирование «общеевропейского гражданства». Армения оказалась как член Совета Европы на этом пути лишь в последние годы. В России государственная доктрина поддержки благотворительности начала активно реализовываться в последнее десятилетие.

Еще один межстрановой контекст затрагивает оценку уровня развитости демократии. Самую широкую рамку описания задают сложившиеся в странах условия демократии, определяющие разные формы участия молодежи. Предельно обобщенно можно охарактеризовать различия в России, Армении, Польше и Румынии, сославшись на их место в классификации стран по уровню развития демократии (Democracy Index 2021). В рассчитываемом индексе демократии по широкому спектру сгруппированных (всего 60) показателей даются оценки 167 странам мира по 5 категориям, оцениваемым по шкале от 0 до 10 баллов. Ключевые данные по сравниваемым нами странам представлены в табл. 9.

¹ CAF World Giving Index 2021. – URL: <https://www.cafussia.ru/mirovoy-reyting-blagotvoritelnosti.html> (дата обращения: 20.12.2022).

Показатели Индекса демократии (Democracy Index)
в Польше, Румынии, Армении и России¹

Ключевые данные	Польша	Румыния	Армения	Россия
Баллы	6,80	6,43	5,49	3,24
Ранг	51,0	61,0	89,0	124,0
Избирательный процесс и плюрализм	9,17	9,17	7,50	1,75
Функционирование правительства	6,07	6,07	5,71	2,14
Политическое участие	6,67	6,11	6,11	4,44
Политическая культура	5,63	3,75	3,13	3,75
Демократические ценности	6,47	7,06	5,00	4,12

Таким образом, наибольшие показатели Индекса демократии выявлены в Польше, а наименьшее значение принадлежит России. Характерно, что за последние 15 лет в России отмечается тенденция к значительному сокращению демократических основ (с 5,02 до 3,24). Схожая ситуация прослеживается и в Польше, где Индекс демократии сократился с 7,30 до 6,08. Армения же, напротив, показывает усиление демократических основ с 4,15 в 2006 году до 5,49 в 2021 году.

В отношении культуры благотворительности молодежи от 15 до 29 лет по данным Мирового исследования ценностей проявляются различия в определенных установках, значимых для социального участия, а также в поведении молодежи. Например, уровень доверия благотворительным фондам и социально-ориентированным некоммерческим организациям у молодых поляков значительно выше, чем у россиян (табл. 10 и 11).

¹ Democracy Index 2021. – URL: <https://www.eiu.com/n/campaigns/democracy-index-2021/> (дата обращения: 20.12.2022).

Таблица 10

Распределение ответов на вопрос: «Насколько вы доверяете благотворительным фондам и гуманитарным НКО?»
(в % от опрошенных в возрастной группе до 29 лет)¹

Уровень доверия	Армения, 2021	Румыния, 2018	Польша, 2014	Россия, 2018
Полностью доверяю	11,0	9,8	12	9,1
Доверяю	41,2	36,3	53	40,1
Не совсем доверяю	32,1	23,2	23	27,3
Не доверяю	10,2	22,3	4	11,6
Не знаю, нет ответа	5,5	8,5	8	11,6
Итого	100,0	100,0	100	100,0

Таблица 11

Распределение ответов на вопрос: «Насколько вы доверяете большинству региональных организаций?» (в % от опрошенных в возрастной группе до 29 лет)

Уровень доверия	Армения, 2021	Румыния, 2018	Польша, 2018	Россия, 2018
Полностью доверяю	8,3	9,7	9,2	4,7
Доверяю	36,1	33,3	42,2	26,3
Не совсем доверяю	30,5	31,4	31,5	33,2
Не доверяю	19,9	18,5	12,6	18,7
Не знаю, нет ответа	5,7	7,2	4,4	17,2
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0

Молодые люди, проживающие в Польше, наиболее доверительно относятся к деятельности как региональных некоммерческих организаций, так и крупных благотворительных фондов. В то время как румынская молодежь с наибольшим отрывом высказывает недоверие к деятельности НКО, а молодые россияне преимущественно не доверяют региональным организациям. В целом уровень доверия региональным НКО ниже, чем благотворительным фондам, осуществляющим деятельность в границах страны. Характерно, что представители

¹ World Values Survey Wave 2010-2014. – URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (дата обращения: 05.09.2022).

российской молодежи больше других затрудняются ответить на вопрос о доверии к благотворительным фондам и некоммерческим организациям.

Отличаются и показатели вовлеченности молодежи в различные общественные организации и объединения. В Польше они существенно выше по сравнению с другими исследуемыми странами (табл. 12).

Таблица 12

Членство молодежи в общественных организациях и объединениях¹
(в % от опрошенных в возрастной группе до 29 лет)

Варианты ответа	Польша, 2012	Россия, 2017	Румыния, 2018	Армения, 2021
Членство в спортивных и досуговых организациях				
Неактивные члены	13,4	7,5	7,1	8,1
Активные члены	15,5	5,5	4,9	6,3
Членство в организациях культуры, образования, искусства				
Неактивные члены	11,7	2,8	6,2	8,4
Активные члены	17,5	1,9	10,0	19,7
Членство в экологических организациях				
Неактивные члены	7,8	3,3	5,7	12,9
Активные члены	2,9	1,2	2,4	4,0
Членство в благотворительных организациях и СОНКО				
Неактивные члены	7,6	4,9	5,9	10,7
Активные члены	6,4	1,2	4,0	8,5

Наиболее привлекательными для молодежи являются организации, осуществляющие деятельность в сфере культуры, образования и искусства. Меньше всего молодые люди заинтересованы в экологических НКО. В целом молодые поляки показывают наибольшую вовлеченность в деятельность общественных организаций, за ними следуют представители Армении. В то время как показатели формальной принадлежности к некоммерческому сектору ниже у молодых россиян.

Таким образом, в данном разделе были рассмотрены институциональные характеристики четырех регионов: Свердловской, Ширакской областей, региона Банат и Великопольского воеводства, самым крупным из которых является

¹ World Values Survey Wave 2010-2014. – URL: <http://www.worldvaluessurvey.org/WVSONline.jsp> (дата обращения: 05.09.2022).

Свердловская область с населением выше 4 млн человек. Реализация и приоритеты государственной молодежной политики отличаются в каждой стране. Так, в России сделан акцент на устойчивую нормативно-правовую базу с учетом национальной специфики, в Армении молодежная политика в сфере гражданского участия преимущественно осуществляется через взаимодействие с международными общественными организациями, а в Румынии и Польше нормативную повестку диктует Европейский Союз. Наивысшие показатели доверия и вовлеченности в некоммерческий сектор проявляются у молодых поляков, в то время как наименьший интерес к этому показывают россияне.

2.3. Культурно-исторические особенности и урбанистическая среда формирования социокультурной субъектности молодежи Екатеринбурга, Гюмри, Тимишоары и Познани: сравнительные характеристики

Как бы мы ни обозначали современный этап развития городов (устойчивые, постиндустриальные, креативные и т. д.), можно отметить общие для городов разных стран и масштабов тенденции, проявившие себя в последние 10–15 лет и, значит, синхронные становлению молодых людей, о которых идет речь в данном тексте. Молодежь чутко чувствует происходящие изменения, следит за тенденциями, поэтому при разработке проектов с вовлечением молодежи оказываются значимыми следующие факторы, служащие нам в дальнейшем критериями оценки изучаемых городов. Выделим переход от количественных показателей роста к качественным показателям развития городской среды, ее гуманизация, создание условий для «счастья» и благополучия. На практике это проявляется в почти повсеместной реализации проектов благоустройства центральных зон городов, набережных, парков и т. д., где предусмотрены места для различных активностей. Увидев это в другом городе, человек волей-неволей начинает сравнивать свои условия с теми, где пространство для молодых людей и людей иных возрастов проработано специально.

Общественное пространство может быть и сродни тюрьме, с массой огороженных мест и служителями, следящими за порядком¹. Мы говорим о самоорганизующемся пространстве, держащемся усилиями каждого из тех, кто в нем находится. О таком варианте заговорили лишь в последнее десятилетие, но он принципиально отличается от «формальных» общественных пространств модернистского периода. Привлекательность и важность общественных пространств исследователи городов связывают с их способностью формировать новые типы идентичности, не связанные с внешне регламентированным местом в социальной системе и дающие возможность самоопределения хотя бы частичного². С точки зрения управления городом, общественные пространства не требуют слишком активных постоянных действий, они «удобны» управлению. В них быстрее происходит вовлечение горожан, в том числе молодых, в различные социальные активности, с одной стороны, помогающие преодолению городского одиночества и, с другой стороны, делающие участников более заботливыми, более лояльными к городу.

Рассмотрим проблему реализации концепции устойчивого развития в городах. Раскрыть весь спектр практических форм реализации не представляется возможным, обратим внимание на наиболее очевидные моменты, уже сказывающиеся на городских практиках. Благоустройство, велосипедизм, работа с промышленными зонами хорошо заметны, если они присутствуют в городе. Такие процессы, как минимизация потребления энергии или воды, сокращение неразумного потребления тепла, вряд ли осознаются молодежью российских городов в полной мере. Но темы здорового образа жизни, раздельного сбора мусора, наличия мест для прогулок, обладающих нормальными показателями, безусловно, вошли в повседневность крупных и средних городов.

Наличие рейтингов и возможность понять место своего города в каких-либо начинаниях в направлении устойчивости способно включить дух конкуренции и

¹ Зукин Ш. Культуры городов / Ш. Зукин. – Москва : Новое литературное обозрение, 2018. – 582 с.

² Капков С. А. Развитие городских общественных пространств: социально-философские аспекты / С. А. Капков // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 11.

соревновательности, стать поводом для вовлечения в те или иные городские активности. Происходит частичное или полное изменение управленческой парадигмы городов, создание условий для разных форм участия жителей в решении вопросов городской жизни. Если понимать под субъектностью способность к осознанному целеполаганию и целенаправленной деятельности, то в целом ряде случаев города предоставляют больше, чем прежде, возможностей для ее реализации. Охрана историко-культурного и природного наследия, арт-практики и фестивали, работа с депрессивными территориями – все это требует заинтересованных, способных креативно мыслить специалистов и их помощников. Уход от темы индустриального города как основополагающей и наиболее ценностно-значимой, появление и реализация концепций «экономики знаний», «креативного города», «обучающегося города» (learning city), т. е. города, вырабатывающего знания и технологии, поэтому на первый план в этой связи выходит человеческий капитал. Интерес городов к более развитым, профессиональным, обучаемым, активным горожанам выражается в проведении воркшопов, курсов, конкурсов, реализации проектов. В случае, когда работники администраций и другие специалисты это понимают, городская среда становится большой обучающей площадкой.

Сегодня можно назвать модными кратковременные и долговременные сообщества, где может реализоваться человек любого возраста или интересов, – начиная с кофеен или баров, заканчивая «Кроссом наций» или совместной уборкой природной территории. Город видится теоретиками и практиками как пространство, создаваемое и воссоздаваемое социальными и экономическими действиями людей. Его особенности, его «дух» могут воспроизводиться даже неосознанно¹. Оценить, насколько это пространство социально, можно, опираясь на перечень социальных потребностей горожанина, выведенных тем же А. Лефевром: потребность в безопасности, потребность в непредвиденном, в

¹ Лефевр А. Социальное пространство / А. Лефевр // Неприкосновенный запас. – 2010. – № 2 (70).

информации и удивлении, игровую потребность, потребность в «приватной» интимности среди множющихся социальных контактов и отношений.

Если город ориентирован не на человека, а на, предположим, торговлю или промышленность, если его функции дифференцированы и обособлены, то эмоции на него могут включать и ненависть, вызванную ощущением людей себя, как «отбросов»¹. Такое же ощущение может вызывать стремление к изоляции молодежи некоторыми сообществами и районами². Город представляет собой культурный ландшафт либо – культурные ландшафты определенного города в единстве его природных, временных и антропогенных компонентов³, позволяющие зафиксировать его уникальные качества: материальность, богатство ресурсов и стабильность⁴. Культурный ландшафт представляет собой систему, на протяжении определенного времени складывающуюся в природном ландшафте усилиями человека и входящую в местную экосистему.

Крупный город способствует развитию личности, делая это достаточно специфическим. Достижения культуры и цивилизации аккумулируются в нем, принимая единый вид, и эти продукты осваиваются жителями городов. Всеми своими продуктами город рассказывает человеку о развитии, динамике, метаморфозе, и это, безусловно, влияет на самосознание и самооценку людей. Немецкий социолог Георг Зиммель, сформулировавший это видение в 1903 году, говорит и о повышенной «нервности» жизни в больших городах, которая сопровождает процессы развития. Ее обратной стороной являются компенсаторные реакции: рассудочность, бланзированность (пресыщенность) и высокая степень свободы от общественного контроля (замкнутость). Несмотря на довольно далекое время высказываний, идеи Г. Зиммеля постоянно цитируются специалистами, изучающими и делающими города⁵.

¹ Бодрийар Ж. Город и ненависть / Ж. Бодрийар // Логос. – 1997. – № 6.

² Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовки» как фундамент сообщества / Р. Ольденбург. – Москва : НЛЮ, 2014. – 456 с.

³ Алисов Д. А. Культурный ландшафт города: концепция, структура, индикаторы / Д. А. Алисов // Культурные ландшафты городов Сибири. – 2020. – С. 7–17.

⁴ Lowenthal D. Environmental perception: preserving the past / D. Lowenthal // Progress in Human Geography. – 1979. – № 3 (4). – P. 549–559.

⁵ Зиммель Г. Большие города и духовная жизнь / Г. Зиммель // Логос. – 2002. – № 3 (34). – С. 1–12.

Усиление рефлексии – актуальный урбанистический тренд. Те же обстоятельства усиливают размышления человека по поводу себя, выбора своей траектории, обоснованности своих действий¹. Если традиционный сельский житель при выборе варианта почти любого решения опирается на традицию и канон, то городской образ жизни пронизан выбором. В том случае, когда горожанин не критично не доверяется СМИ, он может быть весьма самостоятелен в решениях.

Автономность и анонимность связаны с невозможностью идентифицировать человека. В какой-то мере это нравственный бич городов, особенно крупных. Человек в городе ежедневно взаимодействует со многими, кто ему неизвестен, и с кем он, скорее всего, не пересечется далее. У горожанина есть право оставаться неизвестным. Он временно включается в различные группы и входит в контексты. С одной стороны, это означает определенную приватность, с другой – возможную безнаказанность. Некоторые социологи рассматривают анонимность как капитал разнообразия, противопоставляя ее «тесным объятиям» сельской жизни. Технологии проблематизируют все означенные аспекты автономности и анонимности.

Цифровизация коснулась сегодня жителей всех городов, но слово звучит столь часто, что иногда обесмысливается. Проясним его с опорой на разъяснения В. Куренного, показывающего разницу непосредственного восприятия и медийной информации, прошедшей процедуры закодирования и декодирования. Если прежде это декодирование включало в себя этнические, культурные, иные отличия, то в современном мире они нивелируются. Материалы СМИ – как и рыночная капиталистическая система – универсальны и представляют собой «регулятивы, которые задают современный набор возможных сценариев действия и легитимных идей, озвучиваемых – в сфере ответственного действия – даже теми, кто им не следует»². Местные новости в силу этого и то имеют «глобальный

¹ Уэбстер Ф. Теории информационного общества / Ф. Уэбстер. – Москва : Аспект Пресс, 2004. – 400 с.

² Куренной В. Медиа: средства в поисках целей / В. Куренной // Отечественные записки. – 2003. – № 4 (13).

горизонт», «сфера моих ожиданий – мир в целом». Наконец, за пределами личного опыта человека, в особенности – молодого, есть только информация, поступающая из СМИ. Кроме собственно фактов, она содержит в себе смысловой, оценочный момент, который жестко зафиксирован. Можно предположить, что городские практики непосредственного общения размывают эти границы и могут служить связями человека с его конкретным местом, людьми вокруг и т. д.

Новые медиа – интерактивные электронные издания и новые формы контакта производителей информационного контента с потребителем – естественно больше востребованы в городах, хотя бы по чисто техническим причинам (присутствие или отсутствие интернета). Новые медиа включают приложения и игры, без которых уже трудно представить повседневность городских жителей.

Используемое урбанистами и журналистами понятие «медиаполис» фиксирует состояние социума и человека, к которому их приводит интенсивное развитие медийных технологий и коммуникаций. В позитивном плане можно рассматривать «медийный город» и физический город как взаимодополняющие реальности, в каждой из которых молодые горожане могут способствовать росту информационного и ценностного потенциала своего города. Возникшие в российских городах в 2010-е годы городские интернет-издания способствуют изучению городов, рассказывают о проектах, включаются в развитие городского пространства¹. Продуманная информационно-событийная повестка дня города, акценты на определенных местных задачах и достижениях, персоналиях и проблемах приводят к созданию локальных сообществ заинтересованных горожан, без которых, согласно В. Л. Глазычеву, нет города как такового.

Обозначенные выше характеристики дают возможность представить социальный (*социально-молодежный*) потенциал каждого из изучаемых городов и сравнить с ним параметры реального участия молодых людей в жизни своего города. Для лучшего понимания обстоятельств, в которых развиваются и действуют молодые люди изучаемых нами городов, недостаточно только их

¹Абашев В. В. Новые городские медиа как агенты урбанизации / В. В. Абашев // Город и медиа. – 2019. – № 1.

описания, ведь каждый город неповторим. Необходимо выработать набор критериев, позволяющих: а) сравнить их между собой по некоторым базовым характеристикам, б) учитывать при этом влияние той или иной стороны истории или культуры города на субъектность молодежи.

Списка подобных характеристик нам пока не встречалось, но можно создать его, ориентируясь на наиболее влиятельные работы теоретиков и практиков урбанизма. С чисто урбанистической точки зрения, особый отпечаток на город накладывают:

а) время появления и социально-экономический уклад в момент возникновения города. Например, Екатеринбург как город-крепость и город-завод XVIII века обладает соответствующей градостроительной структурой: будучи изначально завязанным на энергию водяного колеса, он находится на небольшой, перекрытой плотиной реке; имеет регулярную сетку улиц, притом не только в центральной части; с отходом от индустриальной парадигмы «обзаводится» множеством пустующих промышленных объектов и территорий и т. п. Эти же обстоятельства существенно влияют на менталитет и систему ценностей горожан, визуальный облик города («домны выше церквей»¹, шум и безопасность);

б) климатогеографические характеристики и экология – температурный режим, осадки, количество теплых и солнечных дней и т. д. Их нужно учитывать, например, при анализе событий на открытом воздухе, изучении досуга горожан, учета их готовности участвовать в том или ином действии;

в) актуальное социально-экономическое состояние города (традиционный – индустриальный – постиндустриальный² – ориентиры его текущего развития, характер его экономики (моногород, город, ориентированный на туризм и т. д.).

г) социальное устройство города, подтверждаемое архитектурно, – наличие эксклюзивной застройки, богатых или бедных районов, социальная однородность³

¹ Иванов А. Хребет России / А. Иванов. – Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2010. – 272 с.

² Потаев Г. А. Постиндустриальные города: реновация и развитие / Г. А. Потаев. – Минск : БНТУ, 2019. – 232 с.

³ Грэхем У. Dream Cities: 7 урбанистических идей, которые сформировали мир / У. Грэхем. – Москва : Эксмо, 2018. – 107 с.

или, напротив, микширование людей разного достатка и профессий¹, наличие или отсутствие необходимого числа общественных пространств^{2,3};

д) эстетика города, наличие в нем выразительной или, напротив, монотонной архитектуры, градостроительных решений, предусматривающих нахождение на какой-либо площадке людей, занятых теми или иными активностями.

е) наличие наследия, объем (точечные объекты – территории) и состояние (актуализация – деградация) объектов историк-культурного наследия, создающие у человека чувство причастности к истории, формирующие или активизирующие социальную память; соответственно, характер работы с наследием (сверху вниз или снизу – вверх, с вовлечением или без)⁴.

Таблица 13

Сравнительная таблица культурно-исторических особенностей Гюмри, Екатеринбург, Тимишоары и Познани

Критерий (город)	Екатеринбург, 1,5 млн чел.	Гюмри, 122 тыс. чел.	Тимишоара 303 тыс. чел.	Познань 533 тыс. чел.
1	2	3	4	5
Время возникновения в его связи со структурой городской среды	1723, регулярный город, четкая квартальная планировка, хорошая визуальная организация, индустриальный характер поселения.	V в. до н. э. Центральная часть с регулярной застройкой, на остальные влияет рельеф. Обширные внутренние пространства, в том числе в частных домах. Тихий, неспешный ритм жизни.	XIII век, перестройка Габсбургами в 1720-х гг. 303 тыс. чел. Город создан в начале XIII века как крепость.	1005 г., город с 1253 г. Основан на берегу реки Варты, которая защищала от внешних угроз и была основной плодородности земель. Через город проходили речные торговые пути.

¹ Флорида Р. Новый кризис городов / Р. Флорида. – Москва : Издательская группа «Точка», 2018. – 204 с.

² Капков С. А. Развитие городских общественных пространств: социально-философские аспекты / С. А. Капков // Общество: философия, история, культура. – 2016. – № 11.

³ Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовки» как фундамент сообщества / Р. Ольденбург. – Москва : НЛЮ, 2014. – 456 с.

⁴ Вовлечение жителей в проекты благоустройства. Методические рекомендации по реализации проектов повышения качества среды моногородов. – Москва : Фонд развития моногородов, 2017. – 204 с.

Продолжение табл. 13

1	2	3	4	5
Климатогеографические характеристики и экология	Живописная местность с невысокими холмами и множеством речек, большинство которых сегодня скрыты в коллекторах. Длинная холодная зима. Много промышленных зон и территорий. Транспортные пробки.	1550 м над уровнем моря, 8–9-балльная сейсмическая зона. Длинная холодная зима.	Умеренно-континентальный климат (жаркое лето, умеренно холодная зима).	Климат считается мягким. Умеренно теплое лето сменяется зимой со средней температурой в -3С°. Экологическая обстановка осложнена находящимся вблизи города складом опасных веществ.
Внешние и внутренние коммуникации	Хорошо развитая система внешних и внутренних коммуникаций в агломерации Большого Екатеринбурга.	Неразветвленная система внешних прерывающихся коммуникаций, расположенных близко к государственной границе.	Хорошее геополитическое положение, активные внешние связи.	Исторический и культурный центр Польши, второе место в стране по объему международных инвестиций.
Актуальное социально-экономическое состояние города	Развивающийся город с индустриальной и постиндустриальной экономикой, развитой системой высшего образования.	Сильно пострадал от землетрясений не оправился до сих пор 7 вузов.	Третий по численности и населения город Румынии, 5 университетов.	Сегодня в Poznani развиваются машиностроение, парфюмерная, пищевая, резиновая, стеклянная и легкая отрасли промышленности. В городе расположено 9 государственных и 7 частных университетов.

1	2	3	4	5
Социальное устройство города, подтверждаемое градостроительным и характеристиками	Микширование горожан с разным социальным статусом в центре города. Есть неблагополучные окраины с низким уровнем жизни и большим количеством мигрантов.	В целом невысокий уровень жизни.	Тимишоара была отмечена Forbes как самый динамичный и лучший город для бизнеса в Румынии. Уровень безработицы – один из самых низких в стране.	Город отличается сложной инфраструктурой. По плотности населения, количеству компаний ВВП на душу населения пригороды Познани можно сравнить только с пригородами Варшавы.
Эстетика города, преобладающий архитектурный стиль	Эклектичная и при этом профессионально выполненная застройка, от классицизма через конструктивизм к современной архитектуре. Много характерных общественных зданий разных лет в центральной части.	Уникальная центральная часть: малоэтажная застройка из черного туфа, достаточно сильно разрушенные дома. Здания советского и постсоветского периода не отличаются национальным колоритом.	Уникальная центральная часть в стиле барокко, XVIII век. Уникальные объекты современной архитектуры.	В исторической части элементы готической, ренессансной и неоклассической архитектуры, с современными зданиями последних лет постройки.
Наличие историко-культурного наследия, его состояние	Наследие, в т. ч. археологическое и индустриальное: 851 объект. Работа ведется не вполне системно. Девелоперские решения скорее разрушают наследие, чем его сохраняют. Активное вымывание социальной памяти во второй половине XX века.	Историко-архитектурное и историко-культурное наследие разных периодов. Работа ведется бессистемно и без опоры на современные методы.	Историко-архитектурное наследие разных периодов. Работа по реставрации и реабилитации ведется не всегда своевременно. Уникальность местного наследия не признается на гос. уровне.	Историко-архитектурное наследие разных эпох начиная с 968 года. Развитием и охраной наследия в пятом по величине городе Польши занимается Центр исторического наследия.

Екатеринбург. Расположенный на границы Европы и Азии, имеет хорошее геополитическое расположение, обладает развитой транспортной инфраструктурой, хозяйственно-экономическими системами, насчитывающими триста лет непрерывного пользования и совершенствования. Город воспринимается не только своими жителями, но и населением региона как центр Урала, столица Среднего Урала: сказанное в отношении Екатеринбурга часто в дальнейшем распространяется на весь Урал, в свою очередь плотно интегрированный в экономику и культуру России.

Историческое прошлое Екатеринбурга связано с горным делом и металлургией, начинавшимися в эпоху водяного колеса. Это обусловило структуру, типичную для горнозаводских поселений региона, возникавших в XVIII веке: плотина и завод в центре, рациональная регулярная сетка улиц, повышенная компактность, доминирование индустриальных топонимов вплоть до XX века с его периодом советской индустриализации. Город окружен лесами, забота о которых существовала с первых десятилетий его существования. В городе изначально было много зеленых зон, начиная от сквера на самой плотине, заканчивая знаменитым бульваром, соединяющим Верх-Исетский металлургический завод с основной частью.

Смена технологических укладов, краткий и яркий период «золотой лихорадки», промышленный расцвет начала 1900-х годов мало известны и не отражены в общественном сознании, хотя к началу XX века уездный Екатеринбург имел прекрасную планировку, архитектуру, коммуникации, «освещался электричеством» и насчитывал с пригородами около 90 тыс. жителей. Помимо металлургических заводов, в нем было шесть механических, три кожевенных, три бумажных завода, винокуренное производство, крупные мельницы и фабрики, в частности Императорская гранильная фабрика, изготовлявшая для царского двора различные предметы из драгоценных и полудрагоценных камней. Определенная милитаризация мышления, обусловленная защитными функциями города, начиная с первых десятилетий его существования и заканчивая закрытыми предприятиями,

присутствует, но практически не озвучивается жителями; исключение составляет известная фраза про «Урал – опорный край державы». Во все периоды заводские и промышленные территории размещались в непосредственной близости от селитьбы и не были обособлены, что усиливало чувство города мастеров, города труда. Это подчеркивалось и топонимикой советского периода, не исчезнувшей до сих пор, – Набережная и Площадь труда, Набережная рабочей молодежи, техникум (ныне колледж) им. И. И. Ползунова, улицы Каменщиков, Литейщиков, Токарей и т. д. В момент перехода к постиндустриальной фазе, совпавший с перестройкой и принесшей новые ценности, чувство трудового города оказалось сильно размыто, но не исчезло полностью, найдя выход в сфере творческих и гражданских инициатив.

В советский период новые индустриальные районы города создавались, как соцгорода. При этом планировочные решения с их рациональностью и ориентацией на труд учитывали логику истории. В 1928 году началось строительство первого соцгорода – Уралмаша. Нарботанный опыт использовался затем для возведения Эльмаша (с 1932 года), Химмаша (начавшееся в конце 1920–х годов строительство после остановки возобновилось в 1940-е года, завершено в 1950-е годы), Вторчермета (с 1929 га). Исторический Екатеринбург стал играть для нового Свердловска роль административного центра и центра социального обслуживания, а промышленное развитие переместилось в новые «соцгорода». На уровне бытовой топонимики это сказывается до сих пор: «поехать в город» для жителя Уралмаша или Химмаша означает поехать в центр Екатеринбурга.

В период Великой Отечественной войны Свердловск сильно изменился. Выросло число и мощности предприятий, на территории Свердловска укрепилось множество эвакуированных производств. Построены Химмаш и Турбомоторный завод, завод резинотехнических изделий (РТИ), шинный, инструментальный, компрессорный и целый ряд других заводов. К 1945 году промышленный потенциал города увеличился в семь раз по сравнению с довоенным¹.

¹ Букин В. П. Свердловск. Перспективы развития до 2000 года / В. П. Букин, В. А. Пискунов. – Свердловск : Средне-Уральское книжное издательство, 1982.

В 1960–80-е годы Свердловск был крупным промышленным центром. Возникающая жилая застройка «хрущевками» и типовыми панельными домами делала его более монотонным, чем прежде, и лишала индивидуальности. Закрытость города для иностранцев сказывалась и несколько десятилетий спустя недооценкой его эстетики, внешних и внутренних богатств. В 2000-е годы отрицательные имиджевые характеристики типа «место гибели царской семьи», «грязный, серый, скучный город», город, связанный с организованной преступностью в 1990-е годы, в значительной мере преодолены. Город строится и растет, в нем есть яркие современные объекты (самый северный небоскреб в мире «Высоцкий», Дворец игровых видов спорта, Ельцин-центр и т. д.). В нем много театров и художественных галерей, проходят Индустриальная бьеннале и «Ночь музыки», фестивали самой разной направленности «Не темно», «Стенография», «Дикоросы», «Кинопроба», Фестиваль уличного кино и множество других событий и мероприятий. В какой-то мере с ними конкурируют торговые центры, в которых удобно гулять в холодное время года. В границах агломерации Большого Екатеринбурга многое делается на площадках бывшего металлургического завода в Сысерти и суконной фабрики в Арамиле. Город стал привлекательным для жизни, внешнего и внутреннего туризма, т. е. в полной мере перешел в стадию постиндустриализма.

Помимо множества промышленных предприятий, сегодня частично закрывшихся или трансформированных, Екатеринбург обладает большим числом учреждений культуры и образования. В нем, особенно во время учебного года, очень много учащихся и работающей (подрабатывающей) молодежи, к которой город относится лояльно и заинтересованно. Здесь есть возможность не только трудоустроиться, но и проявить себя, заявить о себе в самых разных сферах. Некоторый переизбыток культурного выбора вкупе с небольшим временем досуга порождает конкуренцию мест и событий, куда может прийти молодой человек.

а)

б)

в)

Рис. 2. Архитектура Екатеринбурга:
а – вид на город с небоскреба Высоцкий;
б – главный учебный корпус УрФУ;
в – дом с башенками

Гюмри. Армянский город Гюмри основан в VIII веке до н. э., испытал множество влияний и переименований, выдержал землетрясения 1988 и 1998 годах. Население города составляет 122 тысячи человек, оно постоянно уменьшается, прежде всего в силу экономических причин. Город расположен в долине с небольшим уклоном, окружен горами.

В середине XX века в нем развивались машиностроение, текстильная промышленность, производство продуктов питания, которые сильно пострадали после распада СССР. Практически ни одно из предприятий не функционирует, не ведется и жилищное строительство. В городе частично восстанавливаются разрушенные в последнее землетрясение здания, незначительно расширяется жилищный фонд. На территории города расположена закрытая военная база РФ.

Застройку центра города А. В. Иванов характеризует как «регулярный вернакуляр» и «свободу внутри решетки»^{1,2}. Спланированные кварталы малоэтажных домов в историческом центре созданы местными мастерами-каменщиками практически без участия профессиональных архитекторов и сегодня продолжают выполнять функцию городского центра. Город сохранил свою аутентичность, имеет высокую степень узнаваемости, а его среда эстетична и гармонична. Черный (изредка и оранжевый) туф, из которого построен центр города, является его визитной карточкой. Разрушения, вызванные землетрясением 1989 году и частично не исчезнувшие до сих пор, придают ландшафту особенную интонацию: в ней хрупкость и негибкость, мимолетность и вечные ценности культуры. В нескольких километрах от города проходит граница с Турцией – страной, которая до сих пор рассматривается большинством (если не всеми) армян как виновник геноцида и потенциальный агрессор. На территории города дислоцирована 102-ая российская военная база. Постоянные опасности как природные, так и геополитические с разных сторон города формируют у горожан обостренное чувство локального патриотизма и гордости.

¹ Иванов А. Гюмри. Вернакуляр черного туфа / А. Иванов. – Ереван : ООО «Коллаж», 2021. – 376 с.

² Иванов А. В. Регулярный вернакуляр: свободы внутри решетки (исторический центр Гюмри XI–XXX веков) / А. В. Иванов // Вопросы всеобщей истории архитектуры. – 2017. – № 2 (9). – С. 159–192.

Исторически сложилось так, что в СССР в целом приоритет был отдан коммунальному жилью, то в Армении «дореволюционные практики» автономного домохозяйства продолжали существовать наряду с реализованными советскими решениями зональной застройки индустриального города. Эта многоуровневость пространства присутствует до сих пор. Вернакулярная застройка поддерживает традицию жить многопоколенными семьями, с одной стороны, это сохраняет традиционность, формирует чувство семейственности, с другой – является источником желания молодых людей и девушек «попробовать самостоятельность», пожить отдельно. Единственная возможность, принимаемая обществом, – уехать учиться.

Культурный ландшафт Гюмри как города с большой историей насыщен, а разрушение, естественное или иное, становится его неотъемлемым модусом. А. Битов пишет: «Такое впечатление, что в Армении нет начала истории, она была всегда. Из-за свое вечное существование она освятила каждый камень и каждый шаг. Наверное, нет такой деревни, которая не была бы во *время оно* столицей древнего государства, ...нет камня, не политого кровью, и нет человека, которому бы это было безразлично...»¹. Тем не менее восстановить историю или, например, создать принципиально новое городское пространство молодежи Гюмри пока не удалось, несмотря на солнечный климат, некоторые инициативные группы «прячутся» в старых полуразрушенных домах, никак не облагораживая их.

Советский модернизм в его архитектурной и градостроительной части исходно не включается в культурный ландшафт Гюмри и не является сферой активности молодежи по причинам как идеологического, так и эстетического характера. Инициативность и социальное участие горожан не становится массовым. Исторические объекты культурного ландшафта мыслятся как проявления некой *большой истории*, для которой не важны десятилетия или даты, а важна неотвратимость хода времени и естественность (непреложность)

¹ Битов А. Путешествие из России. Империя в четырех измерениях / А. Битов. – Москва : Лабиринт, 2013. – 512 с.

разрушений, вызываемых им. С этим связано нейтральное или даже равнодушное отношение молодых людей и молодежных организаций к проектам развития городской среды.

Более реальной предстает текущая история конфликта с Азербайджаном, совместные действия в котором не просто нужны, но остро необходимы, и тем, кто находится в зоне конфликта, и тем, кто их ждет. Небольшие фрагменты «нового», присущего остальным городам мира, – инсталляции из пластиковых пробок, благоустроенный фрагмент улицы и т. п. – никак не обозначаются жителями. Например, ставший знаменитым уголок с армянскими анекдотами на площади Вардананц не имеет какого-то повседневного обозначения – ни официального, ни слэнгового (по крайней мере, когда люди общаются с приезжими)¹.

¹ Быстрова Т. Ю. Вовлечение жителей в проекты благоустройства. Методические рекомендации по реализации проектов повышения качества среды моногородов / Т. Ю. Быстрова, М. В. Певная, Л. А. Асоян. – Москва : Фонд развития моногородов», 2017. – 18 с.

а)

б)

в)

г)

д)

Рис. 3. Архитектура города Гюмри:
а – Черная крепость;
б – жилой дом в районе Кумайри;
в – городская администрация;
г – улицы Гюмри;
д – Церковь Святой богородицы

Тимишоара. Третий по величине город Румынии, исторический центр области Банат, административный центр уезда Тимиш на западе страны. Площадь города – 130,5 км²; численность населения – более 300 тыс. человек. Город создан в начале XIII века как крепость. В силу этого его центр имеет радиальную планировку. Центральная площадь города – площадь Унирий – пользуется большой популярностью и любовью у жителей разных возрастов.

В XVIII веке после завершения турецкого владычества Тимишоару существенно перестроили в духе тогдашних европейских столиц, прежде всего Вены. Город сильно пострадал из-за бомбардировок Второй мировой войны, но его удалось возродить. В 2021 году город был выбран культурной столицей Европы. В центре города ранее находилась цитадель, окруженная каналом. В конце XIX века, во время расширения города, большая часть старой защитной стены была снесена. Канал превратился из части оборонительной системы в элемент транспортной системы, соединяющей разные части города, а сам город – с Европой. Географическое положение города способствует его мультикультурности. Активная иммиграция из Австрийской империи привела к тому, что в городе уживались 19 этнических групп населения. В последние десятилетия многие из них покинули город. Представители некоторых этносов – евреи, немцы – уехали в последние десятилетия преимущественно по экономическим причинам, ПМА¹. Город во все периоды был и остается в авангарде творческих исканий архитекторов, музыкантов, художников².

Просторный и регулярно спланированный центр города отличается ансамблевостью барочной застройки, породившей туристический штамп «маленькая Вена» и частично «румынизированной» после Первой мировой войны и выхода территории из Австро-Венгрии. Здесь, по словам местной жительницы, «всегда были променады». В 1850 году здесь создали торговую палату, одну из восьми, создаваемых в тогдашней послереволюционной Европе для

¹ Полевые материалы исследования.

² Гайворонски В. Архитектурная школа Тимишоары: традиция и авангард / В. Гайворонски, С. Кук // Проект Байкал. – 2020. – № 17 (66). – С. 157–168.

стимулирования торговых обменов. Город первым в Европе был электрифицирован в 1884 году.

Советское время, помимо обязательного «набора» реалий в виде модернистских жилых домов или борьбы с индивидуальным землевладением, дало расцвет национальной архитектуре как модернистской, так и постмодернистской. Архитекторы города завоевывали призы на международных конкурсах, проводили выставки, контактировали со специалистами других стран по всему миру¹. До сегодняшнего дня город позиционирует себя как место архитектурного и художественного авангарда, открытости навстречу инновациям. Революцию 1989 года Тимишоара пережила очень тяжело, с жертвами, демонстрациями, разницей взглядов, которые не слишком известны молодому поколению.

Старый центр города (Piata Unirii) в настоящее время объявлен «архитектурным заповедником в стиле барокко», с бывшей королевской резиденцией, художественным музеем и важными религиозными резиденциями – католическим епископством и Домом, а также Сербским православным епископством. Неподалеку находится и главный еврейский храм. После 1860 года регион перешел под венгерскую корону, период нововведений, реконструкции (преимущественно в стиле модерн) и процветания. Однако первый университет был основан только в 1920 году при румынском правлении. Тимишоара известен как центр мультикультурной жизни и традиций, с государственными театрами на румынском, венгерском и немецком языках, средствами массовой информации на этих языках, оперой, филармонией и множеством музеев и художественных галерей. Для того чтобы возобновить свое международное признание и место, город подал заявку на участие в Культурной столице Европы, запланированную на 2021 год, но перенесенную на 2023 год из-за ограничений, связанных с пандемией (2020–2021 годы).

Сегодня город декларирует переход к постиндустриальному этапу, например, согласно законам, на его территории не могут работать предприятия

¹ Гайворонски В. Архитектурная школа Тимишоары: традиция и авангард / В. Гайворонски, С. Кук // Проект Байкал. – 2020. – № 17 (66). – С. 157–168.

тяжелой промышленности. В нем происходит много культурных событий, иногда уникальных, например постановка «Кармина бурана» в аэропорту Тимишоары. В городе работает четыре государственных и два частных университета (еще два частных университета, возникших в 1990-е годы и готовивших в основном представителей нетехнических специальностей, сегодня уже закрыты).

В городе есть пространства, любимые жителями разных возрастов: парк экстремальных видов спорта для молодежи, место, где пенсионеры играют в шахматы (Центральный парк). При этом туризм развит не слишком сильно, так как территории европейских стран вокруг создают конкуренцию. Возможно, городу не хватает четко оформленной «истории», которая помогала бы его позиционированию в сознании туристов. Старинные дома и промышленные объекты не признаются уникальными в масштабах всей Румынии, поэтому работа с ними ведется нерегулярно.

а)

б)

в)

г)

Рис. 4. Архитектура Тимишоары:
а – площадь Унири;
б – барочный дворец – Музей искусства;
в – Дворец Леффлер;
г – Дом Шгайнера Миксы (здание бывшего Дисконтного банка)

Познань. Первые упоминания о городе Познань относятся еще к 1005 году как одному из древнейших польских городов, он играл и играет важную роль в развитии государства. Основан был на берегу реки Варты, удачное местоположение служило естественной защитой от внешних угроз. Через город проходили ручные торговые пути, что сказывалось на экономическом росте¹. Познань является одним из важнейших для Польши городов, ее историческим (одной из четырех столиц средневековой Польши) и культурным центром. Ежегодно тысячи людей посещают международные выставки и ярмарки, что позволяет Познани занимать второе место в стране по объему международных инвестиций. Город благодаря выгодному географическому положению является важным транспортным узлом, соединяющим не только крупные города страны, но столицы других стран. Еще одна особенность – особая известность дизайнеров Познани, это редкий ресурс творческих профессионалов, которые завоевывают известность в основном за пределами Познани.

Архитектура города формировалась на протяжении более чем 1000 лет, поэтому наполнена элементами и готической, и ренессансной, и неоклассической архитектуры в исторических районах, а также и современными зданиями последних лет постройки. За прошедшие с момента основания столетия город многократно менял свои границы в зависимости от политической обстановки. Серьезные разрушения произошли во второй половине 17-го века и большей части 18-го и были связаны с военными захватами, грабежами и разрушениями. После перехода под контроль Пруссии город и его пригороды превращают в крепость, огороженную кольцом оборонительных укреплений. По мере роста города в 1876 году было начато строительство второго оборонительного кольца, внутреннее кольцо было снесено, освободив значительные площади для нового строительства. В этот период возводятся Императорский замок, здания Университета и Оперный театр.

¹ Лушина М. Г. Гнезно и Познань в XIII веке / М. Г. Лушина // Известия Саратовского университета. История. Международные отношения. – 2019. – № 1. – С. 33–35.

Следующая волна разрушений пришлась на годы Второй мировой войны, в результате боев большая часть города, особенно Старый город, превратилась в руины. Сохранились фрагменты стен на улицах Ставна, Людгарди, рядом с парком Шопена на юге Старой рыночной площади, а лучшие части находятся на улице Машгаларска на севере, часть их них была реконструирована. Развитием и охраной наследия в пятом по величине городе Польши занимается Центр исторического наследия, одним из важных направлений является разработка Королевско-императорского маршрута, объединяющего важные исторические места, которых в городе за долгую историю сформировалось немало. Работа над культурным наследием рассматривается как мера укрепления национальной идентичности. Сегодня в Познани развиваются машиностроение, парфюмерная, пищевая, резиновая, стеклянная и легкая отрасли промышленности. В городе расположено 9 государственных и 7 частных университетов. Благодаря постепенному внедрению принципа социального участия такие проекты Познани, как реорганизация системы дорожного движения в центре города, повышение безопасности пешеходов и велосипедистов и обустройство парковочных мест, все чаще учитывают потребности городских пользователей, создавая прочную основу для хорошо спроектированных мероприятий по обновлению городской среды¹.

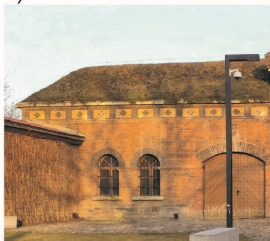
¹ Bartosz K. City mobility and complete public space in modern city. Case study of the city centre of Poznan, Poland / K. Bartosz. – Минск : БНТУ, 2020. –164 с.

а)

г)

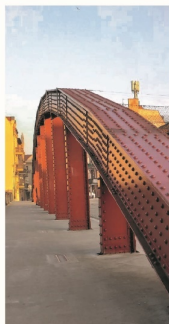
д)

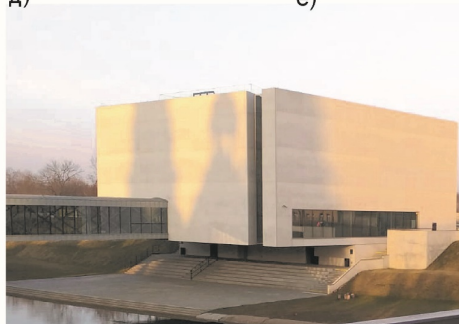
е)

б)

в)

ж)

Рис. 5. Архитектура города Познань:

а – Познанская Ратуша;

б – Ворота Познани (Интерактивный центр интерпретации исторического наследия);

в – Мост епископа Йордана;

г – Музей вооружения и армии;

д – Кафедральный шпоз;

е – Старая рыночная площадь;

ж – Интерактивный музей местной истории

Самым древним из сравниваемых городов является Гюмри, на момент проведения исследования его возраст составляет более двух с половиной тысяч лет, при этом Гюмри занимает наименьшую площадь из всех рассматриваемых городов (36,3 км²) и имеет наименьшую численность населения (112 968 чел. по данным 2019 года). В этом городе наблюдается очень высокая концентрация памятников архитектуры и исторической застройки относительно общей площади города, при этом большая часть относится к архитектурному заповеднику Кумайри: это жилые дома, построенные в 1850–1950 годах, площадь заповедника составляет почти четверть от всей площади города (в городе 1056 ОКН из них 955 – Кумайри).

Самым крупным (население 1 493 600 чел. по данным 2022 года и площадь 495 км²) и при этом самым молодым (в 2023 году Екатеринбург отметит 300-летний юбилей) из рассматриваемых городов является Екатеринбург, несмотря на весьма юный для города возраст, в нем размещаются более 850 памятников, в которых запечатлены разные этапы городского развития.

Тимишоара и Познань по сравнению с Гюмри и Екатеринбургом имеют больше схожих черт. Тимишоара был основан в 1175 году, Познань в 1005 году. Познань более крупный (площадь и население в два раза больше Тимишоары) и развитый город, который уделяет особое внимание теме сохранения объектов культурного наследия, по данным Национального института культурного наследия к объектам культурного наследия относится 1482 объекта.

В каждом из рассматриваемых городов основная часть объектов культурно-исторического наследия сконцентрирована в центральных частях. Это открытые пространства, окруженные исторической застройкой, чей городской интерьер сложился еще несколько десятилетий назад и стал визитной карточкой города, его лицом и брендом. Самым суровым климатом из сравниваемых городов обладает Екатеринбург. Несмотря на различный климат, открытые пространства остаются важной частью городских пространств независимо от погодных условий. События на открытом воздухе безусловно чаще проводятся в летний период, но не исчезают вовсе в остальное время, к примеру на центральной площади каждый год организуют Ледовый городок. С точки зрения внешних и внутренних

коммуникаций особняком стоит Гюмри, который больше ориентирован в себя, чем наружу. Остальные города являются узлами крупных транспортных сетей, которые стимулируют постоянный экономический рост и развитие.

Сравнивая социально-экономическое состояние городов, можно опять же выделить город Гюмри с невысоким уровнем жизни. Большое количество объектов культурно-исторического наследия не могут получить достаточной поддержки в текущих социально-экономических условиях. Тимишоара же, наоборот, может предложить своим горожанам достаточное количество рабочих. Екатеринбург также неоднократно входил в топ городов для ведения бизнеса. Выгодное расположение Познани и ее включенность в международную деятельность способствуют росту доходов населения, которые сравнимы со столичными.

Каждый из городов обладает значительным и уникальным потенциалом в плане культурно-исторического развития и позиционирования, но местные власти распоряжаются им по-разному. В Екатеринбурге есть наследие, в том числе археологическое и индустриальное, но работа ведется не вполне системно. Активное вымывание социальной памяти во второй половине XX века сказывается до сих пор. В Гюмри работа с историко-архитектурным и историко-культурным наследием разных периодов ведется бессистемно и без опоры на современные методы. Тимишоара обладает историко-архитектурным наследием разных периодов, но работа по реставрации и реабилитации ведется не всегда своевременно и уникальность местного наследия не признается на государственном уровне. В Познани работа с историко-архитектурным наследием выполняется наиболее системно, к изучению объектов активно привлекается молодежь.

3. КЕЙС-СТАДИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК МОЛОДЕЖИ И УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМ УЧАСТИЕМ МОЛОДЫХ ГОРОЖАН В ПРОСТРАНСТВЕ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ

3.1. Конструирование символического пространства города в практиках молодежного участия

Первоначально обозначим ряд важнейших концептуальных для исследования подходов, далее постараемся выделить значимые для него особенности метода ментальных карт. Город в контексте конструктивистских подходов – сложная смысловая структура, имеющая субъективную природу, воспроизводящаяся как социальный феномен посредством интенциональных (желательных, селективных) взаимодействий. В феноменологической социологии город – своего рода интересубъективный мир повседневной жизни (А. Шюц), который изначально дан непосредственному и опосредованному переживанию и интерпретации. Это мир не личный, а созданный предшественниками и общий для всех людей, с которыми установлены социальные связи и отношения.

Представления о городе формируются в разных контекстах его смысловой структуры: город «в пределах моей актуальной досягаемости», принадлежащий настоящему, и город «в пределах моей потенциальной досягаемости», имеющий сложную временную структуру¹. Последний соотнесен с актуально наличным знанием прошлого опыта и доступен благодаря идеализации «и так далее» как мир в пределах доступной досягаемости (А. Шюц).

Город интерпретируется и в системе повседневных базовых практик, и в то же время в рамках конечных областей смысла как город научного созерцания и детского опыта игры, сновидений, грез и фантазий, искусства и религиозного опыта и пр. Одной из форм конечных областей смысла выступают

¹ Шюц А. О множественности реальностей / А. Шюц // Социологическое обозрение. – 2003. – № 2. – С. 3–34.

институционально сконструированные имиджевые характеристики города-товара, которые транслируются субъекту и присваиваются им как нормативно одобряемые, присущие общему видению ситуации. Будучи элементом маркетинговых стратегий, образ города «превращается в разновидность виртуального, игрового, информационного и медийного миров», что «с позиции субъективизма и конструктивизма просто иная форма существования, имеющая особый онтологический статус»¹. Этот конструкт города, выражая общую концепцию стратегии его продвижения, не претендует на объективность репрезентации, а, наоборот, ориентирован прежде всего на актуализацию наиболее востребованных в конкретный период времени дискурсов. Более того, он становится вариативным, игровым элементом общества спектакля как системы общественных отношений, опосредованных образами (Г. Дебор).

Конструируемый город можно рассматривать как символическое пространство – совокупность способов репрезентации смыслов (образов, символов, мифов и пр.), образующих устойчивые взаимосвязи. Среди них символы – чувственное воплощение идеального (Э. Кассирер). Их основой выступают коллективные типизации. В контексте накопленного знания («знания здравого смысла») возникают конструкты первого порядка – начальный уровень символизации, организующий повседневную жизнь субъекта. Практики их интерпретации, типизации формируют конструкты второго порядка (А. Шюц) – более абстрактные феномены (символы, метафоры, научные понятия). Символ «не только обозначает, но и задействует единство (видимого и невидимого). И именно поэтому как раз форма символа (а не форма понятия) оказывается подходящей, когда дело касается рационального обращения с невыразимым»². Символы классифицируются по разным основаниям, в частности, подразделяются на индивидуальные, групповые, общественные. Они соотносятся с ценностями, мифами, традициями, ритуалами и

¹ Университетский город: политическая реальность новой эпохи / Под общей редакцией А. И. Щербинина. – Томск : Издательский дом ТГУ, 2020. – 296 с.

² Луман Н. Медиакоммуникации / Н. Луман. – Москва : Логос, 2005. – 280 с.

другими элементами культуры, а также исторической памятью в целом, образуя целостные структуры.

Концептуализация процессов символизации осуществляется в контексте проблематики символического интеракционизма, социального конструктивизма, социологической феноменологии, социологии знания, социально философских исследований мифа, коммуникативных концепциях, осуществленных Р. Бартом¹, П. Бергером², Ж. Бодрийаром³, Г. Г. Гадамером⁴, Ж. Лаканом, Ю. Лотманом⁵, К. Леви-Стросом, Н. Луманом, Ж. Ф. Лиотаром, Т. Лукманом, Дж. Мидом, Э. Сепиром, А. Шюцем, М. Фуко⁶, У. Эко⁷ и др. Проблемы символизации пространства рассматривались классиками социологии (М. Вебером, Г. Зиммелем). Некоторые российские исследователи (Ю. С. Пивоваров, А. Ф. Филиппов⁸ и др.) уделяли этой проблематике серьезное внимание.

Применительно к изучению города можно упомянуть, в частности, классификацию процессов символизации пространства города в трактовке Н. Ф. Дмитриевской⁹, которая включает несколько типов символических практик:

1) «ассоциативный символизм» – как индивидуализированная творческая ассоциативность восприятия, позволяющая соединить воедино все элементы среды, создавая единый образ города;

2) «культурный символизм» – как процесс «расшифровки» и интерпретации культурных символов, инкорпорированных в городскую среду, прежде всего архитектуру (символизм объектов), позволяющий на базе визуальных образов конструировать город как целое;

¹ Барт Р. Мифологии / Р. Барт. – Москва : Издательство им. Сабашниковых, 2000. – 320 с.

² Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва : Медиум, 1995. – 323 с.

³ Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – Москва : Добросвет, 2000. – 387 с.

⁴ Гадамер Х. Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х. Г. Гадамер. – Москва : Прогресс, 1988. – 704 с.

⁵ Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург : Искусство, 2000. – 200 с.

⁶ Фуко М. Дискурс и истина / М. Фуко // Логос. – 2008. – № 2 (65). – С. 159–259.

⁷ Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко. – Москва : Петрополис, 1998. – 180 с.

⁸ Филиппов А. Ф. Социология пространства / А. Ф. Филиппов. – Санкт-Петербург : Даль, 2008. – 285 с.

⁹ Дмитриевская Н. Ф. Образ города как социальный феномен / Н. Ф. Дмитриевская. – Санкт-Петербург : ФинЭк, 1999. – 191 с.

3) «символизм известного» – как совокупность культурных символов, являющихся частью повседневной среды, символизм привычного городского существования, проявляющийся в восприятии этих символов в обычной жизни, формирующий культуру восприятия городской среды;

4) «символизм архетипа» – как «приключение созерцания», позволяющее осознавать значимость историко-культурных традиций при соприкосновении с городской средой.

Работа с индивидуально-личностными практиками конструирования символического пространства города в рамках нашего исследования базировалась в основном на этих типологических моделях. Анализ имиджевых характеристик города в представлениях молодежи основывался на концепциях символического капитала места. Традиционно символический капитал места рассматривают как «совокупность значимых элементов (смыслов) территориальной среды, которые обеспечивают локальному месту узнавание, известность, престиж, доверие к нему со стороны различных социальных групп»¹. Для решения целого спектра управленческих проблем важным является то, чтобы были «проанализированы и стратегически оценены различные процессы, реализующиеся местными сообществами: продвижение территориального бренда, формирование неповторимого и позитивного образа места и его репутации, актуализация уникальных событий и впечатлений, капитализация «гения места» и пр.». Рассматриваемое с управленческих позиций накопление символического капитала места представляет собой решение комплексной задачи его конвертации в экономический ресурс территории.

Разработка методических стратегий базировалась на ряде концептов, в частности, предложенных Н. Г. Федотовой для анализа символического капитала территории:

¹ Федотова Н. Г. Символический капитал места: понятие, особенности накопления, методики исследования / Н. Г. Федотова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2018. – № 29. – С.141–155.

– комплекс символов места как результат конструирования значения и отсылки к культурно-историческому контексту;

– «дух места» как выражение духовного воплощения его уникальности, способный, в частности, в визуальных образах сформировать особую атмосферу пространства «переживания» (К. Норберг-Шульц, концепция «genius loci»)¹; коллективная память как культурный механизм актуализации и передачи территориальных смыслов (французского историка П. Нора²), которая аккумулируется через символическое маркирование значимых мест и в конечном итоге структурирует восприятие людьми данной территории;

– территориальная идентичность как совокупность смыслов, которая поддерживает чувство сопричастности человека с местом, на основе его символической связи с территорией; доверие к территории³.

Одним из распространенных и наиболее продуктивных в научном плане методов реализации подобных исследований является ментальное картографирование, которое позволяет визуализировать практики символического конструирования города.

Метод ментальных карт – часть визуальных исследований, в последнее время все более активно используемый в междисциплинарных проектах для решения многообразных задач, связанных с визуализацией. Одной из таких задач является конструирование смыслов и целостных образов социокультурных объектов в социальных пространствах конкретных территорий, например микрорайона, города, региона и пр., в силу того, что «...необходимо понять город не просто как «вещь в себе», но как город, воспринимаемый его обитателями»⁴. Разночтения, существующие по поводу понятия ментальной карты, связаны как правило с тем, что в контексте разных дисциплин оно интерпретируется в зависимости от их

¹ Norberg-Schulz C. Genius Loci, Towards a Phenomenology of Architecture / C. Norberg-Schulz. – New York : Rizzoli, 1980. – 216 p.

² Проблематика мест памяти / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюижеж, М. Винок. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 1999. – 328 с.

³ Федотова Н. Г. Символический капитал места: понятие, особенности накопления, методики исследования / Н. Г. Федотова // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2018. – № 29. – С.141–155.

⁴ Линч К. Образ города / К. Линч. – Москва : Стройиздат, 1982. – 328 с.

специфики, часто расширительно трактуется как разновидность социального картографирования, идентифицируется с когнитивными картами, картами концептов и др. Ментальные карты – это спровоцированные, целевые, выполненные респондентом для целей проводимого исследования документы. Как правило, они сопровождаются комплексом методов: интервью мягкого формата, биографическими методами, включая мобильные (биографическая прогулка), фокус-группами, визуальными фото- видеометодами. В ряде случаев ментальная картография интегрирована в опросный лист, гайд интервью. Проблематика ментального картографирования имеет своим основанием практики городского зонирования Ч. Бута и Дж. Адамса, «imaginary maps» К. Трубриджа, теорию городской формы К. Линча, метод когнитивных карт как элемент когнитивной психологии, увязывающий мыслительную деятельность и поведение человека с пространством (Э. Толман), разработки С. Мильграма¹.

В современных городских исследованиях метод продолжает развиваться через методологическое и методическое обоснование в контексте изучения его эволюции², практик использования³, методов количественного анализа⁴. Метод ментального картографирования достаточно широко применяется в различных проектах изучения города⁵ и управления его развитием. Метод отличается по своим функциям от социального картографирования, метода анализа рисунков и др. Его достоинством является и то, что визуализация субъективно значимых мест, «мест памяти», позволяет, с одной стороны, осуществлять анализ самоидентификационных процессов личности, с другой – осмысление

¹ Милграм С. Эксперимент в социальной психологии / С. Милграм. – Санкт-Петербург: Питер, 2000. – 335 с.

² Митин И. И. Ментальные карты города: история понятия и разнообразие подходов / И. И. Митин // Городские исследования и практики. – 2017. – С. 64–79; Стрельникова А. В. Социальное картографирование: эволюция метода / А. В. Стрельникова // Вестник РГГУ. Серия : Философия. Социология. Искусствоведение. – 2013. – № 2 (103). – С. 2010–2017.

³ Веселкова Н. В. Ментальные карты города: вопросы использования / Н. В. Веселкова // Социология 4М. – 2010. – № 31. – С. 5–29.

⁴ Глазков К. П. Ментальные карты: способы анализа, погрешность и пространственная метрика / К. П. Глазков // Социология власти. – 2013. – № 3. – С. 39–56.

⁵ Вандышев М. Н. Места памяти и символический капитал территорий в ментальных картах горожан / М. Н. Вандышев, Н. В. Веселкова, Е. В. Прямыкина // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – № 3 (83). – С. 101–121.

символического пространства территории, ее уникальности сквозь восприятие реципиента и его культурные практики. «Ментальная карта среды определяет также наше действие, является необходимой составной частью при планировании деятельности»¹.

Метод ментальных карт дает возможность перейти от анализа особенностей индивидуальной взаимосвязи символического и территориально-географического пространств к рассмотрению специфики социально-типического, достигаемого сопоставлением разных ракурсов индивидуального видения места. Это позволяет воссоздать многослойное пространство территории путем создания ее многомерных образов. Современные исследования методом ментальных карт ориентированы на ряд направлений, и прежде всего изучение символического капитала территории и символических практик с ней связанных², своего рода мягкого ресурса управления развитием территорий³.

Фиксация символических образов места в ментальных картах реципиентов (в сочетании с комплексом различных опросных, биографических и иных методов) способна показать, как происходит символическая «работа» по освоению, присвоению, преобразованию социокультурных смыслов территории; в какой мере культурная память интегрируется в индивидуальное сознание; какие символические практики превалируют в опыте взаимодействия с «местом»; как эмоционально переживается и воспринимается «атмосфера» места; как протекают события, идентификационные с данной территорией, каков характер и уровень доверия/недоверия реципиентов к ней.

Более того, ментальные карты показывают взаимосвязь между символическими практиками реципиента и конструированием им так называемого «воображаемого сообщества», когда через производство значений места воспроизводится

¹ Дмитриевская Н. Ф. Образ города как социальный феномен / Н. Ф. Дмитриевская. – Санкт-Петербург : ФинЭк, 1999. – 191 с.

² Федотова Н. Г. Культурные практики в контексте формирования символического капитала места / Н. Г. Федотова // Обсерватория культуры. – 2017. – С. 550–557.

³ Вандышев М. Н. Места памяти и символический капитал территорий в ментальных картах горожан / М. Н. Вандышев, Н. В. Веселкова, Е. В. Прямыкова // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2013. – № 3 (83). – С. 101–121.

сообщество, его репрезентирующее. Конструирование «воображаемого сообщества», по мнению Б. Андерсена, это «способ связывать воедино в целостном восприятии пространство, время и человеческую солидарность. Особенность этого соединения и заключается в том, что оно не осуществимо без воображения, опосредующего и обосновывающего коллективную связь...»¹.

Если по характеристикам Б. Андерсена географическая карта, музей, перепись населения в их взаимосвязи – это исторически и латентно актуализированный способ структурировать восприятие и мышление людей, то ментальная карта как исследовательский метод – один из способов выявить результаты этого структурирования: символически значимые объекты места, их связь с национальным сознанием, историческим и культурным опытом сообщества, его символическими практиками, репрезентациями коллективности, единства ценностей, целей, общности судьбы. Для решения задач нашего исследования применяемая комбинированная методика предполагала включение метода ментальных карт в фокус-групповое интервью. Групповое обсуждение определяло смысловой контекст проблемы, метод ментальных карт – сочетание визуального и символического.

3.2. Визуализация символического пространства Гюмри, Тимишоары и Екатеринбурга

Гюмри. Анализ ментальных карт и их интерпретаций респондентами показал, что особенность восприятия города молодежью Гюмри заключается в особой значимости Дома как главного объекта и главной ценности. Собственно, одна из типичных моделей репрезентации видения значимых объектов города – это Дом как место умиротворения, покоя, защищенности. При этом Дом может выступать в разных ипостасях, совмещая свое предназначение с характеристиками других значимых объектов, например сообществом университетских друзей респондента,

¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышления об истоках и распространении национализма / Б. Андерсон. – Москва : КанонПресс, 2001. – 286 с.

когда именно Дом становится местом притяжения, в котором происходит общение друзей. На рис. 6 город ограничен Домом, представляющим собой своего рода центр жизненного мира человека. Однако он воплощает еще и место единения сообщества университетских друзей. Как особое место интимности он притягивает ближайший круг единомышленников, обсуждающих важные для них проблемы за закрытыми дверями. Круги общения «дом – университет» совмещены в одном объекте.

«Я считаю, что студент – это сердце нашего города, и тут (дома – прим. исследователя) мы занимаемся очень хорошим делом, обсуждаем разные идеи за закрытыми дверями и потом пытаемся их реализовывать. Наш ректор всегда поощряет это. Думаю, скоро у нас все получится»

(1 курс, жен.).

Рис. 6. Город как «Дом»

Еще одно описание жизненного мира респондента – это ассоциация Гюмри с тремя объектами:

- 1) университет, где реципиент учится, общается с друзьями;
- 2) Церковь Святой Богородицы «Семь ран» (главный храм Гюмри);
- 3) Бабушкин сад (место отдыха, общения с природой), своего рода аналог дома.

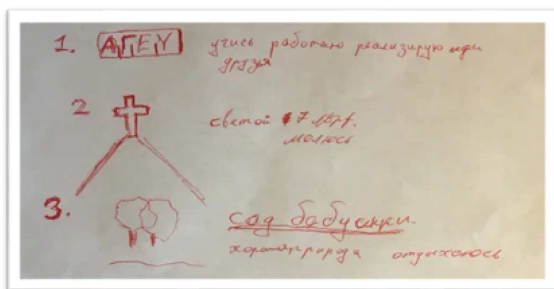

Рис. 7. Город как три базовых объекта «университет – церковь – дом»

*«Первое – это наш университет. Я здесь и учусь, и работаю (занимается организацией волонтерской деятельности в вузе – прим. исследователя) и реализую свои идеи. Здесь мои друзья. Большую часть моего времени я провожу здесь. Еще церковь, где я молюсь, как и большинство людей. И третье – это сад моей бабушки, здесь есть деревья. Я там отдыхаю, я хочу сейчас туда в отпуск»
(2 курс, муж.).*

К этой триаде иногда добавляются и актуальные учреждения культуры – театр, концертный зал, которые респонденты посещают с разной степенью активности.

*«Для меня особенно значима Йот Верк (церковь Святой Богородицы “Семь ран” – главный храм Гюмри – прим. исследователя). Очень люблю наш драматический театр, потому что я там себя чувствую духовно удовлетворенной. Очень люблю наш университет, потому что здесь я встречаюсь со своими друзьями. И очень-очень люблю мой дом, потому что я там всегда чувствую себя спокойно»
(2 курс, жен.).*

В одних случаях ментальная карта имеет узкие границы, поскольку интересы реципиента жестко фиксированы на отдельных сферах, например спорте.

*«Для меня первое место – это дом, а после дома спортзал, в котором я тренируюсь, потому что я спортсменка»
(1 курс, жен.).*

В других – ассоциативный ряд более широк. Это триада представляет собой систему с расширенными границами, тем не менее состоящую из тех же трех типов

элементов, взаимосвязанных между собой: объектов и событий культуры; объектов сферы образования; дома в его различных проявлениях.

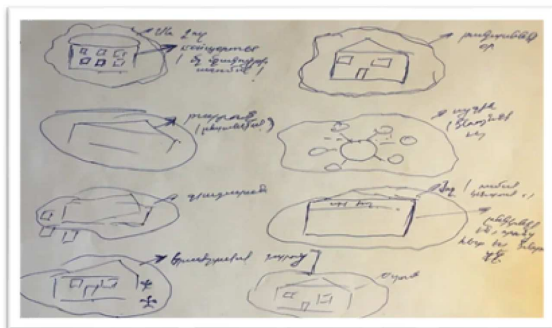

Рис. 8. Город как комплекс трех типов объектов «объекты и события культуры – объекты сферы образования – дом»

Так, у респондентки Гюмри ассоциируется с концертами в концертном зале «Черная крепость», библиотекой, Днем театра, образовательным центром, музыкальной школой, домом, семейным театром. Весь комплекс объектов подчинен системе культурных интересов респондентки, ее увлеченности театром и музыкой. Интересно, что среди элементов ментальной карты города практически не присутствуют отдельно как самостоятельные объекты – носители исторической памяти, объекты культурного наследия. В этом статусе они слабо интегрированы в символическую сферу повседневности. Вместе с тем респондентами осознается и косвенно проговаривается факт включенности исторического места в свою повседневность – здесь проявляются практики «символизма известного». Например, упоминание концертного здания «Черная крепость» (главной исторической и архитектурной ценности Гюмри), областной библиотеки, расположенной в здании XIX века, старинных улиц и зданий, сохраненных старинных дверей, статуи Армении.

*«Для меня – это библиотека. Она у нас областная, находится в историческом центре города. Это здание 19-го века, достаточно приспособленное технически, очень хорошее здание»
(1 курс, жен.).*

*«Мне особо нравятся древние улицы и здания, которые у нас еще сохранились»
(2 курс, муж.).*

«Есть улицы старые, но модернизированные. По ним удобно гулять. Кафе там нет – мы там просто гуляем. Вообще, в городе очень мало мест, где можно посидеть. Это проблема для нас» (1 курс, жен.).

*«У нас очень много старых дверей, которые сейчас в моде. Все приезжают, приходят и там фотографируются»
(2 курс, муж.).*

*«Это парк, статуя Армении, там очень красиво. Там есть вода и лодки, очень красивая природа»
(2 курс, жен.).*

В целом «город для себя» символически конструируется в контексте жизненного мира, при этом повседневные практики «ассоциативного символизма» и «символизма известного» являются доминирующими.

Рассмотрение представлений студентов о «Гюмри сейчас» и «Гюмри в будущем» позволит увидеть смысловую структура города «в пределах актуальной досягаемости», принадлежащий настоящему и «в пределах потенциальной досягаемости», имеющий более сложную временную структуру (табл. 14). Вместе с тем собранные в табл. 14 типичные высказывания показывают, что в данном случае мы имеем дело не с видением «города для себя», а с представлениями о «городе для других», т. е. его имиджевыми характеристиками, созданными СМИ, различными стратегиями продвижения города, укоренившимися в общественном сознании.

Таблица 14

«Гюмри сейчас» и «Гюмри в будущем» в представлениях студентов

«Гюмри сейчас»	«Гюмри в будущем»
«Гюмри – это центр мира. Город искусства и традиций»	«Гюмри будущего – это туристический центр как Париж, Лондон и Рим»
«Гюмри ассоциируется со старинными обычаями, с юмором, с культурой. Это очень древний город»	«Это новые люди, новая архитектура, благоустроенные улицы и красивые здания, которые после землетрясения будут построены, реставрированы, наконец-то станут ценными»
«Это город колоритный, его культура разнообразна, например, у нас есть хорошая кухня»	«Для меня Гюмри будущего – это мы в будущем»

«Гюмри сейчас»	«Гюмри в будущем»
«Город гостеприимный, у нас сохраняются самые старые традиции. Традиции и ценности»	«Гюмри будущего – город технологий, например воздушного транспорта»
«Выдающейся особенностью этого города является его диалект»	«Гюмри будущего будет культурным центром Армении»
«Гюмри дружелюбный город, тут все вежливы друг с другом»	«Город, где много туристов, где мало эмиграции, где люди остаются, где есть нормальная работа, много мест для времяпрепровождения молодежи»
«Это идеальное место для артистов, у нас есть все для этого, у нас особая культура, и, я думаю, артистам здесь может быть очень хорошо»	«Город национальных традиций, где ценят армянскую музыку. Концертный зал для людей других национальностей, кто ценит нашу национальную музыку»

Рассмотрение конструирования «города для других» – это анализ того, как его имиджевые характеристики воспринимаются и интерпретируются молодежью. Анализ ассоциаций, возникающих при упоминании Гюмри сейчас и видении его в будущем, показывает, что сконструированный символический комплекс «Гюмри сейчас» дает представление о городе культуры, искусства, юмора, старинных традиций и ценностей, гостеприимства и дружелюбия. Символический комплекс «Гюмри будущего» гораздо более противоречив. В представлениях молодежи это 1) крупный европейский туристический центр; 2) культурный центр Армении; 3) город футуристических технологий и 4) город новых людей; 5) город с решенными экономическими проблемами и нормальным рынком труда; 6) город как центр сохранения национальных традиций; 7) город развитой досуговой инфраструктуры. Разнонаправленность возможных трендов естественна и связана как вариативностью сценариев будущего, так и с динамикой интересов и потребностей молодежи. Интересен существенный разрыв в символическом конструировании Гюмри как «города для себя» и «города для других». При этом между ними просматриваются тонкие взаимосвязи в ряде высказываний: «Для меня Гюмри будущего – это мы в будущем»; «это благоустроенные улицы и красивые здания, которые после землетрясения будут построены, реставрированы, наконец-то станут ценными».

Тимшиоара. Постараемся охарактеризовать символический и визуальный ракурс города в оценках студенческой молодежи. Полученные в рамках фокус-

группового интервью данные дали интересную информацию о восприятии города реципиентами. Наиболее типичные высказывания выглядят следующим образом (табл. 15).

Таблица 15

«Тимишоара сейчас» в восприятии респондентов

«Тимишоара – мой дом, это место, где я живу, где я дышу, чувствую себя дома»
«Тимишоара – город цветов», «это весна, потому что в парках появляются цветы и в теплое время проводится много городских мероприятий на воздухе»
«Тимишоара – открытая культура, люди открыты другим людям, для этого им необязательно знать друг друга лично»
«Тимишоара – это сочетание традиций и прогресса»
«Это мультикультурный город»
«Это город интересного досуга. Есть мероприятия как для студентов, так и для молодежи более серьезной, взрослой»
«Место, где у меня много друзей»
«Тимишоара – город, где вообще можно одновременно построить отличную карьеру и личную жизнь»
«Это место, где я постоянно развиваюсь»

В целом Тимишоара ассоциируется с домом и дружеским кругом, дружелюбной атмосферой открытости, хорошо организованным пространством досуга, релаксации, общения, дружелюбием и доверием к другим, развитой и комфортной инфраструктурой досуга и культуры, сочетанием традиций и инноваций.

В интерпретациях данных интересным оказалось, что ассоциации, которые возникают у студентов по поводу «Тимишоары сейчас», практически воспроизводят символическое пространство «города для себя». Тогда как размышления студентов о «Тимишоаре в будущем» уже связываются с маркетинговыми стратегиями продвижения ее как «города для других». «У нас прекрасная история, культура, но мы не знаем, как сделать это привлекательным для туристов». «У нас есть интересная архитектура, но мы не замечаем ее, потому что видим ежедневно. Но если ты поедешь в Вену, будешь видеть в ней Тимишоару. Вот почему мы часто говорим «маленькая Вена», особенно сейчас, после того как отремонтировали все здания. Тимишоара будет очень привлекательна».

Визуальная презентация объектов города в ментальных картах студентов связана прежде всего с кругом их общения, интересами, эмоционально окрашенными значимыми моментами жизни в городе.

Рис. 9. Город как комплекс объектов общения

*«...на карте места, которые соединяют меня с Тимишоарой. Первое место заняла Aleea Studentilor, потому что это было одно из первых мест, где я завела своих первых друзей в Тимишоаре. Еще центр Тимишоары, где я чаще всего гуляю с друзьями. В центре Тимишоары – музыкальный фестиваль, состоящий из уличных певцов»
(2 курс, жен.).*

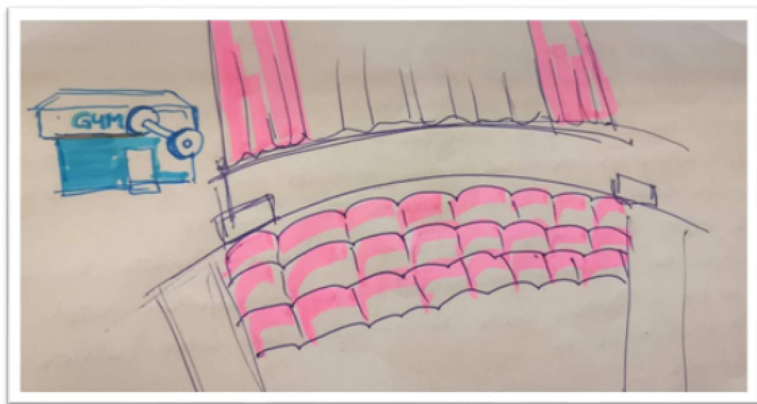

Рис. 10. Город как комплекс объектов «интересов»

*«Я изобразил те здания в Тимишоаре, которые имеют для меня значение и которым я приписываю вклад в получение чувства личной наполненности. В-первых, тренажерный зал. Это моя точка отсчета для получения сил, ясности ума, покоя. В Тимишоаре большое разнообразие мест, где можно заниматься спортом, она предлагает мне все, что нужно сегодня. Во-вторых, представлена сцена Банатулской филармонии, здание со значительной историей и значением для Тимишоары и для людей. Оно привлекает концертами, комедийными шоу и кинофестивалями»
(2 курс, муж.).*

Последний представленный пример демонстрирует фиксацию на эмоционально окрашенных значимых моментах жизни в городе. Ментальная карта трансформируется в рисунок, что практически означает уже другой метод сбора и анализа данных.

Рис. 11. Город как места, связанные с особо значимыми моментами жизни

*«Однажды ноябрьским вечером я гулял на Юнион-сквере. В это время еще бывает такой легкий туман в городе. И этот рассеянный желтый свет. Эта картинка осталась у меня в голове, она дает мне чувство покоя. Это очень личное, тихое место для меня»
(1 курс, жен.).*

*«В этом здании проводятся органные концерты. Люди приходят в церковь слушать музыку, а не только для строгих молитв. Обычно в декабре бывает рождественский концерт. К сожалению, он длится всего час, но это божественно»
(2 курс, муж.).*

Интересно, что в качестве элементов ментальных карт города присутствуют исторические здания и учреждения культуры, они включены в жизнь студентов, интегрированы в символическую сферу их повседневности. Это исторический центр города, отдельные архитектурные объекты, актуализированные в культурной и досуговой деятельности и формирующие ощущение города. В комментариях прослеживаются все те же практики «символизма известного», обеспечивающие включенность этих объектов в жизненный мир на правах символических феноменов, обуславливающих целостность восприятия и проживания города. В целом образ города рисуется как доброжелательная и комфортная среда для жизни и саморазвития молодежи.

*«Тимишоара очень милая и нежная, именно "открытая культура". Помимо местных жителей есть еще очень много других людей, с которыми мы научились мирно сосуществовать»
(1 курс, жен.).*

*«Когда приехал в Тимишоару после окончания средней школы, был очень замкнутый интроверт. Именно Тимишоара помогла мне раскрыть себя и завести очень много друзей»
(2 курс, муж.).*

*«...много возможностей для общения. Мы с друзьями очень часто наслаждаемся вечерними походами в некоторые культурные места»
(1 курс, жен.).*

В целом символизм привычного городского существования характерен для конструирования символического пространства обоих городов. Так, Гюмри не представлен экстенсивно в восприятии и культурных практиках реципиентов. Доминантным здесь является индивидуальный символ – образ Дома, выступающего в разных ипостасях: места общения, умиротворения, покоя, безопасности, увлечений, культурных интересов, досуга, игры. Историко-культурные объекты, объекты культурного наследия города неявно, лишь косвенным образом «работают» на организацию символического пространства города и разных форм деятельности молодежи: образовательной, культурной, научной, досуговой. Город пассивно включен в образовательные и культурные

практики студентов и по оценкам молодежи мало приспособлен для содержательного досуга.

Образ Тимишоары скорее противоположен. В восприятии молодежи он дружелюбен, открыт, динамичен, привлекателен для образовательной, профессиональной, досуговой деятельности и общения. Групповые символы, связанные с дружеским общением, коммуникативными практиками в городской среде, преобладают. Социокультурные объекты города косвенно присутствуют и, как правило, лейтмотивно включены в процесс формирования культуры восприятия города. Конструирование городского символического пространства в повседневных практиках молодежи имеет деятельностную природу, связанную с коммуникацией в городской среде, ориентированной на потребности молодежи.

Екатеринбург. Проанализируем ментальные карты Екатеринбургa, созданные студенческой молодежью. Образ Екатеринбургa описан студентами в рамках фокус-группового интервью с использованием ассоциативного метода, информантами выделены важные места в городе для их самореализации и проявления разных форм активности. Образ города, представленный информантами, проанализирован с опорой на три компонента: опознаваемость, структуру и значение (К. Линч). Опознаваемость образа проявляется в запечатленных в сознании сильных образах главных достопримечательностей, например таких, как бизнес-центр Высоцкий, стадион Арена и др. Екатеринбург, следуя терминологии К. Линча¹, можно назвать легкоображаемым городом, что характеризует городскую среду как целостную систему, состоящую из взаимосвязанных частей.

Екатеринбург вызывает неоднозначные ассоциации, с одной стороны, он оценивается как привлекательный для молодежи, а с другой – как город, который уступает Москве и Санкт-Петербургу и больше интересен молодежи Свердловской и соседних областей (табл. 16).

¹ Линч К. Образ города / Пер. с англ. В. Л. Глазычев; сост. А. В. Иконников; под ред. А. В. Иконникова. – Москва : Стройиздат, 1982.

«Екатеринбург сейчас» в восприятии респондентов

«Екатеринбург – это город государство! ...город протест...город возможностей...город жизни ... город контрастов»
«Екатеринбург – это мой родной дом. Город, в котором я живу и чувствую себя комфортно»
«Екатеринбург действительно привлекателен для молодежи»
«Екатеринбург стоит на границе Европы и Азии и аккумулирует в себе людей»
«Екатеринбург – это родина многих рок-групп, современных исполнителей, музыкантов, певцов»
«Екатеринбург теряет свою актуальность...город не новый, так скажем, и преобладает среднее население, среднего возраста, поэтому для молодежи нет сферы для саморазвития»

Можно выделить два информационных слоя в восприятии города, которые накладываются друг на друга в каждой карте. Первый – архетипический образ города: на картах мы видим объекты, которые могут быть использованы в описании любого города (дом, театр, музей). Второй слой – уникальный, собственно Екатеринбург, мы можем различить узнаваемые силуэты городских достопримечательностей (стадион, бизнес-центр Высоцкий, здание Администрации города) и соответствующие надписи на рисунках (ЭКСПО, УрФУ).

В композиционном центре «обобщенной» размещается дом. Его изображают условно в виде одноэтажного дома со скатной крышей либо более реалистично в виде многоэтажного жилого дома. Дом традиционно присутствует на рисунках информантов и занимает доминирующее положение на листе как микрокосмос человеческого пребывания. Это и точка отправления, и одно из главных мест самореализации.

Следующий важный элемент – это школа. Она может быть обозначена условно «школа» или иметь название «Специализированный учебно-научный центр», «Гимназия № 2». В отличие от университета, образ школы встречается практически на всех картах, она остается более значимым элементом самореализации информантов.

На картах информантов присутствует надпись «Центр», угадываются силуэты зданий, размещенных в центральной части города. Это свидетельствует о том, что именно эта часть города находится в фокусе внимания молодежи. Именно здесь важно то, что город может дать информанту. Важными частями города для студентов являются учреждения культуры. Изображение на карте аэропорта символизирует возможность территориального транзита, отражает динамику жизни молодежи.

Объекты культурно-исторического наследия также явно присутствуют на картах в двух формах, с одной стороны, как превалирующий тип застройки на упомянутых локациях (к примеру Плотинка, Центр) или в виде отдельных зданий (здание Администрации, входная группа стадиона Арена, музеи, Театр оперы и балета). Оценивая количество упомянутых на картах современных объектов (Высоцкий, ЭКСПО, Кольцово), наблюдается перевес в пользу объектов культурно-исторического наследия.

Стоит отметить и ограниченный набор упомянутых на картах элементов, их количество колеблется от 4 до 11. Несмотря на все многообразие представленной в Екатеринбурге застройки, большое количество объектов культурного наследия, современных зданий, актуализированным является лишь небольшой набор наиболее значимых городских объектов.

Согласно классификации типологии городских элементов Линча, все перечисленные элементы являются узлами или ориентирами. К узлам относится центр города, а ориентиры – это хорошо узнаваемые места, такие как стадион, небоскреб Высоцкий, здания школ, университета и др. (рис. 12, 13).

Рис. 12. Обобщенная ментальная карта Екатеринбурга (составленная информантами по критерию «наиболее значимые места самореализации в городе»)

На ментальных картах, созданных по заданию «Изобразите карту активности в городе», мы можем наблюдать большой разброс объектов. Единственным общим звеном у большинства карт является связь со школой, которая по результатам исследования является основным источником информации о городских социокультурных объектах и мероприятиях для молодежи. Упоминаются городские мероприятия, которые имеют активную информационную поддержку, к примеру Ночь музеев и Уральская ночь музыки, привязанные к определенным городским площадкам. Также встречаются упоминания видов деятельности, которые могут быть реализованы в любой точке города, к примеру благотворительные акции, различные формы волонтерской активности. Есть среди ответов и те, что напрямую связаны с определенными городскими локациями – парк им. Павлика Морозова и литературный квартал.

Ментальные карты, составленные по второму вопросу, отличаются больше раздробленностью, лишь на одной из карт мы видим взаимосвязи между объектами, что может быть связано со спецификой самой активности, которая выполняется в различных местах и не имеет никаких пересечений между собой. В

то время как первая карта информантов отчасти воспроизводит структуру городской среды.

Рис. 13. Обобщенная ментальная карта Екатерининбурга (составленная информантами по критерию «наиболее значимые места социокультурной активности в городе»)

Ментальные карты как инструмент изучения представлений о пространстве выдвигают на первый план образы, которые, безусловно, обладают физическими референтами с конкретными объектами и локациями, но тем не менее к ним не сводятся¹. В данном исследовании была интересна субъективная сторона восприятия городского пространства жителями. Полученные результаты дополняют общую картину исследования и отвечают опубликованным ранее данным Н. В. Веселковой: «молодые люди изображают то, что в большей степени актуализировано в их жизненном мире, и то, что они считают знаковым для самого города»². На картах наших информантов, как правило, присутствуют их дом, школа, вуз и места проведения досуга.

¹ Глазков К. П. Ментальные карты: способы анализа, погрешность и пространственная метрика / К. П. Глазков // Социология власти. – 2013. – № 3. – С. 39–56.

² Веселкова Н. В. Ментальные карты города: вопросы методологии и практика использования // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология: 4М). – 2010. – №. 31. – С. 2–29.

Дополним анализ ментальных карт Екатеринбурга методом виртуального моделирования, который позволяет значительно улучшить визуализацию полученных данных и помимо количественной оценки акцентировать внимание на качественных характеристиках. В исследовании с помощью виртуального моделирования были определены места пребывания молодежи в городах, которые имеют схожие черты.

Для отражения полученных данных помимо стандартных методов использовалась программа Autodesk InfraWorks, позволяющая работать с виртуальными моделями городов и территорий, в ней выстроены локации в соответствии с масштабом зданий и особенностями рельефа, а также созданы виртуальные модели дорог, улиц, территорий. Наглядность и высокое качество визуализации Autodesk InfraWorks способствуют быстрому анализу вариантов и принятию управленческих решений ¹. Созданные в программе виртуальные модели городов и территорий используются для отражения данных, проверки теорий, предпроектного анализа, добавления или удаления объектов из городской структуры, разработки планов трассы, оценки инфраструктуры, проектирования объектов железнодорожного транспорта и других задач.

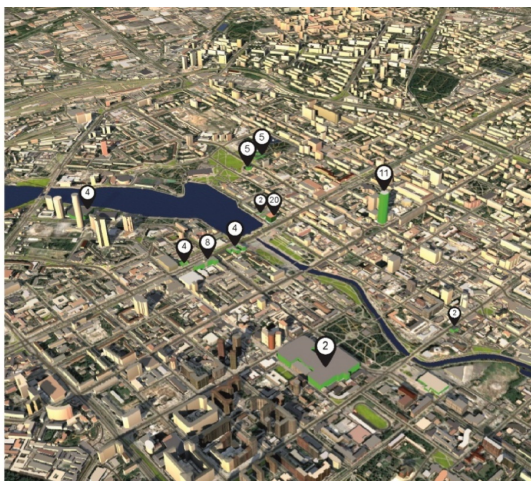
В рамках проводимого исследования виртуальная модель позволила погрузиться в социокультурный контекст и оценить особенности организации городского пространства, составить представление о значимости каждой локации. При работе с данными о городе виртуальные модели обогащают арсенал исследователя, позволяя оценить пространство и получить пользовательский опыт удаленно. В отличие от карт, которые удобны для охвата всей территории целиком, виртуальная модель гораздо ближе к отражению реальной ситуации и точнее передает городскую специфику, позволяет оценить инфраструктуру города в целом и его отдельных районов.

¹ Мезенцева, М. А. BIM-решения Autodesk для объектов инфраструктуры / М. А. Мезенцева, С. Ю. Ходов // Образование, наука, производство, Белгород, 20–22 октября 2015 года / Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова. – Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2015. – С. 1072-1076. – EDN VNPECT.

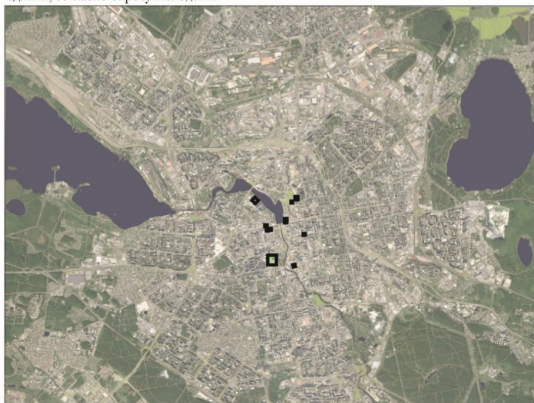
Собранные в результате опроса молодежи данные касались города, его достопримечательностей, архитектуры и объектов культурного наследия. Переноса эти данные на виртуальные модели городов в программе Autodesk Infraworks, мы смогли увидеть город глазами молодежи, высветить те объекты, которые находится в фокусе внимания (рис. 14).

Какое историческое здание в Вашем городе Вы считаете самым красивым, заслуживающим особого внимания?

Дом Н.И. Севастьянова.....	20
Высоцкий.....	11
Администрация госдума).....	8
Храм на Крови.....	5
Усадьба Расторгуевых-Харитоновых.....	5
Ельцин-центр.....	4
Колледж имени ИИ.Ползунова.....	4
Площадь 1905 года.....	4
Гринвич.....	2
Усадьба Рязановых.....	2
Усадьба Тарасова.....	2
Цирк.....	2

Виртуальная модель города Екатеринбург с указанием красивых зданий, согласно опросу молодежи

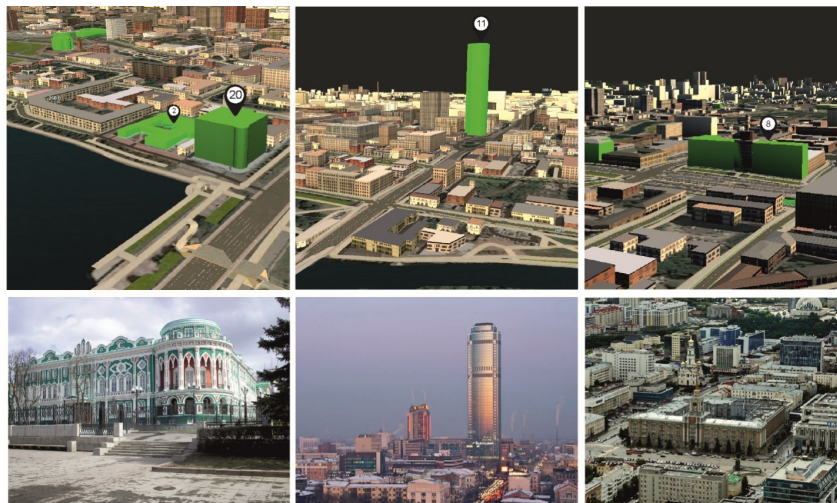

Карта города Екатеринбург с указанием красивых зданий, согласно опросу

Рис. 14. Город Екатеринбург в программе Autodesk Infraworks с указанием мест, которые молодежью отмечены как самые красивые

На рис. 14 приведены данные опроса и их визуальное отражение на карте города и на его виртуальной модели. Городская карта позволяет понять расположение объектов относительно центральной части и периферии, но не дает ответа на вопрос: почему именно эти объекты попали в поле зрения. Переходя от масштаба карты к виртуальной модели, мы можем увидеть город объемно, составить полное представление о его архитектурно-градостроительной структуре, высотности, основных доминантах и проследить взаимосвязи между выбранными местами.

На примере Екатеринбурга такими местами являются Дом им. Севастьянова, небоскреб Высоцкий, здание Администрации, Храм на Крови. (рис. 15).

Дом Севастьянова:
виртуальная модель и фото

Высоцкий:
виртуальная модель и фото

Администрация:
виртуальная модель и фото

Рис. 15. Виртуальные модели и фотографии выбранных пространств

Самые популярные места объединяют схожие черты – центральное расположение и значительное визуальное разнообразие, сформированное в результате постепенного развития города. В каждом рассмотренном в ходе исследования городе на картах можно найти множество открытых пространств, которые по своей организации и размещению имеют все шансы быть

популярными, но опрос доказывает, что молодежь имеет вполне определенные предпочтения, среди которых сочетания уникальной архитектуры, транспортной доступности, разнообразная событийная повестка.

Выбранные молодежью места являются важными городскими архитектурными доминантами и относятся к разным историческим периодам формирования Екатеринбурга, каждое из них является визитной карточкой города. Дом Севастьянова имеет более чем двухсотлетнюю историю, его необычный и запоминающийся фасад в стиле эклектики с элементами необарокко является уникальным как для Урала, так и для России в целом. Здание Администрации было возведено в 1917 году и позже несколько раз реконструировалось, современный облик оно получило в 1954 году, башня со шпилем позволили этому зданию стать доминантой не только площади, но и всей центральной части. Небоскреб Высоцкий имеет самую непродолжительную историю из всех рассматриваемых вариантов, он был возведен в 2011 году, но за счет своей архитектуры, формы и этажности не может не привлекать к себе внимание, на уровне давно существующих городских объектов.

Виртуальное моделирование в междисциплинарных исследованиях позволяет не только выявить важные для горожан территории, изучить их, но и проверить теории, оценить изменения от внедрения тех или иных решений. Как инструмент виртуальное моделирование имеет потенциал, поскольку позволяет проверять идеи и находить взаимосвязи. В отличие от социального картографирования информация анализируется более глубоко и детально.

3.3. Моделирование управления социальным участием молодежи как опыт обобщения лучших практик и социокультурных городских проектов

Формирование социокультурной субъектности молодого поколения обусловлено широким спектром противоречий, связанных с неоднозначностью процесса деятельностного приобщения молодежи к развитию социокультурной

среды города как «среды обитания» – среды профессионального самоопределения, саморазвития, обучения, досуга, повседневной жизни. В этом смысле активные виды социального участия как взаимодействие индивидов, социальных групп и сообществ в рамках некоммерческих организаций, различных ассоциаций, формальных и неформальных объединений становятся одним из действенных механизмов формирования социальной ответственности молодых горожан, как правило, работающих в образовательной среде.

Представим наши исследовательские результаты оценки социокультурных городских проектов в логике моделирования управления социальным участием молодежи в них, ориентируясь на результативность этих проектов для городского развития, эффективность для функционирования организаций-инициаторов и вовлеченных в них молодых граждан. Как было отмечено в первой главе, в общей сложности по заявленным городам были выделены и детально изучены 9 проектов как кейсов, которые чаще всего упоминались экспертами, специалистами и студентами в ходе фокус-групп, групповых и индивидуальных интервью в Екатеринбурге (Свердловской область в России), Гюмри (Ширакская область в Армении) и Тимишоаре (область Банат в Румынии).

Данные проекты объединяет ряд общих характеристик. Во-первых, типологизированные по разным основаниям, они ориентированы на разные целевые группы молодежи и достаточно эффективно функционируют с учетом их интересов. Во-вторых, они прямо или косвенно связаны с культурно-историческим бэкграундом городских территорий. В-третьих, они не исключают межпоколенное взаимодействие. В-четвертых, они учитывают тем или иным образом социально-демографические и социокультурные характеристики молодого поколения, ориентацию молодежи на проявление индивидуальности при потребности в групповом взаимодействии с ближайшим окружением. Данные проекты, как правило, дают возможности молодым людям и девушкам быть вовлеченными в разной степени, без интенсивных трудозатрат, позволяют проявить творческую активность и креативность. Их особенностью является ориентация на социальный эффект и видимый конкретный результат, прослеживается и определенный вклад в

информационное продвижение территории. Остановимся на некоторых проектах более детально.

В Тимишоаре, как и в Екатеринбурге (и других городах Свердловской области), активно развиваются проекты по цифровизации культурно-исторических объектов и городского пространства в целом (виртуальные экскурсии по городу, VR туры, визуализация достопримечательностей и т. п.). Данные проекты интересны молодежи, так как они позволяют молодым горожанам развивать собственные навыки и компетенции, узнавать что-то новое, знакомясь с городской средой, достопримечательностями, культурно-историческими объектами. Кроме того, такие проекты получают внешнюю ресурсную поддержку, они востребованы в современном постиндустриальном обществе.

К перспективным городским программам и проектам некоммерческого сектора Тимишоары можно отнести европейский проект «Театр-форум», который успешно реализуется на территории города благодаря активности устойчивой некоммерческой организации «Межкультурный институт Тимишоары» в партнерстве с европейскими коллегами. Перспективность данного проекта в его технологичности – реализуемой в игровой форме социально-психологической работе с молодыми горожанами, позволяющей переводить статус пассивного участника в активного актора, решающего различные социальные проблемы. Технология позволяет успешно работать с молодежью в отношении осмысления молодыми людьми и девушками важности активных действий в различных социальных контекстах повседневного взаимодействия. Форум-театр – это интерактивный театральный метод, который приглашает публику развивать и выражать свои собственные идеи для разрешения конфликтов, представленных в различных театральных постановках.

Специфика данного проекта как перспективной технологии вовлечения молодежи в социокультурную городскую повестку развития территории заключается в том, что он устраняет барьеры между актерами и зрителями в актуальной проблемной ситуации, таким образом происходит превращение пассивной аудитории в действующую общественность – социальных акторов.

Молодые горожане становятся активными участниками, которые могут озвучивать свои идеи, способные влиять на социальные преобразования, развивать конструктивный диалог в ситуации противоречий, совместно искать решения возникающих проблем. Этот проект был реализован Межкультурным институтом Тимишоары в партнерстве со средними образовательными учреждениями округа Тимиш, а также молодежной креативной ассоциацией Plai (Культурный центр Амбасада). Он финансировался муниципалитетом Тимишоары, Местным советом Тимишоары.

Еще один перспективный проект в Тимишоаре «Прожектор культурного наследия Тимишоары»¹. Он получил развитие благодаря финансовой, научно-методологической поддержке ЕС. Проект является цифровой культурной инициативой Политехнического университета Тимишоары. Вуз через свое подразделение – Центр мультимедийных технологий в партнерстве с Национальным музеем Баната и Тимишоара в рамках события «Тимишоара – культурная столица Европы 2021–2023» – стал важной частью программы Европейского центра культуры. Данный полномасштабный проект, в который вовлечены студенты и специалисты IT-сектора, культурологи, историки, художники, дизайнеры финансово поддерживался Мэрией Тимишоары, Советом округа Тимиш, Федеральным министерством культуры и национальной идентичности Румынии. Перспективность данного проекта заключается в активном вовлечении студентов университета в городской проект, который позволяет им развивать свои профессиональные компетенции, при этом внося вклад в продвижение своего города и сохранение его культурно-исторического наследия.

Уникальность данного проекта заключается в создании легкодоступного для туристов, а также разных целевых групп горожан медиаконтента о городской истории и культуре, который позволяет в дальнейшем не только повышать туристическую привлекательность города, но и реализовывать вариативные

¹ Spotlight Heritage Timisoara. – URL: <https://spotlight-timisoara.eu/> (дата обращения: 20.12.2022).

проекты по формированию городской идентичности молодежи через различные локальные социальные акции и проекты. В рамках проекта разработан сайт, контент которого постоянно пополняется, в том числе с участием студентов выпускного курса бакалавриата и магистратуры направления «Мультимедийные технологии». Совместно с бизнесом разработано мобильное приложение. Сотрудники и студенты факультета архитектура политехнического университета совместно с сотрудниками Национального музея Баната готовят тексты об избранных городских достопримечательностях и их изображения. Разработаны концепции и были проведены городские выставки, раскрывающие культурно-исторические особенности разных районов Тимишоары «Район Иосефин и Валерия доктор Пинтеа – роман на выставке», «Район Элизабетин и Нетти Доктор Диль – Мир в сундуке», «Район тканей – Миры в судьбах». Контент формируется благодаря активности культурных антропологов, которые собирают личные истории жителей, исследователи перерабатывают тексты из рукописи «Семейного дневника» профессора доктора Пиа Бринцеу, отобранные Мариусом Корнеа. Тщательно подбираются фотографии, документы, предметы из коллекции профессора Пиа Бранзеу и коллекции Национального музея Баната, перерабатывают отрывки из литературных произведений, например из романа Валерия доктора Пинтеа. Весь контент переводится с участием сотрудников и студентов университета на английский язык.

Студенты активно вовлекаются как волонтеры для работы с различными социальными группами горожан, пожилыми людьми, школьниками. Например, студенты-добровольцы из Shakespeare Impact Club были гидами, как на велосипедах, так и пешком, для жителей Тимишоары. Благодаря студенческим инициативам и созданному в рамках данного проекта контенту активизируется работа по формированию городской локальной идентичности в городских школах Тимишоары.

В Гюмри в качестве лучшей практики по работе с молодежью был выделен проект муниципального центра «Городской дом молодежи» и «Школа гидов». Данный проект, как и описанные выше проекты, является уникальным вне

национального и культурно-исторического контекста сравниваемых городских пространств. Подобная технология реализуется не только в Гюмри, но и во многих видах социального участия молодежи в социокультурном развитии городов и во многом обусловлена его потенциалом для самореализации других городах, становясь основой городских программ и проектов, которые реализуются некоммерческим сектором. Перспективность данного проекта заключается в участии в нем молодых людей и девушек, которые могут, с одной стороны, развивать узкие профессиональные компетенции переводчиков, ведущих, фотографов, с другой – расширять свои знания городской истории и культуры вне своих узких личных интересов. Кроме того, участие в данном проекте достаточно привлекательно для разных групп молодежи ввиду повышенной заинтересованности последних в том, что вызывает интерес различных «внешних аудитории» людей – туристов, гостей города, просто публичных людей.

Проект был инициирован муниципальным социальным центром после того, как была принята программа развития Гюмри на 2017–2021 годы, где взят курс на развитие туризма¹. Этот проект о культуре и истории города появился стихийно, реализуется без экспертного сопровождения и привлечения историков, культурологов. Инициатива не вызвала интерес со стороны университетов города, и только в последние годы нашла профессиональную поддержку городских музеев ввиду ограниченности профессиональных кадров в последних. Информация для проведения самостоятельных городских экскурсий собиралась стихийно с разных ресурсов сети интернет. В частном порядке организацией для этого привлекались студенты профильных специальностей. Проект вовлекал городскую молодежь, которая не могла себя реализовать ввиду финансовой ограниченности их семей и невозможности для дополнительной занятости подростков в институциональных структурах сферы образования, культуры (музыкальные, художественные школы, курсы). Постоянные волонтеры организации, вовлеченные в данный проект, прошли профессиональное обучение, закончили профессиональные курсы гидов.

¹ Голос Армении. – URL: <https://www.golosarmenii.am/article/53805/sharm-starinnogo-gyumri-proizvodnyet-turizma> (дата обращения: 20.12.2022).

Еще один перспективный проект Гюмри, выделенный экспертами и местным населением – широкомасштабная благотворительная инициатива городского фонда «Гюмри без времянок». Уникальность и перспективность данного проекта заключается в возможностях широкой мобилизации даже безучастных горожан для решения актуальных городских проблем. Не требующая серьезных временных и материальных вложений активность позволяет большому числу людей стать сопричастными к тому, что может идентифицироваться как серьезная городская проблема и в эмоциональном плане почувствовать себя частью единого сообщества.

Данная акция была посвящена мобилизации горожан для решения проблемы обеспечения жильем семей, оставшихся без крова после землетрясения. В рамках этой городской инициативы одна из картин заслуженного деятеля культуры Армении Сусанны Мкртчян из ее серии «Мой дом, моя душа, Гюмри» была разделена на 15000 пазлов. Каждая деталь была продана за 1000 драмов. Первые 9 фрагментов и последний пазл купил премьер-министр Армении Никол Пашинян. Вся собранная горожанами картина была размещена на центральной городской площади на одной из стен Мэрии города. Волонтеры фонда на площади Вардананц ждали участников. Возможность купить части пазла была запущена на сайте фонда и в социальной сети Фейсбук на специально созданной для проекта странице. В результате акции горожанам удалось собрать 15 млн 46 тыс. драмов. В эту городскую акцию в общем было вовлечено более 8500 человек. В ней участвовали представители разных организаций, студенты самоорганизовывались и приобретали части пазла студенческими группами.

В Екатеринбурге достаточно много потенциально сильных и перспективных проектов, в которых молодежь активно вовлекается в городские культурные и социальные проекты. В качестве одной из лучших практик можно выделить «Дом Маклецкого» – совместный проект музея истории Екатеринбурга и Фонда городских инициатив¹. Данный проект реализуется при поддержке управления

¹ Дом Маклецкого. – URL: <http://dom-makletskogo.ru/> (дата обращения: 20.12.2022).

культуры Администрации муниципального образования «город Екатеринбург». Данный проект нацелен на создание среды для формирования осознанного сообщества, которое готово менять мир вокруг себя. Уникальность и перспективность данного проекта для социокультурного развития городов заключается в его вариативности и ситуативной адаптируемости к изменениям событийной повестке, что обеспечивает включение в различные виды креативной, образовательной, предпринимательской, досуговой активности разных молодежных групп, сообществ, отдельных молодых людей и девушек с различными интересами. Задачи проекта позволяют городской молодежи принимать участие в исследовании города, мероприятиях, которые позволяют улучшать общественные пространства, общаться с другими горожанами; продвигать бренд города. Большинство мероприятий, проводимых в «Доме Маклецкого» бесплатны, а волонтеры являются основной движущей силой данной площадки.

Уникальный культурный проект, реализуемый в Екатеринбурге – это Уральская ночь музыки, который перешел в формат ежегодно проводимого фестиваля¹. В мероприятии задействовано огромное количество музыкантов, партнеров, волонтеров и площадок, на которых одновременно в этот день можно было послушать музыку в разных частях города. Главным организатором данного фестиваля является автономная некоммерческая организация «Ассоциация музыкантов Урала», реализующая еще один сопутствующий проект «Команда волонтеров Уральской ночи музыки – Ural Music Volunteer Crew», который направлен на подготовку волонтеров в сфере культурного и музыкального event-менеджмента. На время проекта волонтеры погружаются в специфику работы музыкальных фестивалей, посещают лекции, мастер-классы, семинары, квесты, которые проходят на различных площадках Екатеринбурга. Проект «Ural Music Volunteer Crew» достаточно широко освещается в СМИ и социальных сетях и даже имеет свой собственный сайт². Он ориентирован на студентов высших учебных

¹ Уральская ночь музыки. – URL: <https://uralmusicnight.ru/> (дата обращения: 20.12.2022).

² Ural Music Volunteer Crew. – URL: <http://umvcrew.ru/> (дата обращения: 20.12.2022).

заведений и колледжей Свердловской области, молодых специалистов, старших школьников, предполагает работу более чем с 500 волонтерами, при этом вовлекает не менее 100 человек волонтеров-новичков проекта. Качественным результатом проекта является развитие волонтерского и добровольческого движений в сфере культуры; развитие профессиональных и творческих компетенций у волонтеров проекта; создание и развитие площадки для самореализации, коммуникаций и взаимодействия разного уровня волонтеров, а также предполагает ресурсную поддержку волонтерских проектов. В целом сам проект направлен на популяризацию социального участия и волонтерской деятельности, причем в тех сферах (культурная, музыкальная), которые молодежи наиболее интересны. В основном организаторы используют различные социальные сети для привлечения молодежи. На сайте проекта предусмотрена онлайн подача заявки на участие в проекте в качестве волонтера, организация формирует базу потенциальных волонтеров.

Перспективность данного проекта определяется тем, что разные молодежные группы заинтересованы в участии и включении в этот проект. Число молодых участников-волонтеров с каждым годом существенно расширяется. Организаторы учитывают мотивацию молодых людей и девушек, целенаправленно работают с ней. В рамках подпроекта «Волонтеры Ночи музыки» / Ural Music Volunteer Crew молодые волонтеры могут справиться с любыми сложными управленческими и организационными задачами. Данный проект поддержан Министерством образования и молодежной политики Свердловской области, а также Фондом президентских грантов.

При обобщении всех выделенных нами проектов на первом этапе аналитики были определены по темпоральным характеристикам практик социального участия укрупненные виды именно активного участия студенчества – «долгосрочное», «эпизодическое» или «разовое» как категории, имеющие концептуальную значимость. Далее была реализована процедура вторичного кодирования и проведено сравнение. В транскриптах выделялись отдельные фрагменты данных, которые кодировались и были объединены в следующие несколько групп:

«осознанность социального участия» и «степень самостоятельности выбора активности», «характеристика мотивации вовлеченных молодых людей и девушек», «социальные эффекты для субъектов участия», «социальные эффекты для субъектов управления молодежным участием», «долгосрочность отношений в субъект-субъектом взаимодействии», «важные организационные условия для субъектов участия».

Благодаря качественному анализу информационных материалов кейсов были выделены три типа успешных социокультурных проектов, в которых доминирует «серьезное долгосрочное или проектное хорошо осознанное, индивидуальное социальное участие», «эпизодическое социальное участие с определенным уровнем осознанности и чаще индивидуальным выбором данной активности», «массовое разовое социальное участие, чаще носящее коллективный характер и характеризующееся низким уровнем осознанности сути этой активности». Их основные характеристики отражены в табл. 17.

Таблица 17

Характеристики разных типов социокультурных проектов с доминирующим видом молодежного участия для моделирования управления социальным участием молодежи на организационном уровне

Характеристики	Первый тип проекта	Второй тип проекта	Третий тип проекта
1	2	3	4
Доминирующий вид участия	Серьезное долгосрочное или проектное участие.	Участие эпизодическое, но осознанное.	Массовое разовое участие.
Осознанность участия субъектом участия	Высокая/ полная самостоятельность выбора / предполагает активность.	Средняя/ полная самостоятельность выбора/ предполагает активность.	Низкая/ допускается принуждение к участию/ чаще участие в роли зрителя, благополучателя.

1	2	3	4
Мотивация молодежи	Карьерная ориентированность, прагматические интересы, желание чему-то научиться, присоединиться к успешным инициативам, стать частью серьезного проекта, наработать опыт, репутацию.	Личные предпочтения, интересы, увлечения. Желание организовать досуг.	Любопытство, участие друзей, внешняя одобряемость такого участия.
Социальные эффекты для субъектов участия	Новые знания, умения, опыт.	Удовлетворенность эмоциональная, содержательный, как правило, серьезный досуг.	Факт сопричастности к социальной акции, массовому одобряемому мероприятию.
Социальные эффекты для субъектов организации участия (проектов)	Конкретные услуги, результаты проекта, разработки. Возможности субъектов участия продуцировать новые проекты.	Возможности субъектов участия возвращаться в подобные проекты в будущем.	Массовость участия. Повышение информированности целевых аудиторий.
Долгосрочность отношений	Участие носит регулярную основу либо предполагает вовлеченность субъекта участия в проектной форме на определенное время.	Участие носит разовый либо проектный характер. Не предполагает системной работы, не влечет обязательств к дальнейшему участию в других проектах.	Участие не несет за собой никаких обязательств со стороны субъекта участия.
Организационные условия	Участие как активность должно соотноситься с обучением, иметь отношение к настоящему или будущему направлению занятости. Образовательная среда создает условия для реализации этих проектов в партнерстве с другими стейкхолдерами.	В проекте важно хорошо технологизировать многовариантную, функционально-ролевую деятельность. Формат организации участия – короткие акции и мероприятия как привлекательные развлекательные проекты.	Массовые акции и сетевые крупномасштабные инициативы. Участие сопряжено с простым, минимизированным репертуаром вовлеченности.

Первому типу проектов, где в приоритете «серьезное долгосрочное или проектное социальное участие», хорошо соответствует перспективный проект Тимишоары «Прожектор культурного наследия Тимишоары» (Spotlight Heritage Timisoara). Доминирующему типу активного социального участия студентов в такого рода проектах характерна высокая степень осознанности волонтерской деятельности, индивидуальная стратегия выбора действий. Мотивация активного социального участия, как правило связана с карьерными планами и прагматическими интересами молодых горожан. Они руководствуются желанием чему-то научиться, присоединиться к успешным инициативам, стать частью серьезного проекта, наработать опыт и репутацию для дальнейшего трудоустройства.

В качестве результатов такого социального участия молодежь в таких проектах видит новые знания, умения и практический опыт. Для организаторов участие молодых волонтеров помогает получить конкретные результаты, использовать потенциал молодых людей и девушек для создания ресурсов, продуктов, мероприятий, ориентированных на молодых горожан. Такое социальное участие носит регулярную основу либо предполагает вовлеченность студентов в проектной форме на определенное время. Кроме того, данная активность часто сопрягается с учебными видами занятости (стажировками, практиками, проектным обучением). В качестве необходимых организационных условий для успешности этого типа социальной активности важно, чтобы деятельность субъектов участия соотносилась с обучением, имела прямое или косвенное отношение к настоящему или будущему направлению их профессиональной занятости.

В качестве примера проекта второго типа, где доминирует «эпизодическое социальное участие», можно привести музыкальный фестиваль «Ural Music Night» («Уральская Ночь музыки»), в рамках которого для работы с добровольными помощниками был сформирован и запущен отдельный проект «Команда волонтеров Уральской ночи музыки (Ural Music Volunteer Crew)». Степень осознанности социального участия в такого рода проектах может быть как высокая,

так и средняя при индивидуальной стратегии выбора деятельности. В качестве ведущих мотивов выступают личные предпочтения, творческие увлечения, желание интересно и с пользой организовать свой досуг.

Для молодежи такие проекты эффективны, если они дают эмоциональную, содержательную удовлетворенность, соответствуют серьезному досугу (термин Р. Стеббинса). Для организаторов проекта данного типа эффекты социального участия выражаются не только в успешно реализованных мероприятиях, но и в сохранении молодых людей как волонтеров, «как своих» членов команды. Важным является их желание присоединиться к этому проекту в будущем. При этом в таком типе проектов активное социальное участие – волонтерство – обычно носит ситуативный характер, не предполагает системной работы и не влечет каких-либо обязательств к дальнейшей вовлеченности субъектов участия в другие проекты организаторов. В качестве организационных условий такого типа проектов важны технологизация волонтерского менеджмента, вариативность волонтерских вакансий в соответствии с функционально-ролевым распределением добровольных помощников в проекте, а также развлекательный, творческий характер, краткосрочность акций и мероприятий, в которые вовлекаются волонтеры.

Третий тип проектов, где хорошо представлено «массовое разовое социальное участие», демонстрирует широкомасштабная благотворительная инициатива городского фонда «Гюмри без времянок» городской пазл «Мой дом, моя душа Гюмри». Осознанность социального участия в такого типа проектах вариативна, но чаще всего низкая, выбор может быть индивидуальным и групповым. В некоторых случаях социальное участие допускает вынужденное принуждение (стыдно отказаться, все вовлечены, принимают участие, не мог не присоединиться). В качестве ведущих мотивов такой социальной активности может выступать любопытство, участие друзей, стимулов – внешнее одобрение и поощрение действий, их публичность.

Для молодежи это участие дает чувство сопричастности к социальной акции, массовому одобряемому мероприятию. В качестве социальных эффектов для организации важными видятся массовость социального участия и повышение

информированности целевых аудиторий о социальной проблеме и деятельности конкретной организации. В качестве организационных условий важными оказываются массовая информационная поддержка акций, их сетевой характер, минимизированный репертуар краткосрочных и не очень затратных действий субъектов участия.

Наше исследование показало, что вне зависимости от культурной страновой специфики успешно привлекающие субъектов участия социокультурные городские проекты достаточно вариативны, но типичны. Успешность студенческого участия в них во многом зависит от учета характеристик разных видов этой социальной активности, различных проявлений ролевого поведения: от пассивного (роли наблюдателя) до активного (роли волонтера как помощника-исполнителя или организатора). Важно подчеркнуть, что доминирующие в социальных проектах типы участия не исключают вариативность социального участия студенчества в разных городских проектах. Практически во всех проектах присутствуют разные типы молодежного участия, но при этом обязательно доминирует какой-то один из выявленных, а именно «серьезное долгосрочное или проектное хорошо осознанное, индивидуальное участие», «эпизодическое участие с определенным уровнем его осознанности и чаще индивидуальным выбором данной активности», «массовое разовое участие, чаще носящее коллективный характер и характеризующееся низким уровнем осознанности сути деятельности».

4. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УЧАСТИЯ СТУДЕНЧЕСТВА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ ГОРОДОВ РОССИИ И СТРАНАХ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА

4.1. Опыт социального участия студенчества России и постсоветских стран и социокультурные факторы, оказывающие на него влияние

Результаты проведенных исследований среди студентов разных стран постсоветского пространства (Россия, Армения, Польша, Румыния) показывают, что опыт социального участия студенчества в социокультурном развитии городов имеет как схожие черты, так и отличия. Прежде всего во всех рассматриваемых странах у многих студентов опыт такого участия имеется, причем чаще всего он приобретается в школе и/или вузе через включение в различные социокультурные акции и проекты, которые иницируются учебными заведениями для города (табл. 18).

Таблица 18

Опыт социального участия студентов (в % от опрошенных)

	Страна опроса			
	Россия	Армения	Польша	Румыния
Да, участвовал в различных акциях и проектах, которые инициировали в школе, вузе	29	28	42	31
Да, участвовал по собственной инициативе в различных акциях и проектах за пределами школы, вуза	18	18	29	37
Нет, такого опыта у меня нет	53	54	29	32
Итого	100	100	100	100

В Польше самая высокая доля студентов, имеющих за плечами опыт волонтерской работы (71 %), в различных акциях и проектах приняли участие более двух третьих опрошенных студентов. Там же и самый высокий уровень включенности молодежи в акции и проекты, реализуемые в учебных заведениях: среди имеющих опыт 59 % опрошенных студентов приобрели его именно в школе или вузе. Возможно, это связано с тем, что польская молодежная политика

развивается преимущественно на региональном уровне. Общественные задачи, которые касаются в том числе молодежи, возложены на органы местного самоуправления, действующими на уровне воеводства, повята и активно взаимодействующими с образовательными организациями.

Студенты Румынии отличаются более высоким уровнем собственной инициативы и включения в различные социокультурные проекты вне учебных заведений. Более трети опрошенных студентов (37 %) опыт волонтерства получили не в школе, а участвуя в акциях и проектах различных некоммерческих организаций, работающих с молодежью. В целом опыт волонтерской деятельности имеют 68 % опрошенных студентов.

В России и Армении ситуация схожая: чуть меньше трети респондентов участвовали в проектах от школ и вузов (29 % и 28 %). Как правило, в школе предлагается участие в подготовке и проведении культурно-массовых мероприятий (концертов, праздников и др.), разного рода экологических (субботники, посадка деревьев, сбор макулатуры и т. п.) и социальных акциях (помощь пожилым, сбор пожертвований нуждающимся и прочее). Участие вне учебных заведений минимально: только каждый пятый-шестой был задействован в каких-то других акциях и мероприятиях, проводимых не по месту его учебы. Таким образом включенность некоммерческих организаций в работу с молодежью в России и Армении пока незначительна.

Ориентированность молодежи на включение в различные практики соучастия оценивалась из вопроса «Выберите, в чем Вы скорее всего приняли бы участие» (рис. 16).

Рис. 16. Готовность принять участие в конкретных практиках (в % от опрошенных по странам)

Своей активностью на фоне остальных стран резко выделяется румынская молодежь, где по всем предложенным практикам (кроме пожертвований в пользу храма) проявили готовность к соучастию абсолютное большинство студентов (более 50 %). Самый же низкий уровень участия отмечается у российских студентов, где включенность в какие-либо практики не превышает 39 % опрошенных. Только у армянских студентов на 1-е место по числу ответов попала практика показывать приезжим гостям достопримечательности города (46 %), во всех остальных странах самая популярная форма участия – подписание петиции в защиту памятников или природных объектов, т. е. выше всего готовность к практике социального участия, не требующей от молодого человека ни трудовых затрат, ни финансовых как, например, пожертвование (доля готовых к участию в котором самая маленькая в сравнении с другими практиками).

Независимо от страны чаще включаются в волонтерскую деятельность женщины. Среди них доля имеющих опыт социального участия на 15–17 % выше, чем среди мужчин. Подобные гендерные отличия отмечаются многими исследователями, указывающими на то, что это общемировой тренд и даже в странах, где различия между полами все больше стираются, исследования фиксируют большую вовлеченность в добровольчество у женщин¹.

Поскольку социальное участие студенчества России и постсоветских стран нами рассматривается через призму социокультурного развития городов, в качестве факторов, определяющих опыт участия, прежде всего выделим базовые характеристики самого города: это тип населенного пункта и наличие или отсутствие в родном городе университета.

Для России характерна ситуация, при которой выше доля получивших опыт социального участия в школе или вузе среди жителей средних городов с численностью населения 50–100 тысяч жителей: 39 % студентов из таких городов участвовали в различных акциях и проектах, которые инициировали в их учебных заведениях. Согласно опросу, ниже всего доля студентов, имеющих подобный опыт участия среди жителей сельских населенных пунктов (21 %) либо, наоборот, жителей крупных городов с численностью населения более 500 тысяч жителей (18 %). Скорее всего низкая включенность в социальные акции и проекты школы в сельских населенных пунктах связана с ограниченным количеством реализуемых проектов. В крупных городах молодежи предоставляется больше возможностей для участия, поэтому реже включаясь в мероприятия учебных заведений (18 %), она значительно чаще инициативно включается в различные акции и проекты за пределами школы или вуза (36 %). Именно среди жителей крупных городов такой тип социального участия преобладает. В других типах городов и сельских поселениях Свердловской области доля участвующих вне учебного заведения не превышает 14–18 %.

¹ Российские женщины оказались активнее мужчин в волонтерстве / РБК. – URL: <https://www.rbc.ru/society/08/03/2021/60447d719a7947a2a404cd9f> (дата обращения: 10.12.2022).

Подобные тенденции отмечаются и в Армении, где опыт социального участия в инициативных проектах от некоммерческих организаций чаще приобретается в крупных городах (30 %, при этом в учебных заведениях получают опыт всего 20 %), а опыт участия в акциях и мероприятиях образовательных учреждений – в небольших городах (39 %). В сельских населенных пунктах или очень маленьких городах (менее 10 тысяч жителей), так же как и в России, доля имеющих опыт участия как в учебных заведениях, так и вне их невысок: соответственно 22 % и 12 % респондентов из данного типа поселения.

Отмеченная закономерность следующая: чем крупнее город, тем больше там доля молодежи, получившей опыт социального участия вне школы или вуза (и, наоборот, чем меньше город, тем меньше эта доля) – характерна для всех рассматриваемых стран, что вероятно связано с неравномерностью развития некоммерческого сектора, работающего с молодежью, сосредоточенностью подобных организаций преимущественно в больших и крупных городах. В Польше доля получивших опыт участия за пределами школы в населенных пунктах с численностью жителей менее 10 тысяч составляет 17 %, а в городах с численностью более 100 тысяч – 40 %. В Румынии соответственно 26 % и 40 %. Но в отличие от России и Армении у жителей малых поселений доля включенных в проекты от учебных заведений оказывается не ниже, а, напротив, выше, чем в более крупных городах.

Наличие или отсутствие в родном городе университета автоматически увеличивает возможности молодежи для включения в разного рода социокультурные проекты и акции. Однако данный фактор не является значимым при приобретении молодежью опыта социального участия. При отсутствии университета идет включение в проекты других учебных заведений – школ, колледжей. Так, в Свердловской области есть опыт волонтерской деятельности у 47 % респондентов из городов, где нет университета, и у 46 % тех, кто родом из университетского города. Аналогичная ситуация в странах Европейского Союза. А вот в Армении наличие университета является значимым. При его отсутствии в родном городе, опыт социального участия получают всего 32 % респондентов, а при

наличии университета – 50 %, в отличие от других стран в Армении школы в меньшей степени ориентированы на включение учащихся в различные социокультурные проекты, ставя перед собой преимущественно образовательные задачи. Данный вывод подтверждается и результатами интервью, проводимых со специалистами, работающими в сфере молодежной политики: «Вы знаете, в школах у нас такое понятие: если ты занимаешься какой-то общественной деятельностью, участвуешь в каких проектах, ты зря тратишь на это время. Ты мог бы его потратить на что-то нормальное. Читать или что-то в этом роде. У нас учителя по-другому это все воспринимают и думают» (руководитель муниципального молодежного центра, Гюмри, Армения).

Таким образом, можно отметить, что характеристики города (его размер, наличие университета) оказываются связанными с тем опытом социального участия, который имеется у студенческой молодежи. Но при этом эти связи проявляются по-разному, будучи обусловлены тем, как работают общественные и образовательные институты в стране. Если некоммерческие организации более распространены в больших городах, то это обуславливает и распространение соответствующего типа участия среди молодежи этих городов. Включение или невключение образовательных организаций в общественные проекты, их ресурсные возможности для такого включения также определяет складывающийся опыт социального участия молодежи. В странах Европейского Союза даже в маленьких населенных пунктах осуществляется активное включение молодежи в социокультурные проекты на базе учебных заведений (около половины получают опыт подобным образом), а в России и Армении в таких поселениях только каждый пятый включается в проекты от школы.

Следующая группа факторов, определяющих опыт социального участия, – это факторы, характеризующие идентификацию с городом, связи с ним, а именно длительность проживания в городе, знание истории города, активность в изучении истории и достопримечательностей города, наличие значимых объектов в городе и связанность будущего с родным городом.

Важность оценки длительности проживания в городе как фактора формирования городской идентичности отмечена в работе Р. В. Евстифеева с соавторами¹. Оценивая опыт социального участия молодежи в разрезе времени нахождения в городе, можно отметить, что наиболее укоренные жители, а это те, кто сами живут с рождения в данном городе и их родители жили/живут здесь, оказываются меньше вовлечены в реализуемые в городе социокультурные проекты, чем те, кто переехал, но живет в этом городе очень давно. К примеру, в России в среде укорененных жителей опыт социального участия есть у 47 % респондентов, среди тех, кто живет в городе менее 10 лет – у 52 % (т. е. даже выше, чем у родившихся здесь), а самая высокая включенность – 60 % у тех, у кого семья переехала в этот город около 20 лет назад. В Армении также у приезжих и проживающих менее 10 лет доля имеющих опыт социального участия оказывается выше, чем у проживающих в нем минимум во втором поколении (46 % и 43 % соответственно и 61 % у приезжих, живущих от 20 лет). В Польше и Румынии самая высокая доля имеющих опыт социального участия в различных акциях и проектах среди тех, кто живет в городе 10–19 лет – 91–92 %, среди родившихся в этом городе – 67–69 %.

Таким образом, укорененность способствует появлению феномена опривычивания, когда к родному городу через свой социальный опыт и опыт родителей привыкают настолько, что перестают замечать его достоинства и недостатки и не чувствуют потребности что-то в нем менять, а соответственно менее активно включаются в разного рода городские социокультурные проекты.

Знание истории города является очень важным фактором, определяющим городскую идентичность ее молодых жителей, а также основа для формирования локального патриотизма². На рис. 17 представлены результаты распределения ответов на вопрос «Можете ли вы сказать, что знаете историю своего города?».

¹ Городские локальные идентичности как основа формирования устойчивых местных сообществ. Случай Владимира, Смоленска и Ярославля / Р. В. Евстифеев, П. Л. Крупкин, С. Д. Лебедев. – Москва : Издательский дом «Дело», 2016. – 280 с.

² Малахова Л. П. Историческая грамотность молодежи как основа гражданской идентичности и патриотизма / Л. П. Малахова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2018. – № 4 (55).

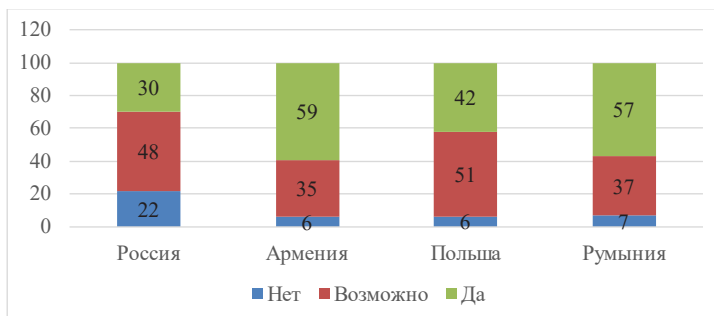

Рис. 17. Знание истории своего родного города (в % от опрошенных по странам)

Российские студенты отличаются самым низким уровнем самооценки своих знаний истории родного города по сравнению со студентами остальных стран, причем этот разрыв весьма существенный: если в других странах примерно каждый пятнадцатый отметил незнание истории, то в России это каждый четвертый-пятый. Такое отношение к родному городу не может не сказаться на готовности включаться в различные акции и проекты, развивающие родной город.

Результаты проведенного исследования показывают очень интересные особенности. В России и Армении показатели самооценки знаний истории города и наличия опыта социального участия статистически значимо связаны между собой: чем выше оценка своих знаний, тем выше социальная активность студенческой молодежи (рис. 18). В Польше и Румынии связи между этими показателями нет.

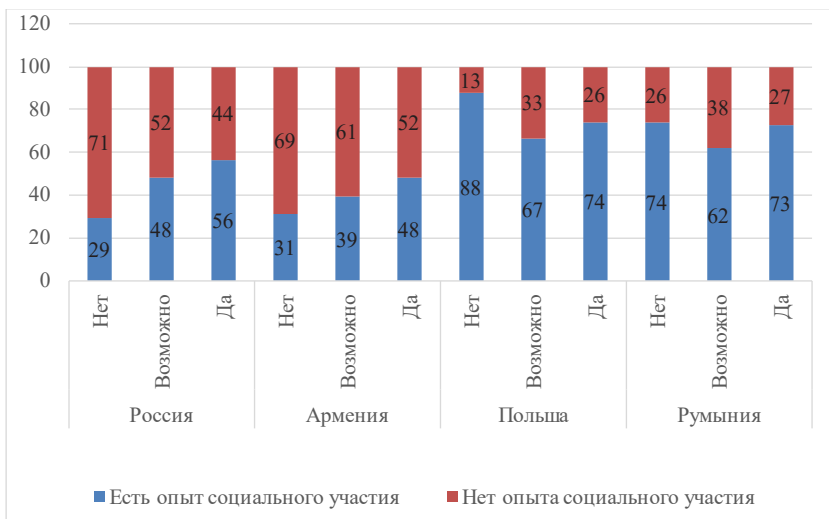

Рис. 18. Опыт социального участия в зависимости от знания истории своего родного города (в % от опрошенных)

Среди студентов Свердловской области имеют опыт социального участия при отсутствии знаний о своем городе менее трети респондентов, а при наличии этих знаний опыт имеется уже у более половины. В Армении доля вовлеченных в участие возрастает от 31 % (у тех, у кого знаний нет) до 48 % (при наличии знаний). В странах ЕС такой закономерности нет, и корреляция между указанными показателями отсутствует. К примеру, в Польше у тех, кто отметил у себя отсутствие знаний о городе, включенность в проекты оказывается самой высокой – 88 %. В Румынии даже при отсутствии знаний о городе включаются в проекты 74 % опрошенных студентов. Учитывая в целом более высокий уровень самооценки своих знаний о городе в странах ЕС, возможно студенты, включаясь в проекты, предлагаемые им учебными заведениями и некоммерческими организациями, пытаются компенсировать нехватку знаний, попробовать узнать что-то новое для себя в этих проектах. Из интервью со студентами из Тимишоары (Румыния) о проекте цифровизации города:

*«Мне была очень интересна часть, которая имеет связь с приложениями с техническим аспектом. Мне показалось привлекательным то, что это включало историческую часть, потому что я не уроженец Тимишоары. И не знал истории этих зданий или событий, которые здесь происходили, то есть на самом деле это было интересно и с такой эмоциональной части, не только с технической»
(м, 3 курс, Тимишоара, Румыния).*

Таким образом, самооценка знаний о родном городе не отражает в полной мере реальное положение дел и может свидетельствовать как об осознанной потребности к приобретению таких знаний, так и о равнодушии к своему родному городу и не желании как-то эмоционально вовлекаться в его проблемы. Основной источник информации о родном городе для большинства молодежи – школа (рис. 19). Именно там получили свои знания об интересных памятниках, музеях и других местах города 62 % студентов из Польши, 55 % румынских студентов, 48 % российских и 30 % студентов Армении. На втором месте – посещение музея (в Армении этот способ знакомства с городом на 1-ом месте). Значима роль социальной памяти в Польше и Румынии, там почти половина студентов (44–46 %) узнают о своем родном городе от друзей, знакомых, родных, в России этот источник помянули только 23 % опрошенных. Отмечаются различия по странам в использовании Интернета как источника информации. Среди польских студентов около половины активно пользуются Интернет для получения информации о своем родном городе, в Румынии треть, в России четверть опрошенных студентов, а в Армении только примерно каждый десятый указал его в качестве источника информации. Интересно, что при этом готовность рассказывать в интернет о своем родном городе среди армянских студентов самая высокая – 83 % опрошенных готовы это делать.

Рис. 19. Распределение ответов на вопрос «В вашем городе есть интересные памятники, парки, музеи и достопримечательности, знаете ли Вы о них?» (в % от опрошенных по странам)

В целом можно отметить, что интерес к истории своего города у студенческой молодежи скорее пассивный (рассказали в школе, узнал при посещении музея), а соответственно информированность о достопримечательностях города зависит от основных институциональных факторов – школы, музеев. Направленный интерес (сам интересовался, специально искал информацию) немного выше у студентов из Армении (42 %) и Румынии (36 %). В России примерно один из пяти студентов проявляет активный интерес к изучению.

Интерес к истории родного города оказывается связан как с текущим опытом социального участия (коэффициент корреляции Спирмана = 0,166 при $p < 0,001$), так и с готовностью в будущем участвовать в социальных проектах по городской тематике, например рассказывать о культуре, истории своего города (коэффициент

корреляции Спирмана = 0,193 при $p < 0,001$). Так при наличии активного интереса к истории города готовы включиться в проекты социокультурного развития города 56 % российских студентов, 85 % студентов Армении, 48 % студентов Польши и 67 % румынских студентов (табл. 19).

Таблица 19

Готовность участвовать в социальных проектах по городской тематике в группах с разным уровнем интереса к истории родного города
(в % от опрошенных по строкам)

Проявление интереса к истории родного города		Готовы ли вы участвовать в социальных проектах по городской тематике, например рассказывать о культуре, истории вашего города?		
		Нет, скорее нет	Затрудняюсь ответить	Да, скорее да
Россия	Нет интереса	56	37	7
	Пассивный интерес	39	16	45
	Активный интерес	29	15	56
Армения	Нет интереса	17	17	67
	Пассивный интерес	12	20	68
	Активный интерес	3	11	85
Польша	Нет интереса	30	30	40
	Пассивный интерес	48	14	39
	Активный интерес	37	16	48
Румыния	Нет интереса	45	18	36
	Пассивный интерес	31	29	40
	Активный интерес	11	22	67

Самый высокий уровень готовности участвовать в социальных проектах по городской тематике среди студентов Армении даже при отсутствии интереса к истории города 67 % опрошенных готовы что-то делать для города, а при наличии активного интереса доля готовых вкладываться в город возрастает до 85 %. Интересна ситуация в Польше, где при достаточно высокой информированности студентов об интересных местах и достопримечательностях города, а также весьма высоком включении молодежи в разного рода акции и социальные проекты еще со школы, готовность присоединиться к городским социальным проектам невысокая: 48 % при наличии активного интереса и 40 % при его отсутствии. Получается, что активная работа с молодежью, включение учащихся в разного рода проекты как

внутри учебных заведений, так и за их пределами приводит к тому, что, с одной стороны, достаточно большая доля молодежи накапливает опыт социального участия и знания о своем родном городе, а с другой – связи с будущим участием у студентов не формируется, готовность участвовать в социальных проектах по городской тематике невысокая.

Наиболее показательная связь между знанием истории своего города и готовностью участвовать в городских проектах в России. Здесь же сильнее всего дифференциация молодежи по этим показателям. При отсутствии интереса готовность к участию минимальна – всего 7 % опрошенных выразили ее, зато при наличии активного интереса уже более половины (56 %) готовы включиться в социальные проекты по городской проблематике.

Таким образом, такой фактор, как знание истории города, интерес к ней весьма важен для социального участия студентов в развитии городов России и других стран, но действие его неоднозначно и зависит во многом от социокультурного и институционального контекста рассматриваемых стран. И если отсутствие знания об истории родного города в России является серьезным барьером при вовлечении молодежи в проекты социокультурного развития города, то в других странах (например, Румынии) это может становиться одним из мотивов включения в подобные проекты или, как в Армении, компенсироваться существующей традицией социального участия.

При наличии связи с городом у молодежи появляются значимые для нее городские объекты, которые воспринимаются как самые красивые в городе, как места интересные молодежи. С. В. Пирогов отмечает, что отношение жителей к городской среде многообразно, включает отношение к городским артефактам, месту проживания, ландшафту, к своему лично значимому пространству, к знаковым явлениям и др¹. При этом, с одной стороны, городские объекты являются стабильными и неизменными, с другой – субъективное их восприятие может

¹ Пирогов С. В. Город как феномен культуры: когнитивный подход / С. В. Пирогов // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2011. – № 2. – С. 32–40.

сильно отличаться, вызывать различный эмоциональный отклик¹. Учитывая высокий интерес студентов Польши к истории своего города, закономерно, что подавляющее большинство студентов (92 %) отметили такие значимые для себя места (рис. 20). Среди самых красивых, заслуживающих особое внимание мест, студенты из Познани и близлежащих городов чаще всего отмечали различные религиозные объекты (базилики, кафедральные соборы, фарный костел, приходские церкви и др.), реже какие-либо исторические (крепости, дворцы, старые замки и площади, ратуши) или культурные объекты (театры, музеи).

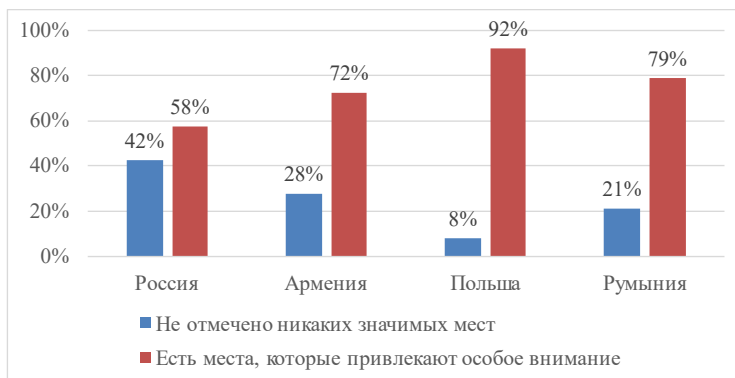

Рис. 20. Наличие значимых (привлекательных для молодежи) мест в городе (в % от опрошенных по городам)

В Румынии религиозные объекты также упоминались, но реже, чем в Польше, а чаще внимание молодежи обращено к культурно-историческим объектам (оперный театр, различные музеи, определенные исторические здания, статуи), достаточно часто упоминаются дома и дворцы культуры, иногда с конкретизацией типа «дом культуры, где происходят театральные и художественные вставки» или «дом культуры, который бывший кинотеатр». Таким образом, несмотря на схожесть реализуемых в странах ЕС подходов в работе с молодежью, прослеживаются и определенные социокультурные особенности,

¹ Тимофеева Т. С. Разработка инструментария для исследования основных факторов формирования городской идентичности / Т. С. Тимофеева, А. А. Озерина, О. В. Голубь // Человеческий капитал. – 2021. – № 4 (148). – С. 142–150.

которые в том числе накладывают отпечаток на формирование городской идентичности молодежи, определяя ее выбор значимых для нее объектов. Исследователями отмечается, что в Польше развито взаимодействие учреждений образования и религиозных организаций, а вопросам религиозного образования и воспитания в современном польском обществе уделяется особое значение¹. Отсюда и преимущественный выбор религиозных объектов как наиболее важных и значимых. В Румынии основными центрами работы с молодежью становятся дома культуры и творчества, соответственно формируется иной тип восприятия города и его культурно-исторических объектов.

Многими студентами Армении церковь также воспринимается как очень значимое для себя место, что проявляется и в выборе объектов, которые отмечены в опросе, и в ответах на фокус-групповом интервью, рассказывая о городе:

«Церковь. Улица Кьеро. И свой дом. И я здесь» (м, 3 курс, Гюмри, Армения).

*«...там церковь, где я молюсь, как и большинство людей»
(м, 3 курс, Гюмри, Армения).*

*«И церковь наша тоже, которая в центре, на площади. Церковь Йот Верк. <....>
Я очень люблю гулять по нашему центральному парку, очень люблю нашу
церковь» (ж, 1 курс, Гюмри, Армения).*

В том, как отмечали студенты Ширакской области (Армения) в анкете значимые для себя объекты (а это был открытый вопрос, на который большинство писали очень короткие ответы), действительно чувствуется эмоциональный отклик на эти места. Например, говоря о каком-то объекте, подчеркивали его специфичность («дом имеет интересную архитектуру, которая специфична для этого города, построена из базальта, имеет арки», «это уникальный дом, строение XIX века на территории Кумайри»), включали социальную память («здание африкан, которого больше нет», «бывший дворец пионеров») или отмечали какие-

¹ Борецкая В. К. Изучение курса о религии в начальной и средней школе в условиях современного польского общества / В. К. Борецкая // Философско-гуманитарные науки. – 2016. – С. 175–182.

то необычные объекты («балкон из фильма «Танго нашего детства», «старые здания улицы Арама, в частности Пиль Цоц»).

Среди студентов Свердловской области (Россия) только 58 % опрошенных отметили какие-то значимые для себя места, причем много ответов коротких и лаконичных, порой очень обезличенных: «администрация», «памятнику», «фонтан», «школа» (о какой администрации, памятнике или фонтане идет речь непонятно), единичные ответы содержали развернутое описание объекта. Интересно, что только российские студенты в ответах на вопрос о значимых для них местах города дали ответ «мой дом», а не указали какие-то культурно-исторические или другие интересные городские объекты. Также только в ответах российских студентов встретились резко отрицательные высказывания в адрес своего города («этот город дыра, тут нет красивых зданий!»), т. е. некоторая часть молодежи не просто не чувствует близости со своим городом, а относится к нему скорее враждебно. Учитывая, что «город становится обобщенным символом индивидуального опыта», связь между человеком и городом определяется в первую очередь оценкой возможности самореализации в нем, можно предположить, что молодежь не видит возможностей самоутверждения в своем родном городе. Исследование С. А. Литвиной, О. И. Муравьевой и С. А. Богомаза доказывает, что субъективная оценка того, как могут быть реализованы ценности человека в среде города, является существенным фактором идентификации с городом¹. Соответственно это сказывается на готовности молодежи включаться в какие-либо виды социального участия, а также проекты социокультурного развития города.

Наличие значимых мест в городе как фактор социального участия определяет готовность студенческой молодежи включаться в различные проекты для города. При этом практически для всех стран эта закономерность однозначна: среди тех, кто не имеет значимых для себя мест в городе, доля готовых к участию в любых

¹ Литвина С. А. Базисные ценности и характеристики личностного потенциала как факторы идентичности с городом / С. А. Литвина, О. И. Муравьева, С. А. Богомаз // Успехи современной науки. – 2016. – № 7. – С. 156–166.

типах проектов оказывается ниже, чем среди тех, кто эмоционально связан с городом через какие-либо его объекты (табл. 20).

Таблица 20

Готовность к социальному участию в городских проектах в зависимости от наличия или отсутствия значимых мест в городе (в % от опрошенных по строкам)

Страна опроса	Наличие значимых мест в городе	Группы по готовности к социальному участию ¹		Всего
		Готовые к социальному участию (ГСУ > 0,5)	Неготовые к социальному участию (ГСУ < = 0,5)	
Россия	Не отмечено никаких значимых мест	36	64	100
	Есть места, которые особенно привлекательны	47	53	100
Армения	Не отмечено никаких значимых мест	75	25	100
	Есть места, которые особенно привлекательны	82	18	100
Польша	Не отмечено никаких значимых мест	33	67	100
	Есть места, которые особенно привлекательны	41	59	100
Румыния	Не отмечено никаких значимых мест	56	44	100
	Есть места, которые особенно привлекательны	56	44	100

Несколько уникальна в этом плане ситуация в Румынии. Наличие или отсутствие значимых мест в городе совершенно никак не отражается на общей готовности к социальному участию в жизни города студентов Румынии: доля готовых к социальному участию составляет 56 % как среди тех, кто выделяет особо привлекательные для себя места города, так и среди тех, у кого нет этой связи с городом. Однако если копнуть эту ситуацию глубже, то становится понятно, что данный фактор все же значим, но он оказывается связан с определенными типами проектов. Так, участие в проектах культурно-досугового типа (помощь в

¹ Разделение проведено по сводному индексу готовности к социальному участию в жизни города (ГСУ), определяемому как среднее арифметическое трех частных индексов, отражающих готовность участия в городских проектах просветительского, культурно-досугового типа и проектах социальной направленности.

организации выставок, публичных мероприятий, где горожане и гости города смогут с пользой проводить свое время) обусловлено наличием или отсутствием в городе значимых мест, а участие в проектах просветительского типа или социальной направленности – нет. Для остальных стран наличие значимых мест в городе как фактор социального участия оказывается важен для любых типов проектов.

Кроме связи с отдельными объектами города, важным фактором, определяющим уровень социального участия молодежи, является оценка будущности взаимодействия с городом, т. е. предполагают ли жить и работать в своем родном городе (если сейчас учатся в другом городе, то планируют ли вернуться потом в свой родной город) или же в будущем хотят покинуть родной город, обосновавшись где-то в другом месте (на рис. 21 представлено это соотношение по странам). Три четверти опрошенных студентов стран Евросоюза пока не планируют будущее в своем родном городе. Среди студентов Армении, напротив, большинство (59 %) предполагают остаться в своем родном городе, возможно именно поэтому готовность к социальному участию, развивающему социокультурную среду города, здесь самая высокая. В России доля тех, кто предполагает оставаться в своем городе или вернуться в него, если сейчас учится в другом городе, меньше, чем в Армении, но существенно выше, чем в странах Евросоюза (43 %).

Рис. 21. Связанность будущего с родным городом (в % от опрошенных по странам)

Связывая свое будущее с родным городом, молодые люди более ориентированы на включение в разного рода проекты по его социокультурному развитию. Во всех странах среди тех, кто планирует будущее в своем городе, доля готовых к социальному участию выше, чем среди тех, кто таких планов не имеет (табл. 21).

Таблица 21

Готовность к социальному участию в городских проектах в зависимости от планирования будущего в своем родном городе (в % от опрошенных по строкам)

Страна опроса	Планы на будущее	Группы по готовности к социальному участию ¹		Всего
		готовые к социальному участию (ГСУ > 0,5)	неготовые к социальному участию (ГСУ < = 0,5)	
Россия	Планируют будущее в своем родном городе	49	51	100
	Не планируют будущее в своем родном городе	37	63	100
Армения	Планируют будущее в своем родном городе	83	17	100
	Не планируют будущее в своем родном городе	75	25	100
Польша	Планируют будущее в своем родном городе	53	47	100
	Не планируют будущее в своем родном городе	36	64	100
Румыния	Планируют будущее в своем родном городе	71	29	100
	Не планируют будущее в своем родном городе	51	49	100

Таким образом, установление эмоционально-когнитивных связей с городом способствует формированию определенных поведенческих установок, направленных на взаимодействие с городом, в том числе включение в практики

¹ Разделение проведено по сводному индексу готовности к социальному участию в жизни города (ГСУ), определяемому как среднее арифметическое трех частных индексов, отражающих готовность участия в городских проектах просветительского, культурно-досугового типа и проектах социальной направленности.

социального участия по развитию города. При этом, как показывает опыт Армении и Румынии, даже не планируя оставаться в своем городе, молодежь может демонстрировать достаточно высокую готовность к включению в городские проекты, возможно видя в этом возможность для своего саморазвития (когнитивная связь – город как место самоутверждения) или воспринимая как свой долг перед городом (эмоциональная связь – город как социальная общность близких людей).

Следующая группа факторов влияния на социальное участие студентов в развитии городов стран постсоветского пространства – это факторы, восприятия качества культурно-исторической среды города. К ним отнесены: оценка состояния культурно-исторических объектов и достопримечательностей города, привлекательность города для туристов, ценность культурно-исторических объектов для горожан. В ходе опроса студентам разных стран задавался вопрос: «Как Вы оцениваете состояние культурно-исторических мест, достопримечательностей и объектов Вашего города?» (рис. 22). Лучше всего оценили состояние культурно-исторических объектов в своих городах студенты из России (пятая часть респондентов посчитали, что они в отличном состоянии) и Польши (14 %), чья готовность к социальному участию в жизни города оказалась ниже, чем в других странах. Хуже всего оценили состояние достопримечательностей армянские студенты, треть из которых отметили их плачевное состояние в своих городах, при этом готовность к социальному участию среди студенчества Армении самая высокая. В Румынии примерно четверть респондентов указали на плохое состояние культурно-исторических объектов и наличие множества проблем, но опять же студенты демонстрируют готовность включаться в проекты социокультурного развития города.

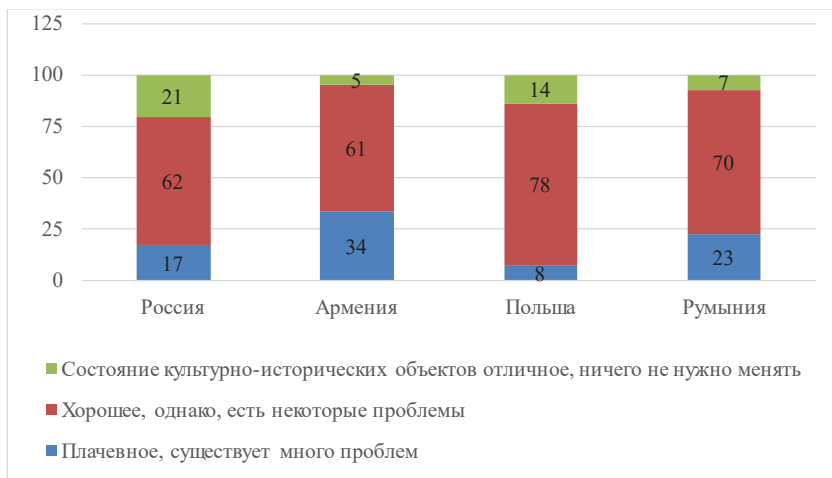

Рис. 22. Оценка состояния культурно-исторических мест, достопримечательностей и объектов своего города
(в % от опрошенных по странам)

Несмотря на то, что прослеживается некоторая тенденция: чем лучше оценивается состояние культурно-исторических объектов в городе, тем ниже готовность к развивающему город социальному участию. Как показали результаты проведенного корреляционного анализа, эта зависимость не является статистически значимой (табл. 22). В данной группе факторов по влиянию на социальное участие студентов в развитии городов оказывается наиболее значима оценка привлекательности этих городов для туристов. Исследование С. А. Литвина, О. В. Кружкова, О. И. Муравьева, С. А. Богомаз показало, что на восприятие жителями своего города влияет его внешняя привлекательность, причем ими отмечена закономерность «чем в большей степени город обладает признаками культурного, в широком смысле этого слова, центра, тем больший вклад в общую идентичность с городом вносит параметр внешней ценности»¹.

¹ Особенности структуры идентичности с городом молодежи российских городов / С. А. Литвина, О. В. Кружкова, О. И. Муравьева, С. А. Богомаз // Вестник НГПУ. – 2017. – № 1. – С. 73–80.

Оценка корреляционных связей показателя готовности к социальному участию с факторами, отражающими качество культурно-исторической среды города

Показатели	Готовность к социальному участию ¹	
	Ро Спирмана	Уровень значимости
Оценка состояния культурно-исторических мест, достопримечательностей и объектов своего города	-0,012	0,673
Привлекательность своего города для туристов	0,272**	0,000
Ценность культурно-исторических объектов города для всех горожан	0,181**	0,000
Вклад в улучшение состояния объектов города должны вносить все горожане	0,206**	0,000

Также статистически значимо ($p < 0,001$) влияние факторов включения всех жителей города в его социокультурное развитие. При понимании, что культурно-исторические объекты представляют ценность для всех горожан (а не только интересны для туристов) и свою лепту в их улучшение должны вносить все горожане (а не только городские активисты, чиновники или меценаты), готовность к социальному участию возрастает (табл. 23). При осознании своей ответственности как горожанина увеличивается доля студентов, готовых включаться в проекты социокультурного развития городов в России на 16 %, Польше на 15 %, Армении – 8 % и Румынии на 6 %.

¹ Взят сводный показатель готовности к социальному участию в жизни города, включающем готовность участия в разных типах проектов: 1) в городских проектах просветительского; 2) культурно-досугового типа; 3) проектах социальной направленности.

Готовность к социальному участию в городских проектах в зависимости
от оценки включенности всех горожан в развитие города
(в % от опрошенных по строкам)

Страна опроса	Все горожане должны вносить свою лепту в улучшение состояния объектов своего города	Группы по готовности к социальному участию ¹		Всего
		готовы к социальному участию	не готовы к социальному участию	
Россия	Нет	35	65	100
	Да	51	49	100
Армения	Нет	74	26	100
	Да	82	18	100
Польша	Нет	32	68	100
	Да	47	53	100
Румыния	Нет	52	48	100
	Да	58	42	100

Оценивая опыт социального участия студенчества России и постсоветских стран и социокультурные факторы, оказывающие на него влияние, можно сделать вывод, что ситуация в рассматриваемых странах различна. Для России характерна проблема отказа молодежи от социального участия (у большинства нет опыта такого участия (53 %) и нет желания (58 %)), даже имея опыт социального участия в школе, вузе или некоммерческой организации, почти половина студентов отличается низким уровнем готовности участвовать в подобных проектах в дальнейшем. У большинства позиция «все равно от меня ничего не зависит». Российские студенты чаще уповают на администрацию города, чем принимают на себя как на жителей этого города ответственность за его состояние.

Доля знающих историю города, активно ей интересующихся сравнительно мала. Несмотря на то, что в России выше доля студентов, планирующих оставаться в своем городе, чем в странах Евросоюза, и оценка состояния культурно-

¹ Разделение на группы проведено по сводному индексу готовности к социальному участию в жизни города (ГСУ), определяемому как среднее арифметическое трех частных индексов, отражающих готовность участия в городских проектах просветительского, культурно-досугового типа и проектах социальной направленности.

исторических объектов своего города выше, чем в других рассматриваемых странах, эмоционально-когнитивные связи со своим городом достаточно слабые, большая часть (58 %) студенческой молодежи оказывается не готовой включаться в проекты социокультурного развития города. Основная задача – изменение отношения к социальному участию, более активное вовлечение молодежи в сопродуктивную деятельность как равноправного субъекта.

Ситуация в Армении отличается очень высоким уровнем готовности к социальному участию среди студенческой молодежи при относительно небольшой реальной вовлеченности в волонтерскую деятельность (опыт волонтерства есть у 47 % опрошенных студентов). Несмотря на то, что школы слабо ориентированы на развитие волонтерской деятельности среди учащихся, сформированная локальная городская идентичность обуславливает очень высокий уровень готовности к включению в различные проекты социокультурного развития города. Городская идентичность у армянской молодежи проявляется очень четко, отмечается высокая привязанность к своему городу (скорее эмоциональная, нежели когнитивная), что проявляется в знании истории своего города, наличии активного интереса к этой истории, выделении значимых городских объектов, а также высокой доле студенческой молодежи, планирующей оставаться в своем родном городе. В целом для Армении характерны тенденции схожие с российскими: тот же феномен «опривычивания», те же факторы формирования интереса к городу и городским проектам. Основная задача для Армении состоит в создании возможностей для реализации имеющегося у студенческой молодежи высокого потенциала социальной активности, инициирование новых социальных проектов, интересных для молодежи.

В Польше ведется активная работа с молодежью на местном уровне. В девяти воеводствах были созданы официальные структуры, поддерживающие и представляющие молодежь. В Великопольском воеводстве (где содрана выборка студентов) в 2017 году сформирован Сеймик Молодежи Великопольского воеводства. Как результат, вовлеченность в волонтерскую деятельность среди студентов значительно выше, что говорит о хорошо поставленной работе среди

молодежи, особенно в учебных заведениях, активно сотрудничающих с религиозными организациями и с местными органами власти на уровне воеводства и повята¹. Но, несмотря на самый высокий уровень включенности (в Польше опыт волонтерства есть у 74 % студентов), это участие преимущественно пассивное. Средний уровень готовности к социальному участию среди польских студентов невысок (сопоставим с уровнем в России), но в зависимости от типа и особенностей предлагаемого проекта он может меняться. Такое изменение уровня готовности к социальному участию в зависимости от типа проекта характерно для студентов всех стран, но именно в Польше оно проявляется наиболее четко². Основная задача – формирование и закрепление интереса к социальному участию, демонстрация важности и необходимости разных типов социального участия.

Среди румынских студентов высока доля уже имеющих опыт волонтерства (69 %), причем полученный как в учебных заведениях, так и достаточно часто приобретаемый в других некоммерческих организациях, работающих с молодежью. При этом (в отличие от Польши) сохраняется высокая готовность студентов к продолжению социального участия. Даже при очень высокой доле студентов, не планирующих в будущем оставаться в своем городе, готовность что-то делать для родного города остается достаточно высокой, осознается собственная ответственность как горожанина, который должен вносить свою лепту в улучшение состояния объектов своего города.

Таким образом, исходя из полученных результатов проведенного исследования участия студенчества в социокультурном развитии городов России, можно сделать несколько ключевых выводов. Для всех стран характерна взаимосвязь между наличием опыта волонтерской деятельности и участием в школьных волонтерских проектах. Школа – фактор формирования волонтерских практик. При этом в некоторых странах она не работает на включение школьников в волонтерскую деятельность или неэффективно использует их для углубления

¹ Воеводства – аналог областей в России, повяты – аналог муниципальных образований (районов) с местным самоуправлением.

² С помощью Н-теста Вилкоксона проверялась попарно значимость различий связанных подвыборок по разным типам проектов.

идентификации школьников с городом, т. е. не формирует активное ядро участников городских проектов. Включение в практики социального участия инициативно и/или через некоммерческие организации, работающие с молодежью, характерно преимущественно для стран Евросоюза и очень слабо распространено в России и Армении.

Важным фактором включения студенческой молодежи (причем всех стран) в заботу о городе является его внешняя ценность, т. е. то, насколько город и его достопримечательности интересны туристам, и в меньшей степени то, каково реальное состояние культурно-исторических объектов в городе. Этот вывод подтверждается С. В. Пироговым, обратившем внимание на то, что «люди ведут себя не только (а порой и не столько) в соответствии с объективными параметрами среды, но и в соответствии с оценками этой среды»¹.

Характеристики самого города (его размер, наличие университета, состояние культурно-исторических объектов) в большей степени оказываются связанными с существующим у студенческой молодежи опытом социального участия. А показатели идентификации с городом (знание его истории, наличие интереса к истории города, наличие значимых, выделяемых как наиболее интересных и важных для себя, мест в городе) сильнее коррелируют с показателями готовности участия в разного типа проектах («готовность участвовать в социальных проектах по городской тематике», «готовность помогать в организации выставок, публичных мероприятий, где горожане и гости города смогут с пользой проводить свое время», «готовность присоединиться к таким группам горожан, которые участвуют в субботниках, мероприятиях»), готовность активно включаться в социокультурное развитие города определяется уровнем самоидентификации с городом. При этом в целом для студенческой молодежи стран постсоветского пространства характерна частичная самоидентификация, которая базируется скорее на пассивном интересе к городу и его истории. Негативно влияют на формирование городской идентичности молодежи дисфункции формальных

¹ Пирогов С. В. Город как феномен культуры: когнитивный подход / С. В. Пирогов // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. – 2011. – № 2. – С. 34–45.

институтов (образования, культуры). Полноценная же самоидентификация с городом обеспечивает более устойчивую включенность молодежи в многообразные формы социального участия, формирует ядро социально-активных участников.

Учитывая, что формирование городской идентичности – это непрерывный процесс, идущий по пути усложнения от формальной интерпретации городской культуры к сущностной и личностно-значимой, в работе с молодежью при организации ее социального участия в городе необходимо учитывать разный характер ее отношений с городом и выстраивать разные стратегии включения.

4.2. Потенциал управления молодежным участием в социокультурном развитии городов разных стран

Участие молодежи в социокультурном развитии городов мы рассматриваем как вовлеченность молодых людей в континуум конструктивных социальных практик¹. При этом управление участием само может быть определено как практика взаимодействия между различными субъектами социокультурной деятельности (начиная от групп молодежи и заканчивая органами публичной власти). С этой точки зрения для раскрытия особенностей как самого молодежного участия, так и управления им, необходимо обратиться к теориям социального участия, объясняющим поведенческие аспекты социального участия.

Готовность в ряде исследований социального участия выступает как центральная категория. Так, например, М. Maziashvili и I.Kowalik определяют гражданское поведение как «готовность жителей помогать своим городам и выступать с индивидуальными инициативами для стимулирования развития»².

¹ Управление социальным участием молодежи в социокультурном развитии городов России и постсоветских стран / М. В. Певная, Е. А. Шуклина, М. Черникова-Бука [и др.] // Научный результат. Социология и управление. – 2020. – № 4. – С. 194–210.

² Maziashvili M. City citizenship behavior and participation in promotion / M. Maziashvili, I. Kowalik // Place Brand Public. – 2021.

Л. И. Еремина, М. М. Шубович и другие исследователи определяют готовность «как условие выполнения любой деятельности, как подготовленность к решению задач в рамках той или иной деятельности»¹. Они выделяют три аспекта готовности к социально-преобразующей добровольческой деятельности: когнитивный, эмоциональный и деятельностный. Когнитивный компонент готовности включает в себя приобретение знаний социального действия. Эмоциональный компонент предполагает формирование позитивного отношения к социальному творчеству и социальной реальности в целом, в результате чего происходит осознание молодыми людьми своих возможностей и повышение стремления к участию; повышение уровня развития социальной активности и креативности.

Деятельностный компонент готовности к социально-преобразующей добровольческой деятельности представляет собой получение самостоятельного социального опыта. Соответственно управление социальным участием молодежи предполагает формирование готовности посредством использования ряда педагогических технологий (например, участие в социальных акциях и проектах).

Можно выделить и другие подходы к анализу готовности к социальному участию. Например, в результате проведенного исследования А. N. Khoirunnida, В. Hidayanto и другие ученые пришли к выводу, что значительное влияние на намерение участвовать оказывают два когнитивных фактора – самоэффективность участия и личное ожидание результата².

Во многом категория готовности связана с категорией потенциала участия молодежи в социокультурном развитии городов. В научной литературе под социальным потенциалом понимаются «находящиеся в резерве латентные возможности того или иного объекта, которые способны реализоваться при

¹ Формирование готовности студентов к социально-преобразующей добровольческой деятельности / Л. И. Еремина, М. М. Шубович, Н. В. Бибикова, И. А. Плохова // Известия ВГПУ. – 2019. – № 2 (135). – С. 38–42.

² Factors influencing citizen's intention to participate in e-participation: Integrating Technology Readiness on Social Cognitive Theory / A. N. Khoirunnida, B. Hidayanto, R. Purwandari, M. Kosandi // Second International Conference on Informatics and Computing. – 2017. – P. 1–7.

благоприятно разворачивающихся условиях»¹. В. С. Богданов и А. А. Мерзляков определяют потенциал социального участия как «совокупность возможностей и средств для реализации взаимодействия всех социальных субъектов, заинтересованных в успешной организации управленческого процесса на этапах выработки и реализации принимаемых решений»². В нашей трактовке потенциал социального участия молодежи в социокультурном развитии городов будет пониматься как совокупность характеристик его готовности к реализации данной деятельности³.

В качестве еще одного подхода, который позволяет рассмотреть готовность к социальному участию как условие выполнения деятельности, мы можем рассмотреть ресурсную теорию участия. Развивая взгляды К. Мангейма, Ю. Р. Вишневецкий сформулировал правило «трех РЕ» – ресурс, резерв, реализация, которые определяют «совокупность наличных свойств и качеств, накопленных человеком и определяющих его способность (возможность) к более оптимальному функционированию и развитию»⁴. В рамках ресурсного подхода резерв трактуется как готовность к реализации, обеспечиваемая не только образованием, но и удовлетворенностью своим выбором той или иной деятельности. Реализация, в свою очередь, зависит от того, насколько актуальными оказались резервы и ресурсы человека. Применение ресурсной теории при анализе социального участия дает возможность связать социально-значимые действия с актуализацией наличных способностей (возможностей), с практическим применением внутренних резервов каждого молодого человека в контексте социокультурных городских

¹ Лесина Л. А. Социальный потенциал молодежи как важнейший ресурс социально-экономического развития региона / Л. А. Лесина // Социокультурное развитие большого Урала: тренды, проблемы, перспективы. – 2015. – С. 275–280.

² Богданов В. С. Диагностика потенциала социального участия в контексте организации обратной связи между властью и населением / В. С. Богданов, А. А. Мерзляков // Научный результат. Социология и управление. – 2018. – № 4. – С. 67–78.

³ Potential of Youth Participation in Local Territory Branding Management / M. Pevnaya, S. Kostina, M. Cernicova-Buca [and others] // Lex localis. – 2022. – № 20 (1). – P. 193–214.

⁴ Студент 1995–2016 гг.: Динамика социокультурного развития студенчества Среднего Урала / Под общей редакцией Ю. Р. Вишневецкого. – Екатеринбург : УрФУ, 2017. – 498 с.

событий¹. «Иначе говоря, речь идет о точке ценностного пересечения возможностей человека и ожиданий места, в котором он живет: готов ли молодой человек к действиям «про город», совпадает ли это с направлением развития и позиционированием данного города». При общей логике разработки и реализации городских программ социокультурного развития городов, базирующейся на методических разработках в развитии теории участия, важно понимание специфики потенциала молодежного участия для его активизации среди разных аудиторий. На первом этапе управления социальным участием граждан целесообразно изучать общее видение места, включая основные элементы места².

Далее приведена оценка готовности участия молодежи в социокультурном развитии городов. При проектировании эмпирического исследования были использованы следующие показатели, которые можно условно разделить на две группы: готовность онлайн и офлайн-участия. Для анализа по результатам исследования нами были построены компаративистские таблицы, на основе которых рассчитан ряд индексов готовности. Прежде всего рассмотрим готовность участия молодежи в городских мероприятиях. Результаты исследования показали значительные межстрановые отличия в данном вопросе (табл. 24). В наибольшей степени готовность очно участвовать в социокультурном развитии города (поселения) проявилась у молодежи Румынии, где каждый респондент выбрал в среднем 3,6 практик участия из 6 возможных, а более половины опрошенных отметили, что готовы рассказывать или показывать приезжим достопримечательности города (поселения).

¹ Быстрова Т. Ю. Ресурсность молодежи в культурном брендинге города / Т. Ю. Быстрова, М. В. Певная, С. Н. Костина // Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры. – 2022. – № 4. – С. 121–139.

² Zenker S. Let them do the work: a participatory place branding approach / S. Zenker, C. Erfgen // Journal of Place Management and Development. – 2014. – № 7 (3). – P. 225–234.

Виды активности, в которых молодежь скорее всего приняла бы участие,
в % от опрошенных*

Вид деятельности	Страна				Всего
	Россия	Армения	Польша	Румыния	
	N = 465	N = 268	N = 264	N = 279	N = 1276
Подписал петицию в защиту памятников или природных объектов своего города	39,0	44,0	63	83,0	54,0
Пожертвовал свое время на уборку парка, высадку цветов	29,0	42,0	32	73,0	42,0
Пожертвовал деньги на реставрацию храма, памятника	12,0	19,0	16	38,0	20,0
Помог в организации субботника, городского праздника, социального мероприятия	32,0	32,0	32	56,0	37,0
Рассказал бы гостям города об его истории	17,0	27,0	21	53,0	28,0
Показал приезжим гостям достопримечательности города	33,0	46,0	43	62,0	44,0
Среднее число выбранных альтернатив	1,6	2,1	2	3,6	2,2

*Примечание. В сумме всего может быть более 100 %, т. к. респонденты могли отметить несколько вариантов ответа

Потенциал социального участия румынской молодежи во многом может быть связан с тем, что в 2021 году Тимишоара объявлен культурной столицей Европы. Бюджет проекта по подготовке города к проведению мероприятий составил 48,5 млн евро. Такая политика должна была повысить международный авторитет территории и привлечь больше туристов с помощью различных культурных мероприятий в течение года. К этому событию были подведены определенные планы и программы, которые в связи с ограничениями пандемии не смогли в полной мере реализоваться. В 2013 году Гюмри был официально объявлен культурной столицей СНГ. В Армении до 2018 года проходили культурные мероприятия, которые привлекали не только туристов, но и способствовали реальному участию молодежи – помощи в их организации и проведении. В наименьшей степени готовность к социальному участию проявилась у городской

молодежи российского региона (50 %). Важно отметить, что в российских городах проходили международные крупные спортивные, культурные и деловые мероприятия в последние пять лет, однако к помощи в их организации привлекалась ограниченное число городской молодежи.

Готовность онлайн-участия молодежи в социокультурном развитии городов замерялась по таким показателям, как готовность рассказывать в интернет о достопримечательностях и культурных местах родного города; информирование других о родном городе, его достопримечательностях; готовность участия в социальных проектах по городской тематике; готовность помогать в организации выставок, ярмарок, публичных мероприятий; индексы готовности к участию в социальных проектах и участию в помощи в организации городских мероприятий.

Индекс готовности к онлайн-участию рассчитывался на основе ответов респондентов на вопрос: «Готовы ли вы рассказывать в Интернете о родном городе» (табл. 25).

Таблица 25

Готовность молодежи рассказывать в Интернете о достопримечательностях и культурных местах своего города, в % от опрошенных

	Страна				Всего
	Россия	Армения	Польша	Румыния	
	N = 465	N = 268	N = 264	N = 279	
Да	17,0	46,0	13,0	30,0	25,0
Скорее да	31,0	37,0	35,0	33,0	34,0
Готовы рассказывать в Интернете о родном городе	48,0	83,0	48,0	63,0	59,0
Скорее нет	20,0	2,0	25,0	29,0	19,0
Нет	11,0	4,0	10,0	7,0	8,0
Не готовы рассказывать в Интернете о родном городе	31,0	6,0	35,0	36,0	27,0
Затрудняюсь ответить	21,0	11,0	17,0	1,0	14,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Индекс готовности рассказывать в Интернете о родном городе* (в шкале от 0 до 1)	0,56	0,80	0,54	0,62	0,62

Готовность определялась как сумма выборов вариантов ответов «да» и «скорее да», неготовность – как сумма выборов вариантов ответов «скорее нет» и

«нет», вариант ответа «затрудняюсь ответить» и «отказ от ответа» не учитывался. Результаты расчета индекса готовности выявили существенные страновые различия: у молодежи Армении данный индекс составил 0,8, на втором месте – молодежь Румынии (0,62), далее – российская молодежь (0,56) и наименьшая готовность была выявлена у молодежи Польши (0,54).

В качестве методологической основы измерения потенциала участия молодежи в социокультурном развитии городов были выделены две группы показателей¹.

1. Представления молодежи об общем видении места, включая основные элементы места. Для оценки привлекательности города использованы индикаторы: а) проявление интереса к истории родного города (0 – отсутствие интереса, 0,5 – пассивный интерес, 1 – активный интерес); б) индекс оценки привлекательности города в шкале от 0 до 1. Оценка восприятия привлекательности города определялась как средневзвешенное от данных показателей (веса были взяты по 0,5) и соответственно также изменяется в шкале от 0 до 1.

2. Готовность участвовать в социокультурном развитии городов, которая рассчитывалась как средневзвешенная (веса были взяты по 0,5) по индикаторам: а) готовность очного участия в социокультурном развитии городов на основе вопроса «Готовы рассказывать гостям города об его истории или показать приезжим гостям достопримечательности города») по шкале: 0 – не готовы, 0,5 – готовы к одному из указанных видов активности, 1 – готовы ко всем предложенным видам активности; б) индекс готовности к онлайн-участию на основе вопроса «Готовы ли вы рассказывать в Интернете о родном городе» от 0 до 1.

Для построения модели готовности молодежи к участию в социокультурном развитии городов была проведена кластеризация методом К-средних по выделенным двум показателям. В результате выделено 4 кластера, имеющих статистически значимые отличия друг от друга, которые как раз отличаются друг

¹ Potential of Youth Participation in Local Territory Branding Management / M. Pevnaya, S. Kostina, M. Cernicova-Buca [and others] // Lex localis. – 2022. – № 20 (1). – С. 193–214.

от друга уровнем готовности к участию в социокультурном развитии городов и восприятием своего города (табл. 26). Для удобства каждый кластер получил название. Полученные конечные кластерные центры и число наблюдений в каждом кластере показаны в табл. 26, 27, 28.

Таблица 26

Кластеры городской молодежи, выделенные на основе их потенциала
социального участия

Номер кластера наблюдения		Восприятие привлекательности города	Готовность участвовать в социокультурном развитии города
Активисты	Доля	27 %	
	Среднее значение	0,79	0,81
	Стандартная отклонения	0,14	0,17
Конформисты	Доля	21 %	
	Среднее значение	0,52	0,59
	Стандартная отклонения	0,14	0,14
Потенциальные участники	Доля	37 %	
	Среднее значение	0,64	0,16
	Стандартная отклонения	0,14	0,15
Пассивные	Доля	14 %	
	Среднее значение	0,22	0,19
	Стандартная отклонения	0,14	0,17

Для начала рассмотрим полученные результаты по странам по выделенным для построения модели показателям. Интерес к истории родного города – расчетная переменная, которая является производной от переменных «самооценка знания респондентов об интересных памятниках, парках, музеях и достопримечательностях поселения» и «источники информации о достопримечательностях поселения». При построении переменной «отсутствие интереса» определялось как выбор варианта «ничего особенного не знаю» и отсутствие какого-либо источника информации о памятниках и достопримечательностях города; пассивный интерес отмечался при выборе таких источников информации, как «что-то слышал в СМИ», «читал в Интернете»,

«рассказывали в школе», «рассказывали друзья, знакомые, родные», «видел издание про свой город», «посещал музей»; активный интерес при выборе ответа «сам интересовался, искал специально информацию» и «встречался с краеведами».

Таблица 27

Проявление интереса к истории родного города (в % от опрошенных)

Вид интереса	Страна опроса				Всего N = 1276
	Россия N = 465	Армения N = 268	Польша N = 264	Румыния N = 279	
Отсутствие	6	2	11	8	7
Пассивный	73	55	50	55	61
Активный	21	43	39	37	33
Всего	100	100	100	100	100

Активный интерес к истории родного города (поселения) в большей степени проявляется у молодежи Армении (43 % респондентов), в наименьшей степени – у молодежи России (21 %). Практически одинаковые значения данного показателя были получены у молодежи Польши и Румынии. На наш взгляд, интерес молодежи к истории своего поселения во многом зависит от особенностей сложившейся в национальном государстве общественно-политической ситуации, в том числе политики в отношении популяризации и пропаганды культурно-исторического наследия.

В современной России интерес к истории и культуре страны, родного города формируется традиционными институциональными решениями, как правило, через нацеленные на самих горожан массовые традиционные праздники, экскурсии в музеи, не вызывающие особого интереса молодежи к тому месту, где они родились и выросли. Армения же сейчас в связи с политической дестабилизацией находится в социальной аномии, требующей не только определения политического курса страны, но и особого внимания населения к истории государства, ее отдельных городов. Скорее всего поиск фундамента для самоопределения и экономической устойчивости Гюмри и поселений Ширакской области наряду с другими факторами обусловил высокий интерес молодежи к городской культуре и

истории, так как исторические памятники и места являются практически единственным ресурсом экономического развития территории.

Социальное участие молодежи Польши и Румынии реализуется в одном институциональном контексте, обусловленным общими в ЕС программами поддержки созидательной активности молодежи, традициями общественно-значимой деятельности, которые распространяются в страны восточной Европы из экономически более развитых стран ЕС со сложившимися традициями благотворительности.

Индекс оценки привлекательности города (поселения) рассчитывался на основе ответов респондентов на вопрос: «Оцените привлекательность вашего города для туристов по пятибалльной шкале, где 1 – наименьшая, 5 – наибольшая». Так же, как и в предыдущем показателе, наибольшее значение привлекательности города (поселения) было зафиксировано у молодежи Армении. Возможно, такая оценка связана с богатой историей территории Ширакской области Армении, где города зародились намного раньше, чем во всех сравниваемых в исследовании странах. В последние годы, особенно в период эпидемии коронавируса, Гюмри и поселения Ширакской области становятся местами активного внутреннего туризма. Культурно-историческое значение территорий в связи с этим начинает серьезно переосмысливаться. Немаловажный вклад в формирование интереса молодежи к истории городов и социальной активности молодых армян привнесла программа Совета Европы «Города молодежи» в рамках Erasmus+ KA2 Capacity Building, которая с 2019 года активно реализуется в Гюмри и Ширакской области Армении с целью повышения роли и вовлеченности молодежи в развитие своих сообществ путем активного вовлечения их в развитие туристической инфраструктуры.

Молодежь России чуть выше оценила привлекательность для туристов своего родного города (поселения) при преобладании пассивного интереса к истории, чем студенты Польши и Румынии. В европейских странах можно снова отметить схожесть суждений студентов стран одного институционального (политического, экономического и социального пространства).

Оценка привлекательности города (поселения) (в % от опрошенных)

Шкала	Страна опроса				Всего
	Россия	Армения	Польша	Румыния	
	N = 465	N = 268	N = 264	N = 279	N = 1276
1 – наименьшая	11,0	0,0	6,0	10,0	7,0
2	10,0	12,0	25,0	16,0	15,0
3	33,0	19,0	34,0	39,0	32,0
4	31,0	36,0	27,0	27,0	30,0
5 – наибольшая	14,0	33,0	8,0	8,0	15,0
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Средний балл	3,28	3,88	3,07	3,05	3,31
Индекс оценки привлекательности города (поселения) по шкале от 0 до 1	0,57	0,72	0,52	0,51	0,58

Готовность очного участия молодежи в социокультурном развитии городов измерялась на основе суммы ответов респондентов по выбору таких форм участия, как «готовы рассказывать гостям города об его истории» и «готовы показать приезжим гостям достопримечательности города» (табл. 29).

Таблица 29

Центры кластеризации групп молодежи с разными характеристиками участия в социокультурном развитии городов

	1	2	3	4
Творческая активность молодежи	Активисты	Умеренные	Потенциальные участники	Равнодушные
Оценка восприятия привлекательности города	0,79	0,52	0,64	0,22
Готовность участия в социокультурном развитии городов территории	0,81	0,59	0,16	0,19

Итоговая модель участия молодежи в социокультурном развитии городов включает в себя четыре кластера, выделенные по двум основаниям – восприятие

молодежью места проживания и готовность к участию в социокультурном развитии городов (рис. 23).

<p>Умеренные участники: (привлекательность 0,52, готовность 0,59) РФ – 20 % Армения – 22 % Польша – 18 % Румыния – 27 %</p>	<p>Высокая готовность</p>	<p>Активисты: (привлекательность 0,79, готовность 0,81) РФ – 16 % Армения – 40 % Польша – 21 % Румыния – 39 %</p>
<p>Низкая привлекательность поселения</p>		<p>Высокая привлекательность поселения</p>
<p>Равнодушные: (привлекательность 0,22, готовность 0,19) РФ – 21 % Армения – 3 % Польша – 16 % Румыния – 13 %</p>	<p>Низкая готовность</p>	<p>Потенциальные участники: (привлекательность 0,64, готовность 0,16) РФ – 43 % Армения – 35 % Польша – 45 % Румыния – 21 %</p>

Рис. 23. Модель потенциала участия молодежи в социокультурном развитии городов

Рассмотрим более подробно каждый кластер. Кластер «Активисты» выделен на основе высоких оценок привлекательности города (поселения) и высокой степени готовности молодежи к участию в социокультурном развитии городов. Кластер «Потенциальные участники» характеризуется высокими оценками привлекательности города (поселения) и низкой готовностью участия в социокультурном развитии городов. «Умеренные участники» представляют собой группу молодежи, которая в принципе готова участвовать в продвижении родного поселения, но при этом оценивает его привлекательность не очень высоко. Четвертый кластер «Равнодушные» объединяет группу молодежи, которая воспринимает свое поселение в целом как малопривлекательное и не готова продвигать его для приезжающих гостей.

При общей логике кластеризации необходимо отметить достаточно большие национальные (страновые) особенности получившейся модели. Рассмотрим подробнее представленность выделенных кластеров в каждой стране отдельно. Среди молодежи Армении, как уже отмечалось выше, наблюдаются высокие

оценки привлекательности своего поселения, соответственно среди них подавляющее большинство составляют представители кластеров «Активисты» (40 %) и «Потенциальные участники» (35 %). При этом среди армянской молодежи практически не наблюдается «равнодушных» (3 %).

На втором месте по степени готовности участия молодежи в социокультурном развитии городов находится Румыния, которая практически не уступает Армении по представленности кластера «активистов» (39 %). В то же время среди румынской молодежи оказалась самая большая доля «умеренных» (27 %). Среди молодежи Польши каждый пятый является «активистом», почти половину составляют представители кластера «Потенциальные участники» (45 %), что свидетельствует о недоиспользованном потенциале данной группы в социокультурном развитии городов. Достаточно большую группу румынской молодежи составляют представители кластеров «равнодушных» (16 %) и «умеренных» (18 %). В России наблюдается наименьшая доля «активистов» среди всех рассмотренных стран (16 %) и наибольшая доля «равнодушных» (21 %). В то же время среди российской молодежи, также, как и в Польше, самую большую группу составляют представители кластера «Потенциальные участники».

В результате можно говорить о том, что в каждой рассмотренной стране присутствуют различные группы молодежи по потенциалу участия в социокультурном развитии городов, однако их соотношение отличается. В России и Польше наблюдается значительная дифференциация молодежи по потенциалу участия в социокультурном развитии городов. В них достаточно многочисленно (в сопоставимых долях) представлены два полюса – «активисты» и «равнодушные». Основная масса молодежи сконцентрирована в «средних» кластерах – «умеренные» и «потенциальные участники», которые характеризуются более низким уровнем готовности к конкретным действиям.

Показатели туристической привлекательности территории по оценкам молодежи наряду с самооценкой знания культуры и истории своих городов, а также готовность к одной из ключевых практик в социокультурном развитии городов существенно выше в тех странах, где актуализирована событийная культурная

повестка и интерес внешней аудитории. По нашему мнению, это обусловлено степенью привлекательности социокультурной жизни в городских пространствах для самой молодежи. Она зависит и от развития городской инфраструктуры, а также от того, как социокультурная жизнь включается в городскую культурную политику¹, городские программы². С одной стороны, молодежь видит интерес к своей территории извне. С другой стороны, культурные и массовые мероприятия влияют на интерес молодежи к культуре и истории территорий, стимулируют распространение реального опыта участия, а также повышают готовность молодежи к этой практике в настоящем и будущем.

Проанализируем ресурсность участия молодежи в социокультурном развитии городов. Для измерения ресурсности молодежи в социокультурном развитии городов выделены две группы показателей³. Первая группа «ценностно-информационные ресурсы» включает представления молодежи об общем видении места. Вторая группа «резервы реализации ресурсов» характеризует готовность очно участвовать в социокультурном развитии городов и рассчитывается на основе ответов на вопросы: «Готовы рассказывать гостям города об его истории или показать приезжим гостям достопримечательности города?» и «Готовы ли Вы рассказывать в Интернете о родном городе?».

Среда участия молодежи в социокультурном развитии городов анализировалась методом кейс-стади. В итоге были определены три типа социокультурных городских проектов, которые мы описали выше. К проектам с доминированием эпизодического молодежного участия можно отнести ряд культурных мероприятий, которые проводятся в сравниваемых странах. В Гюмри это ежегодный фестиваль «Ширакская зима», фестиваль «Ремесел и искусств», ежегодный «Фестиваль пива». В Тимишоаре ежегодно проводится фестиваль

¹ Notman O. V. Attractiveness of megalopolis public spaces as evaluated by its residents (through the example of shopping and entertainments centers and park zones of Yekaterinburg) / O. V. Notman, A. P. Bagirova // *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. – 2018. – № 6. – P. 347–364.

² Reaven M. Neighborhood Activism in Planning for New York City, 1945–1975 / M. Reaven // *Journal of Urban History*. – 2020. – № 46 (6). – P. 1261–1289.

³ Быстрова Т. Ю. Ресурсность молодежи в культурном брендинге города / Т. Ю. Быстрова, М. В. Певная, С. Н. Костина // *Известия УрФУ. Серия 1. Проблемы образования, науки и культуры*. – 2022. – № 4. – С. 121–139.

цветов Timfloralis, фестиваль джазовой музыки и фольклорное национальное массовое мероприятие «Фестиваль сердец». Традиционным городским событием, напрямую связанным с брендом территории, является фестиваль Vega Boulevard. В Свердловской области тоже есть проект, где доминирует «эпизодическое волонтерство», – музыкальный фестиваль «Ural Music Night» («Уральская Ночь музыки»), в рамках которого для работы с добровольными помощниками запущен отдельный проект «Команда волонтеров Уральской ночи музыки (Ural Music Volunteer Crew).

Объединяет все эти проекты несколько характеристик. Они интересны для молодых горожан и гостей городов, в которых они проходят, так как наполняют городские пространства событийно, эмоционально и творчески. В плане ресурсности молодежи такие проекты эффективны, если они дают дополнительные компетенции, эмоциональную, содержательную удовлетворенность, соответствуют серьезному досугу.

Например, в проекте «Ural Music Night» можно выделить две группы активно вовлеченной молодежи: во-первых, те, кто погружен в музыкальную среду, имеет высокую заинтересованность в участии (молодые музыканты); и, во-вторых, волонтеры. У первой группы наблюдается полная включенность в проект. Они развиваются творчески, общаются, взаимодействуют друг с другом, формируют не только свое локальное креативное сообщество, но и свою публику. Высокий интерес волонтеров к проекту обеспечивается наличием креативной досуговой среды с множеством локаций, разнообразием стилей и интересных музыкальных продуктов. Составляющие ресурсности (ресурс, резерв, реализация) по-разному отражаются в жизненном мире представителей обеих вовлеченных групп молодежи: для молодых музыкантов проект способствует повышению профессионализма; у волонтеров развиваются личностные ресурсы (психологические, профессиональные и т. д.), например умение коммуницировать с творческими людьми, работать в команде или профессионально фотографировать, писать тексты.

Резерв может определяться готовностью участников и волонтеров поддерживать важное для их города мероприятие (и другие аналогичные) с определенной регулярностью. Это обеспечивается в том числе формированием в ходе подготовки и реализации проекта базы потенциальных участников и волонтеров, которая позволяет в дальнейшем их подбирать в соответствии с возможностями, предпочтениями и ориентациями самих молодых горожан, проявивших интерес к проекту и заявившихся для участия в нем. Показателем реализации ресурсности в ходе проекта может выступать его высокий статус в глазах горожан, визуализация в пространстве города, активность молодежи как пользователей социальных сетей.

Результаты нашего исследования подтверждают наличие взаимосвязи *когнитивного и эмоционального вовлечения* с намерениями молодых горожан по участию в социокультурном развитии городов¹. Наше исследование также подтверждает выводы о взаимосвязи гражданского поведения и участия в практике продвижения города при изучении намерений молодежи². На наш взгляд, для формирования конкретной программы действий по вовлечению молодежи в брендинг территорий необходимо исходить из того, какой параметр модели потенциала участия молодежи данного поселения имеет меньшее значение. С этой точки зрения в городах Армении и Румынии необходимо создавать среду для участия молодежи. Здесь важны конкретные инструменты (программы, проекты), в которых молодежь может реализовать различные инициативы либо присоединиться к ним. Важно создание широкого поля возможностей для различных вариантов молодежного участия.

Соответственно, работа с молодежью должна вестись в двух направлениях. Во-первых, необходимо повысить привлекательность территорий проживания для молодежи, повысив их оценку места через знание городской культуры и истории, а также эмоциональное отношение к территории своего проживания через

¹ Xu H. Evaluating the impact mechanism of citizen participation on citizen satisfaction in a smart city, *Environment and Planning* / H. Xu, W. Zhu // *Urban Analytics and City Science*. – 2020. – P. 2466–2480.

² Maziashvili M. City citizenship behavior and participation in promotion / M. Maziashvili, I. Kowalik // *Place Branding and Public Diplomacy*. – 2022. – № 18. – P. 113–125.

понимание его ценности для себя и других. В данном случае важен интерес к территории со стороны внешней аудитории – СМИ, туристов, национальных и международных правительственных органов и организаций. Во-вторых, это вовлечение молодежи в реальные практики социального участия, интересные самой молодежи. Такая социальная политика, направленная на повышение городской привлекательности и информирование молодежи о возможностях самореализации и профессиональных и творческих достижений в городском пространстве, будет способствовать также удержанию молодежи и формированию «привязанности» и чувства принадлежности к городу^{1,2}.

¹ Bagirova A. The well-being of residents in an urban environment: the case of a Russian megapolis / A. Bagirova, O. Notman // *Administratie si Management Public*. – 2020. – № 35. – P. 124–138.

² Cernicova-Bucă M. City branding at the state frontier. A comparative view on Romanian and Russian experiences / M. Cernicova-Bucă, E. S. Zhuk, A. A. Zhuk // *Globalization and National Identity*. – 2016. – P. 89–101.

5. СОЦИАЛЬНОЕ УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ ГОРОДОВ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ПОТЕНЦИАЛ УПРАВЛЕНИЯ

5.1. Региональные особенности инфраструктуры социального участия молодежи в городах Свердловской области

Социокультурная субъектность молодого поколения сопряжена с процессами самореализации молодых людей и девушек. Проявление молодежью в обществе самостоятельной деятельной инициативы во многом детерминировано наличием следующих составляющих: четко определенная цель или их совокупность, соответствующий мотивационный компонент, осознание собственной роли, значимости и ответственности, развитый механизм саморегуляции, осознанный выбор реализации именно позитивной жизненной стратегии¹. Влияние на субъектность молодежи оказывают и процессы организации общественно полезной деятельности, уровень и характер вовлеченности молодых людей и девушек в вариативные конструктивные практики социальной активности в городском пространстве. Последние в городской среде инициируются в трех сегментах городской структуры как организационном пространстве социального взаимодействия: в третьем или некоммерческом секторе, где проявляют себя субъекты гражданского общества; в образовательной среде (школы, средние специальные, высшие учебные заведения, иные образовательные учреждения), во многом определяющей социализацию молодого поколения; в культурной сфере, интегрирующей культурные городские институции (музеи, дома творчества, театры и т. д.), проекты, разные культурные инициативы, реализующиеся как на местном, региональном, так и на федеральном уровнях.

Некоммерческий сектор, призванный для решения различных социальных, культурных, экономических, благотворительных и иных задач современного

¹ Луков В. А. Субъектность молодежи в процессах социализации и инкультурации / В. А. Луков, С. В. Луков // Горизонты гуманитарного знания. – 2020. – № 1. – С. 3–20.

общества, реализует одновременно несколько общественно важных функций. В логике социокультурного развития территорий он способствует повышению жизнеспособности гражданского общества в местных сообществах, сохранению культурно-исторического наследия, улучшению качества разрабатываемых и принимаемых государственных решений, влияющих в свою очередь на качество жизни горожан. Социальная функция позволяет поддерживать принцип справедливости в удовлетворении жизненных потребностей молодежи в культурных и социальных услугах¹. Именно некоммерческий сектор выступает посредником во взаимодействии личности и различных управленческих структур, которые способны оказывать влияние на социальное благополучие граждан².

Социально ориентированные некоммерческие организации (далее – СОНКО) являются ключевым субъектом некоммерческого сектора, способным в партнерстве и при поддержке органов власти содействовать развитию гражданской активности. Во-первых, СОНКО как ядро третьего сектора защищают интересы местного населения, сохраняют национальные ценности, а также ценности данного сообщества. Во-вторых, именно эти организации позволяют выявить точки социального напряжения на территории в контексте нарастания экономических, социальных, экологических проблем и начать действовать в направлении их устранения. В-третьих, именно СОНКО способны содействовать филантропии, популяризации среди разных социальных групп, в том числе и молодежи, добровольчества, оперативно реагировать на проблемы населения, оказывать социальную помощь нуждающимся, развивая новые формы информационной, социальной работы, поддерживать креативные инициативы и инновационные проекты в сфере культуры, образования, социальной защиты населения. В-четвертых, при создании условий для деятельности СОНКО в муниципальном образовании и определенном содействии общественникам со стороны

¹ Волкова Г. Г. Роль и функции некоммерческого сектора в национальной экономике / Г. Г. Волкова // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2010. – № 5. – С. 16–19.

² Фангров П. П. Некоммерческие организации и система национальной безопасности России: роль неправительственных объединений, имеющих статус иностранного агента / П. П. Фангров // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – № 18 (303). – С. 58–66.

муниципальных чиновников многократно возрастают возможности и органов местного самоуправления за счет проработки внешних совместных проектов по привлечению ресурсов на территорию, а также внутреннего партнерства, когда СОНКО становятся посредником во взаимодействии чиновников с населением.

По данным Министерства юстиции РФ, в третий экономический сектор Свердловской области как одного из развитых регионов страны официально входит 5 585 некоммерческих организаций, в том числе 958 автономных некоммерческих организаций, 8 государственно-общественных и общественно-государственных объединений, 62 казачьих общества, 31 национально-культурная автономия, 604 некоммерческих фонда, 171 некоммерческое партнерство, 1 524 общественных организаций, 513 профсоюзов, 6 общественных учреждений, 41 общественный фонд, 15 объединений работодателей, 30 территориальных общественных управлений (данные представлены на 20.09.2022)¹.

Одним из важнейших институтов гражданского общества в муниципальных образованиях, расположенных на территории Свердловской области, являются именно СОНКО. Члены данных организаций – активные общественники. Как правило, они привлекаются к деятельности институтов общественного контроля (общественных палат, общественных советов), являются лидерами общественного мнения среди определенных социальных групп горожан, интересы которых защищают их организации. СОНКО выступают в муниципальных образованиях определенными структурами развития за счет своих возможностей в привлечении на территорию дополнительных ресурсов (финансовых, информационных, человеческих) и новых социальных технологий. В соответствии с данными реестра СОНКО, по состоянию на 25.09.2022 в Свердловской области насчитывается 1 370 СОНКО². Если сравнить численность СОНКО Свердловской области с другими регионами Уральского федерального округа, то в целом НКО в Свердловской

¹ О деятельности некоммерческих организаций / Министерство юстиции Российской Федерации. – URL: <http://unro.minjust.ru/NKOs.aspx> (дата обращения: 21.09.2022).

² Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций / Министерство экономического развития Российской Федерации. – URL: <https://data.economy.gov.ru/analytics/sonko/region/128> (дата обращения: 21.09.2022).

области 13,09 на 10 тыс. населения, тогда как, например, в Тюменской области 14,21 организации, в ХМАО-Югре – 14,79, а в ЯНАО этот показатель равен 15,93. Однако число СОНКО, получавших какую-либо государственную поддержку на федеральном и региональном уровнях управления, на 10 тыс. человек населения в Свердловской области равняется 3,21 организации, в Тюменской – 4,63, в ХМАО и ЯНАО – 5,06 и 5,7 соответственно (табл. 30).

Таблица 30

Число некоммерческих организаций в субъектах РФ, входящих в Уральский федеральный округ (по данным на 2022 г.)

Субъект РФ	Свердловская область	Курганская область	Тюменская область	ХМАО	ЯНАО	Челябинская область
Численность НКО по данным Министерства юстиции РФ	5585,0	841,0	2207,0	2518,0	880,0	3599,0
Численность населения (по данным Росстат на 01.01. 2022 г.) ¹	4264340,0	805510,0	1552148,0	1702240,0	552117,0	3418606,0
Численность НКО на 10 тыс. чел. населения	13,09	10,44	14,21	14,79	15,93	10,52
Количество организаций в реестре Мин. эконом. развития РФ	1370,0	194,0	720,0	862,0	315,0	1013,0
Численность НКО из реестра на 10 тыс. чел. населения	3,21	2,4	4,63	5,06	5,7	2,96

¹ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям / Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 21.09.2022).

Несмотря на численное превосходство некоммерческих организаций, расположенных в пределах Свердловской области, по сравнению с данными других субъектов одного и того же федерального округа, их количество, рассчитанное на 10 тыс. человек населения, уступает достигнутым показателям в Тюменской области, ХМАО и ЯНАО. Последние, в свою очередь, являются регионами-лидерами, которые зачастую занимают наиболее высокие позиции в вариативных рейтингах государственной поддержки некоммерческого сектора РФ.

В Свердловской области в 2018 году соответствующим Постановлением Правительства была утверждена специальная комплексная программа, направленная на материальную (финансовую) поддержку региональных СОНКО, – «Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в Свердловской области на 2018–2024 годы»¹. Целью программы является совершенствование условий для наращивания потенциала СОНКО для наиболее полного и эффективного использования их возможностей в решении задач, установленных Стратегией социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 годы². Среди прочих задач, закрепленных в паспорте программы, следует выделить такие, как «обеспечение условий для увеличения числа СОНКО, реализующих свою деятельность на муниципальном уровне, и развития их потенциала», «обеспечение доступа СОНКО, осуществляющих деятельность в социальной сфере, к бюджетным средствам, выделяемым на предоставление услуг населению в социальной сфере», «повышение уровня информированности населения о деятельности СОНКО и формирование благоприятного информационного пространства в сфере СОНКО». Реализация вышеперечисленных установок во многом детерминирует создание особых условий на территории региона для развития некоммерческого сектора.

¹ Постановление Правительства Свердловской области от 31.05.2018 года № 328-ПП «Об утверждении комплексной программы Свердловской области «Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в Свердловской области на 2018–2024 годы».

² Закон Свердловской области от 21.12.2015 года № 151-ОЗ «О стратегии социально-экономического развития Свердловской области на 2016–2030 годы».

В соответствии с открытой отчетностью Министерства экономики и территориального развития Свердловской области о реализации государственной программы «Совершенствование социально-экономической политики на территории Свердловской области до 2024 года», в том числе программы «Поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в Свердловской области на 2018–2024 годы», в 2019 году финансовую поддержку в виде субсидий из областного бюджета получили 204 НКО региона на осуществление порядка 252 социально значимых проектов. Объем средств на организацию и проведение мероприятий программы за счет всех источников финансирования составил 566 099,5 тыс. рублей¹. По данным реализации программы в 2021 году, плановый объем финансирования комплексной программы на анализируемый период составил 565 582,2 тыс. рублей, в том числе 1179,9 тыс. рублей – средства федерального бюджета, 538 052,3 тыс. рублей – средства областного бюджета, еще 26 350 тыс. рублей – внебюджетные источники финансирования. За первые 9 месяцев 2021 года финансовую поддержку в виде субсидий из областного бюджета общим объемом 444,4 млн рублей получили 159 НКО на воплощение 187 проектов².

Согласно данным регионального реестра общественных объединений – получателей государственной поддержки в Свердловской области за 2021 год, 233 СОНКО³ и 12 общественных объединений⁴ получили материальную государственную поддержку в виде субсидий из областного бюджета. Еще 1

¹ Пояснительная записка о реализации государственной программы Свердловской области «Совершенствование социально-экономической политики на территории Свердловской области до 2024 года» в 2020 году.

² Пояснительная записка о реализации государственной программы Свердловской области «Совершенствование социально-экономической политики на территории Свердловской области до 2024 года» в 2021 году.

³ Реестр социально ориентированных некоммерческих организаций – получателей государственной поддержки в Свердловской области за 2021 год / Министерство экономики и территориального развития Свердловской области. – URL: <http://economy.midural.ru/content/reestr-socialno-orientirovannyh-nekommercheskih-organizacij-poluchateley-gosudarstvennoy-21> (дата обращения: 29.09.2022).

⁴ Реестр общественных объединений – получателей государственной поддержки в Свердловской области за 2019–2021 годы / Министерство экономики и территориального развития Свердловской области. URL: <http://economy.midural.ru/content/reestr-obshchestvennyh-obedineniy-poluchateley-gosudarstvennoy-podderzhki-v-sverdlovskoy-11> (дата обращения: 29.09.2022).

СОНКО в рамках указанного периода получила имущественную поддержку на основании бессрочного договора безвозмездного пользования государственным имуществом Свердловской области. В соответствии с официальными данными за первые 9 месяцев 2022 года, в реестре зафиксировано 207 СОНКО¹ и 20 общественных объединений, для реализации проектов и деятельности которых была выделена материальная поддержка в виде субсидий из областного бюджета.

Поддержку некоммерческим организациям оказывает Министерство образования и молодежной политики Свердловской области, проводя специальный конкурс. В рамках последнего региональные СОНКО имеют возможность получить субсидии из областного бюджета для реализации различных проектов в сфере образования и молодежной политики. За период 2012–2021 годов некоммерческими организациями Среднего Урала было реализовано 282 проекта, общий объем финансовой поддержки которых составил 117,6 млн руб². В 2021 году 52 НКО Свердловской области получили материальную поддержку в виде субсидий для осуществления 77 проектов. В 2022 году по состоянию на 01.12.2022 г. Министерством образования и молодежной политики региона было поддержано осуществление еще 70 проектов, реализуемых 43 СОНКО³.

Динамику развития сектора СОНКО в муниципальных образованиях Свердловской области можно оценить по показателям увеличения численности СОНКО, заявленных проектов в Фонд президентских грантов (далее – ФПГ) и привлеченных средств в разных муниципальных образованиях, расположенных на территории Свердловской области. ФПГ рассматривается нами как один из крупнейших в России грантодателей, поддерживающих некоммерческие организации, реализующих социально значимые проекты, а также проекты в сфере

¹ Реестр некоммерческих организаций – получателей государственной поддержки за 9 месяцев 2022 года / Министерство экономики и территориального развития Свердловской области. – URL: <http://economy.midural.ru/content/reestr-socialno-orientirovannyh-nekommercheskih-organizacij-poluchateley-gosudarstvennoy-22> (дата обращения: 01.12.2022).

² Певная М. В. Государственная региональная поддержка социально ориентированных некоммерческих организаций в сфере образования и молодежной политики (опыт Свердловской области) / М. В. Певная, А. Н. Тарасова // *Siberian socium.* – 2022. – № 3 (21). – С. 60–75.

³ Государственная поддержка СО НКО в сфере образования и молодежной политики Свердловской области. – URL: https://nko.mcos-so.ru/projects_search/ (дата обращения: 01.12.2022).

защиты прав и свобод человека и гражданина, и участвующих в развитии институтов гражданского общества. Выбор Конкурса ФПГ как источника объективных данных по рассматриваемой нами проблеме обусловлен следующими характеристиками. Во-первых, структура конкурсных направлений ФПГ в полной мере соответствует ключевым направлениям развития гражданского общества в нашей стране. Во-вторых, ФПГ является одной из самых крупных и хорошо методических отработанных площадок распределения государственных средств, выделяемых на поддержку СОНКО. В-третьих, ФПГ пользуется высоким уровнем доверия и Президента РФ, и населения, и общественных организаций, так как процесс выделения средств в конкурсной процедуре данного фонда оператора открыт и понятен. В-четвертых, методическое и организационное сопровождение поддержанных проектов со стороны ФПГ существенно влияет на уровень профессионализма сотрудников общественных организаций и детерминирует профессионализацию некоммерческого сектора в целом по всей стране одновременно.

Проанализируем активность СОНКО Свердловской области по участию в конкурсах ФПГ в 2019–2022 годах. В 2020 году на конкурсы ФПГ было подано на 44 % больше заявок от организаций Свердловской области, чем в 2019 году. В 2019 году было подано 435 заявок и 102 из них получили поддержку. В 2020 – 629 заявок подано и 133 проекта получили гранты. В соответствии с открытыми данными, в 2021 году было подано на 11 % заявок меньше по сравнению с прошлым отчетным периодом. В 2021 году в ФПГ поступили 564 заявки от некоммерческих организаций Среднего Урала, 117 из которых получили материальную поддержку от грантодателя. В 2022 году ФПГ было проведено два основных и один специальный конкурс. В рамках трех конкурсов было подано 545 заявок. Из общего количества поданных заявок 110 оказались выигранными (рис. 24)¹.

¹ Фонд Президентских Грантов. – URL: <https://президентскиегранты.рф/public/application/cards> (дата обращения: 01.10.2022).

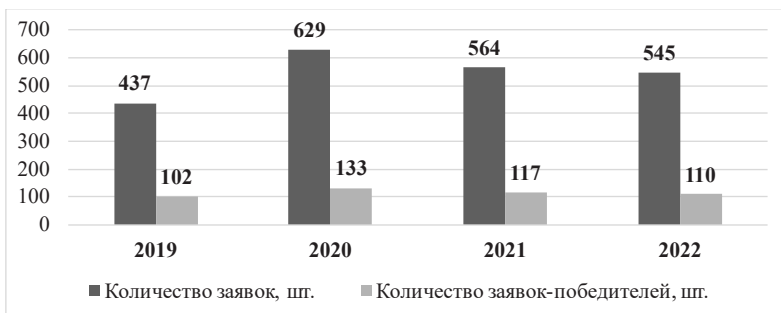

Рис. 24. Количество заявок на участие в грантовых конкурсах Фонда Президентских грантов, поданных некоммерческими организациями Свердловской области в 2019–2022 гг., шт.

Охарактеризуем проекты, разработанные СОНКО Свердловской области, поддержанные ФПГ в 2022 году. Всего для участия в трех грантовых конкурсах 2022 года от учреждений Среднего Урала было подано 545 социально значимых проекта, 65 % которых ориентированы на системную работу с молодым поколением. Из общего числа проектов СОНКО Свердловской области, выделивших в качестве целевой аудитории молодых граждан, 65 % направлены на комплексную работу с детьми и подростками до 18 лет, остальные 35 % ориентированы на осуществление взаимодействия с молодежью в возрасте от 18 до 35 лет.

В рамках трех конкурсов ФПГ 110 заявленных Свердловской областью общественно значимых практик одержали победу в текущем году. Более 60 % победивших инициатив определили молодежь и подростков как основную аудиторию. Из тех проектов, что оказались выигрышными, 70 % нацелены на работу с детьми и подростками до 18 лет; 30 % – с молодыми людьми и девушками от 18 до 35 лет. Можно утверждать, что молодежь как особая возрастная категория граждан выступает целевой группой многочисленных вариативных инициатив некоммерческого сектора региона, поддерживающихся не только на региональном, но и на федеральном уровнях власти.

Итак, некоммерческие организации Свердловской области имеют возможность привлечь дополнительное финансирование на реализацию различных по содержанию практик социального участия молодежи как внутри региона, получив субсидию из областного бюджета, так и в рамках федеральных программ, например, выиграв грант на федеральном уровне. Такие инициативы детерминируют и во многом обуславливают наличие возможностей для молодых уральцев реализовать социальное участие посредством включения в постоянные системные практики третьего экономического сектора региона, в том числе СОНКО Свердловской области.

Постараемся дать оценку образовательной сфере региона, имеющей свои структуру и особенности. Образовательное пространство как социальная среда, непосредственно окружающая молодых людей и девушек, играет ведущую роль не только в образовании, но и воспитании, формировании гражданского правосознания молодежи, ее субъектности. В соответствии с нормами Федерального закона РФ от 29.12.2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в РФ» образование – «единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов»¹. Для молодежи образовательная среда и образование в целом рассматриваются в контексте достижения важных жизненных целей, а именно осознанного формирования себя как состоявшейся личности, самоутверждения в будущем на рынке труда, успешного построения карьеры, материального благополучия².

¹ Федеральный закон № 273 от 29.12.2012 года «Об образовании в Российской Федерации».

² Петровская Ю. А. Образование как ценность молодежи в контексте инновационного развития Российской Федерации / Ю. А. Петровская // Проблемы развития территории. – 2019. – № 3 (101). – С. 107–121.

Инфраструктура сферы образования включает разные типы образовательных учреждений. В РФ образование как длительный процесс освоения обязательными для гражданина государства знаниями и навыками подразделяется на две основные группы: общее образование, включающее в себя дошкольное, начальное общее, основное общее, среднее общее образование, и профессиональное, характеризующее средний профессиональный и высший уровни образования. Рассмотрим структуру общего образования – количество общеобразовательных организаций Свердловской области, реализующих программы начального общего, основного общего и среднего общего образования, а также программы образования обучающихся с умственной отсталостью, в период с 2019 по 2022 годы (табл. 31).

Таблица 31

Количество общеобразовательных организаций Свердловской области в период с 2019 по 2022 гг. (чел.)

Начало учеб. года	Количество общеобразовательных организаций, шт.			Численность обучающихся, чел.		
	госуд. организации	негосуд. организации	всего	госуд. организации	негосуд. организации	всего
2019/2020	1042	16	1058	514926	1705	516631
2020/2021	1044	16	1060	523550	2369	525919
2021/2022	1040	17	1057	536047	2547	538594

Согласно открытым данным, предоставленным Министерством образования и молодежной политики Свердловской области, на начало 2019/2020 учебного года в Свердловской области насчитывалось 1058 образовательных организаций юридических лиц всех форм собственности, из них: 1042 государственные самостоятельные организации, 16 – негосударственные. Расположены в городской местности 653 организации, в сельской – 405. Численность обучающихся в учреждениях, реализующих программы начального общего, основного общего и

среднего общего образования, а также программы образования обучающихся с умственной отсталостью, на начало учебного года составила 516,6 тыс. чел. На начало 2020/2021 учебного года в области насчитывалось на 2 учреждения больше по сравнению с предыдущим годом. На начало 2021/2022 учебного года в Свердловской области насчитывалось на 3 организации меньше, чем на начало сентября в 2020 году. Из 1057 образовательных учреждений 1040 – государственные самостоятельные организации, 17 – частные. Численность обучающихся – 538,5 тыс. чел., что больше почти на 13 тыс. учеников по сравнению с предыдущим учебным годом¹.

В настоящее время общеобразовательные учреждения РФ, в том числе Свердловской области как одного из субъектов страны, являются организационной базой для существования и успешного функционирования детско-юношеских и молодежных движений различной направленности, обуславливающих воспитание молодого поколения, его развитие на основе интересов и потребностей. В первую очередь, к таковым формам реализации досуга и занятости молодых людей и девушек можно отнести Российское движение школьников (далее – РДШ), представляющее собой общественно-государственную детско-юношескую организацию, включенную в систему воспитания образовательных учреждений страны². По данным Министерства образования и молодежной политики Свердловской области, по итогам завершения 2021 года на территории региона осуществляло свою деятельность 497 первичных и 57 – местных отделений РДШ. Всего Движением в рамках области было охвачено более 43 тыс. детей и подростков Урала, обучающихся по программам начального общего, основного общего и среднего общего образования³. По состоянию на 01.12.2022 г. количество

¹ Доклад «О состоянии системы образования Свердловской области в 2021 году» / Министерство образования и молодежной политики Свердловской области. – URL: <https://minobraz.egov66.ru/site/section?id=716> (дата обращения: 01.10.2022).

² Российское движение школьников. – URL: <https://рдш.рф/about> (дата обращения: 01.10.2022).

³ Итоги реализации наппроекта «Образование» в Свердловской области в 2021 году / Министерство образования и молодежной политики Свердловской области. – URL: <https://minobraz.egov66.ru/site/item?id=5403#:~:text=Всего%20движение%20РДШ%20в%20Свердловской,и%20составляет%20334%20Юнармейских%20отряда> (дата обращения: 01.10.2022).

первичных отделений составляет 726 шт., количество школ, включенных в реестр РДШ, – 933¹.

Еще одним значимым движением, организованным на базе общеобразовательных учреждений, является Всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое общественное движение «ЮНАРМИЯ» (далее – ЮНАРМИЯ), способствующее комплексному гармоничному развитию личности ребенка, освоению им азов начальной военной подготовки, развитию лидерских навыков, приобретению научно-технических компетенций. В настоящее время ЮНАРМИЯ объединила более 1,24 тыс. детей и подростков по всей стране, региональные штабы движения представлены в 89 регионах России². В соответствии с последними открытыми данными, в 2021 году в муниципальных образованиях Среднего Урала действовало 49 местных отделений ЮНАРМИИ. Число юнармейских отрядов по сравнению с 2020 годом увеличилось на 32 и составило 334 отряда, общая численность членов которых равнялась 123 тыс. чел. Так, сеть молодежных движений в пределах региона расширяется и сегодня РДШ и ЮНАРМИЯ как основные детско-юношеские движения РФ охватывают более 40 тыс. школьников Свердловской области, предоставляя им возможность для осуществления социально полезной активности в городском пространстве. В 2021 году общая численность обучающихся по программам среднего профессионального образования (далее – СПО) в регионе равнялась 123, 2 тыс. чел (рис. 25)³.

¹ Региональные отделения / Российское движение школьников. – URL: <https://рдш.рф/about/regions/231> (дата обращения: 01.10.2022).

² Всероссийское детско-юношеское военно-патриотическое общественное движение «ЮНАРМИЯ». – URL: <https://yunarmy.ru/headquarters/about/> (дата обращения: 01.10.2022).

³ Доклад «О состоянии системы образования Свердловской области в 2021 году» / Министерство образования и молодежной политики Свердловской области. – URL: <https://minobraz.egov66.ru/site/section?id=716> (дата обращения: 01.10.2022).

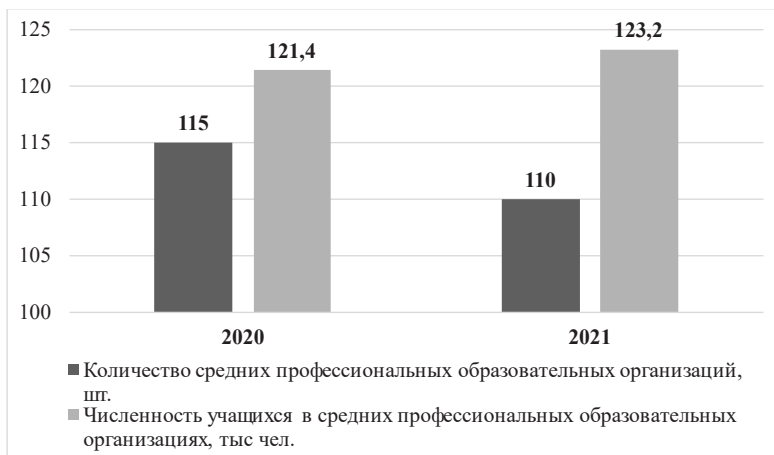

Рис. 25. Количество средних профессиональных образовательных организаций Свердловской области, функционирующих в период 2020–2021 гг., шт.

В 2021 году в Свердловской области функционировало 110 образовательных организаций, осуществляющих деятельность по образовательным программам СПО, в том числе 100 организаций, подведомственных региональным исполнительным органам государственной власти, в том числе 88 организаций, подведомственных Министерству образования и молодежной политики Свердловской области, 9 организаций – Министерству культуры Свердловской области, 1 организация – Министерству физической культуры и спорта Свердловской области, 1 организация – Министерству здравоохранения, 1 организация – Министерству социальной политики Свердловской области; 10 организаций находятся в федеральном подчинении. 10 образовательных организаций, осуществляющих подготовку специалистов среднего звена, являются частными¹.

В 2020 году общее количество студентов, обучающихся в государственных и негосударственных образовательных организациях высшего образования,

¹ Доклад «О состоянии системы образования Свердловской области в 2021 году» / Министерство образования и молодежной политики Свердловской области. – URL: <https://minobraz.egov66.ru/site/section?id=716> (дата обращения: 01.10.2022).

расположенных на территории Свердловской области, составляло 119,3 тыс. чел.¹. Число студентов вузов Свердловской области в 2021 году сократилось до 117,3 тыс. чел. В 2021 году в сфере высшего образования Свердловской области работали 24 высших учебных заведения, осуществляющих образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования разных уровней (бакалавриат, специалитет, магистратура). В их числе 15 государственных образовательных организаций, подведомственных отраслевым органам власти. В регионе 1 муниципальный вуз, 8 негосударственных образовательных организаций высшего образования, а также филиалы государственных образовательных организаций высшего образования.

На базе свердловских средних специальных и высших учебных заведений функционируют различные общественные движения, аккумулирующие потенциал учащейся молодежи к реализации социально значимой деятельности. Среди прочих молодежных движений и организаций Среднего Урала можно выделить Всероссийское общественное движение добровольцев в сфере здравоохранения «Волонтеры-медики», студенческий поисковый отряд ФГБОУ ВО «Уральский государственный аграрный университет», студенческий психологический добровольческий отряд Уральского филиала Центра экстренной психологической помощи МЧС России «Уральская конЦЭППция», Волонтерский центр Уральского Федерального университета и др. Существующие региональные ресурсные центры молодежной активности вовлекают несколько тысяч учащихся колледжей и студентов университетов с целью их включения в осуществление общественно важных практик, реализации активного гражданского социального участия.

Дадим оценку инфраструктуре молодежного участия в сфере культуры Свердловской области. Все институции культурной сферы условно можно разделить на несколько групп: учреждения культуры, предоставляющие образовательные услуги в сфере культуры; учреждения, оказывающие населению

¹ Доклад «О состоянии системы образования Свердловской области в 2021 году» / Министерство образования и молодежной политики Свердловской области. – URL: <https://minobraz.egov66.ru/site/section?id=716> (дата обращения: 01.10.2022).

услуги в культурно-досуговой сфере. Курирует работу культурных учреждений в Свердловской области региональное Министерство культуры. В соответствии с данными Министерства культуры РФ в Уральском федеральном округе в 2019 году функционировало 3 111 учреждений. В 2020 году – 3 082 учреждений, в 2021 году 3 052 учреждения¹ (табл. 32).

Таблица 32

Число учреждений культурно-досугового типа Министерства культуры РФ в субъектах, входящих в Уральский федеральный округ, в период с 2019 по 2022 гг.

Субъект РФ	2019 г.	2020 г.	2021 г.
Свердловская область	838	835	837
Курганская область	650	640	603
Тюменская область	569	567	569
ХМАО	193	193	192
ЯНАО	73	72	72
Челябинская область	788	775	779
Всего	3111	3082	3052

По официальным данным 2022 года, в Свердловской области на каждые 10 тыс. населения приходится 1,96 организаций сферы культуры, в Курганской области – 7,48, в Тюменской области – 3,66, в Челябинской области – 2,27 культурно-досуговых учреждений (табл. 33).

¹ Число учреждений культурно-досугового типа Минкультуры России / Единая межведомственная информационно-статистическая система. – URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/37790> (дата обращения: 05.10.2022).

Таблица 33

Число учреждений культурно-досугового типа в субъектах РФ, входящих в
Уральский федеральный округ (по данным Министерства культуры
Российской Федерации на 20.09.2022 г.)

Субъект РФ	Свердловская область	Курганская область	Тюменская область	ХМАО	ЯНАО	Челябинская область
Численность учреждений культурно-досугового типа по данным Министерства культуры РФ	837,0	603,0	569,0	192,0	72,0	779,0
Численность населения (по данным Федеральной службы государственной статистики на 01.01. 2022) ¹	4264340,0	805510,0	1552148,0	1702240,0	552117,0	3418606,0
Численность учреждений культурно-досугового типа на 10 тыс. человек населения	1,96	7,48	3,66	1,12	1,3	2,27

По данным регионального Министерства культуры, в Свердловской области функционирует более 800 учреждений культуры и искусства. В учреждения сферы культуры региона включены библиотеки, театрално-концертные организации,

¹ Численность населения Российской Федерации по муниципальным образованиям / Федеральная служба государственной статистики. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13282> (дата обращения: 21.09.2022).

музеи, культурно-досуговые центры, образовательные организации, реализующие просветительскую, образовательную деятельность в сфере культуры и искусства (табл. 34)¹.

Таблица 34

Число учреждений культурно-досугового типа Свердловской области
(по данным Министерства культуры Свердловской области)

Тип учреждений культуры	Учреждения культуры Свердловской области, шт.		Всего
	Учреждения, в отношении которых Министерство культуры Свердловской области осуществляет функции и полномочия учредителя	Муниципальные учреждения культуры	
Библиотека	4	836	840
Театрально-концертная организация	6	17	23
Музей	8	80	88
Культурно-досуговый центр (в т. ч. многофункциональный культурный центр)	4	855	859
Образовательное учреждение	44	135	179
Всего	66	1923	1989

В соответствии с актуальными открытыми данными Министерства культуры Свердловской области, преобладающими типами культурных учреждений региона являются библиотеки и культурно-досуговые центры. Менее всего в муниципальных образованиях области распространены театрально-концертные организации, количество которых не превышает 23 шт.

Развитием сферы культуры и координацией детских школ искусств Среднего Урала занимается ГАУК СО «Региональный ресурсный центр в сфере культуры и

¹ Организации культуры Свердловской области / Министерство культуры Свердловской области. – URL: <https://www.mkso.ru/ministerstvo/ukmkso> (дата обращения: 05.10.2022).

художественного образования»¹. Центром курируется деятельность учреждений, проводятся конкурсы и выставки, организуются конференции и обучающие семинары как для молодых уральцев, так и для региональных СОНКО. В регионе функционирует Региональный ресурсный центр добровольчества (волонтерства) в сфере культуры, являющийся структурным подразделением ГАУК СО «Инновационный культурный центр», созданный по приказу Министерства культуры Свердловской области в 2020 году. Цель Ресурсного центра – создание инфраструктуры поддержки добровольчества (волонтерства) в сфере культуры для повышения эффективности работы волонтерского движения и повышения уровня качества социокультурной жизни граждан на территории Свердловской области. Центром реализуются мероприятия по повышению уровня знаний и компетенций участников добровольческой деятельности, по популяризации добровольческих движений на территории Свердловской области.

Динамика развития сферы культуры в муниципальных образованиях Свердловской области может быть проанализирована по показателям увеличения культурных инициатив коммерческих, некоммерческих организаций, предприятий и индивидуальных предпринимателей Среднего Урала, заявленных проектов в Президентский фонд культурных инициатив (далее – ПФКИ) и привлеченных средств в разных муниципальных образованиях, расположенных на территории Свердловской области. Данный фонд является крупнейшим оператором, распределяющим гранты на проекты в культурной сфере, поддерживающим различные организации и предпринимателей, реализующих социокультурные проекты, мероприятия и другие инициативы, направленные на сохранение исторического национального наследия, развитие области искусства и креативных индустрий².

Проанализируем активность учреждений культуры, некоммерческих и коммерческих организаций Свердловской области, а также индивидуальных

¹ Региональный ресурсный центр в сфере культуры и художественного образования». – URL: <https://rsc-ural.ru/> (дата обращения: 05.10.2022).

² Указ Президента Российской Федерации от 17.05.2021 года № 287 «О создании Президентского фонда культурных инициатив».

предпринимателей региона по участию в конкурсах ПФКИ в 2021–2022 годах. В 2021 году было подано 256 заявок, 31 из которых была поддержана в грантовом конкурсе. В 2022 году количество конкурсных заявок снизилось на 59 единиц по сравнению с предыдущим отчетным периодом. Организационными и учреждениями Среднего Урала в 2022 году в рамках первого конкурса было подано 197 заявок, 38 заявок оказались победителями (рис. 26)¹.

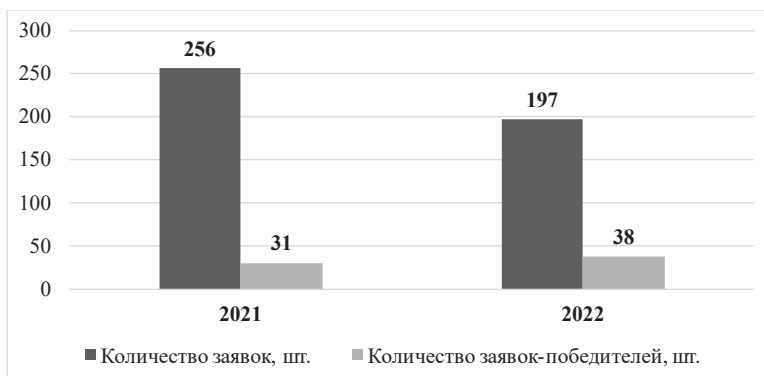

Рис. 26. Количество заявок, поданных организациями Свердловской области для участия в первом грантовом конкурсе Президентского фонда культурных инициатив 2021–2022 гг., шт.

Согласно открытым данным, в 2022 году в рамках шести грантовых конкурсов (первый, первый специальный, второй, второй специальный и третий специальный, четвертый специальный конкурсы) от организаций Свердловской области были поданы заявки в количестве 431 единицы. Каждые три из четырех заявленных для участия в конкурсе проектов (76 %) определили молодое поколение в качестве целевой группы. При этом половина заявок (49 %), выделивших молодых граждан как основную целевую аудиторию общественно значимых практик, ориентированы на работу с детьми и подростками до 18 лет, вторая половина (51 %) нацелена на взаимодействие с молодыми людьми и девушками в возрасте от 18 до 35 лет.

¹ Президентский фонд культурных инициатив. – URL: <https://фондкультурныхинициатив.рф/public/> (дата обращения: 05.10.2022).

Из 431 заявленного проекта для участия в конкурсе лишь 58 инициативам в сфере культуры и искусства удалось получить грантовую поддержку. 81 % инициатив учреждений Среднего Урала, зарегистрированных для участия в конкурсах ПФКИ и получивших соответствующую материальную поддержку в 2022 году, направлены на изменение сложившегося положения дел относительно детей, подростков и молодежи. Из победивших проектов, определивших молодых граждан как главную целевую группу, 45 % инициатив нацелены на осуществление работы с детьми и подростками до 18 лет, 55 % – с молодыми людьми и девушками от 18 до 35 лет.

Таким образом, в Свердловской области существует разветвленная сеть некоммерческих организаций, инициативно заявляющих и реализующих в социокультурной сфере разнообразные общественно значимые проекты для молодежи и с участием молодежи. Такие социокультурные практики находят не только соответствующий отклик у молодых горожан, но и поддержку со стороны государства. Молодым гражданам Свердловской области предоставляются возможности реализации активного социального участия на базе учреждений образования, где развитие получило большое число молодежных движений различной направленности. В рамках этих структур тысячи школьников, студентов колледжей и высших учебных заведений области реализуют свой творческий потенциал, осознанно планируют и проводят свободное время.

5.2. Реальный опыт и информированность городской молодежи Среднего Урала о возможностях социального участия в социокультурных проектах

Рассмотрение социокультурных характеристик учащейся молодежи Свердловской области начнем с анализа ее идентификации с полем социальной ответственности за определенную сферу социальной реальности и общественной

жизни. Одним из существенных показателей здесь является сфера территориальной ответственности¹.

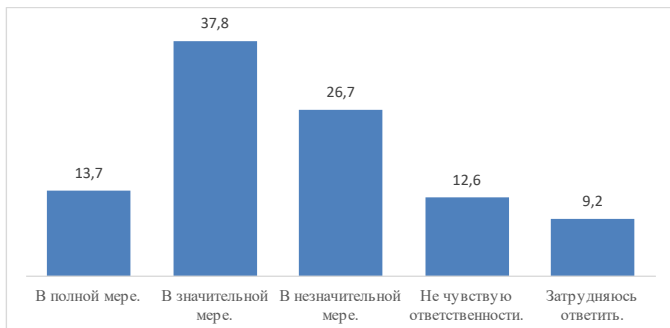

Рис. 27. Молодежь Свердловской области о чувстве ответственности за то, что происходит их городе (селе, поселке) (в % от числа ответивших)

В целом за происходящее в своем месте проживания (городе, поселке, селе) в полной и значительной мере чувствуют себя ответственными 51,5 % молодежи, в незначительной мере – 26,7 %, не чувствуют ответственность – 12,6 %. Затруднились ответить 9,2 %.

При этом повлиять на то, что происходит в городе (селе, поселке), могут по собственным оценкам 31,6 % респондентов; считают, что не могут оказывать влияние 59,5 % и практически 8 % затруднились дать определенный ответ (рис. 28)². Эти цифры в сравнении с предыдущими демонстрируют ограничения в сфере ответственности молодежи, характеризующиеся наличием как институциональных, так и субъективно-личностных барьеров для ее реализации.

¹ Вопрос в инструменте: «В какой мере Вы чувствуете ответственность за то, что происходит в нашем городе (селе, поселке)?»

² Вопрос в инструменте: «Как Вы считаете, в какой мере Вы лично можете повлиять на то, что происходит в нашем городе (селе, поселке)?»

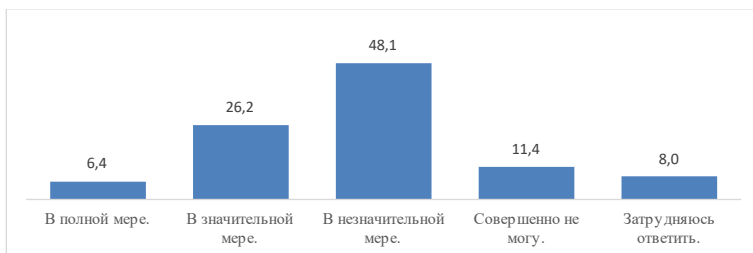

Рис. 28. Молодежь Свердловской области о возможности повлиять на то, что происходит в их городе (селе, поселке) (в % от числа ответивших)

Еще одним аспектом социальной ответственности является рассмотрение мнений молодежи о том, какую роль должны играть разные социальные группы в развитии общественных пространств и культурно-исторических мест города (поселка) (рис. 29). Большая часть молодежи считает, что основным носителем ответственности являются муниципальные чиновники (74,2 %). Это свидетельствует, с одной стороны, о существующей норме и сложившихся практиках управления, с другой – о сформированных элементах патерналистского отношения к власти в сфере социального участия.

Половина респондентов основными акторами развития городских пространств называют самих горожан (51,2 %). Третья часть молодежи видит в качестве субъектов ответственного поведения городских активистов и волонтеров (33,1 %). Культурная интеллигенция, представители бизнес-сообщества, меценаты и благотворители, по мнению каждого четвертого респондента, должны вносить свой вклад в развитие городского пространства. При патерналистском настрое высокая роль горожан, городских активистов и волонтеров подтверждает выводы целого ряда социологов, выделяющих рост социальной ответственности российской молодежи, повышение вовлеченности в практики волонтерства и коллективного действия, экоактивизма¹¹.

¹¹ Ушкин С. Г. От теоретических конструкций к практическим убеждениям: как этические принципы реализуются в жизненных стратегиях молодежи / С. Г. Ушкин, Е. А. Коваль, Н. В. Жадунова // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2020. – № 3. – С. 66–93.

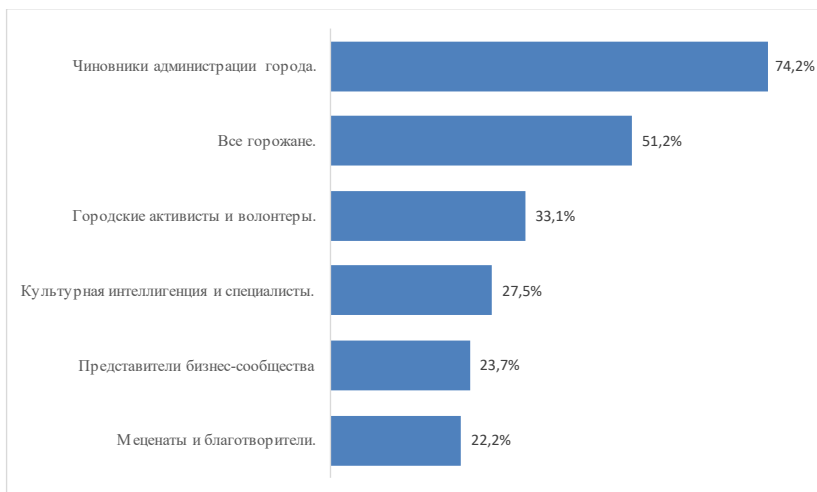

Рис. 29. Молодежь Свердловской области о том, кто прежде всего должен вносить свой вклад в улучшение общественных пространств и культурно-исторических мест города (поселка) (в % от числа ответивших)¹

Опыт волонтерской деятельности как активного социального участия за последний год имели 56 % молодых уральцев, в том числе 15 % занимались такой деятельностью на постоянной основе – не реже чем 1 раз в месяц, 2 % делали что-то безвозмездно в интересах незнакомых людей не реже чем 3–5 раз в год и 29 % имели опыт разового социального участия. Были включены в экологические проекты и акции 40 % из числа всех опрошенных, в социальные мероприятия вовлечена оказалась практически треть (32 %), в спортивные городские соревнования и проекты 17 % молодых жителей Свердловской области. Однако при изучении реальных практик участия молодежи было установлено, что опыт активного социального участия имеют 68 % из числа опрошенной учащейся молодежи региона (рис. 30).

¹ Вопрос в инструменте: «Как Вы думаете, кто прежде всего должен вносить свой вклад в улучшение общественных пространств и культурно-исторических мест вашего города (поселка)?»

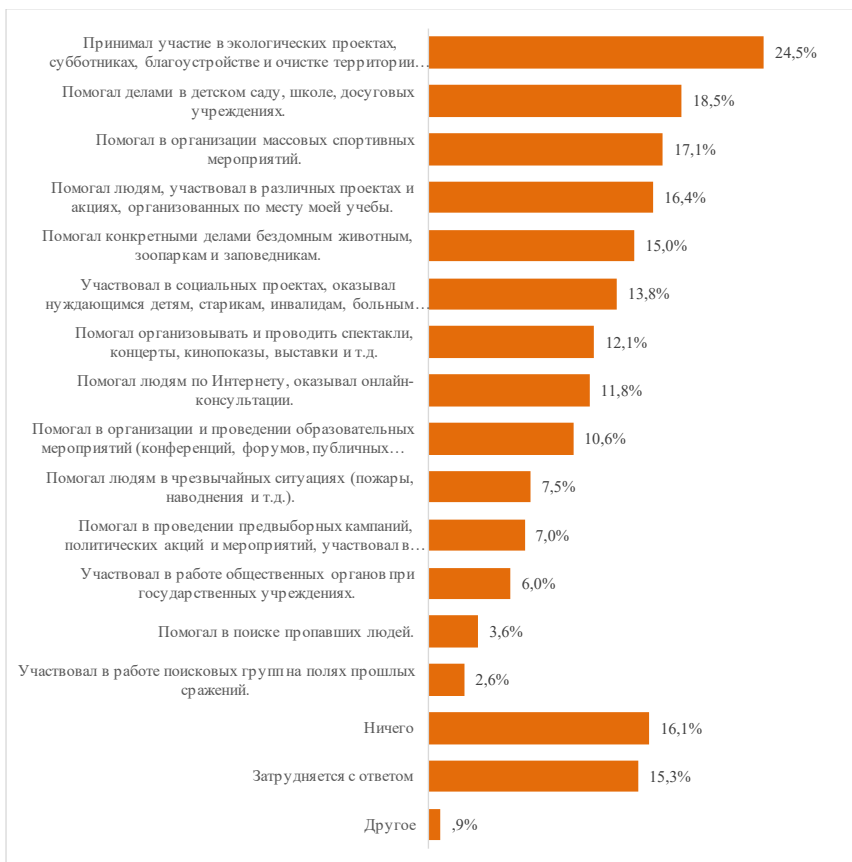

Рис. 30. Практики активного социального участия молодежи Свердловской области (в % от числа ответивших)

Говоря о своем добровольческом опыте как активной практике социального участия, молодые уральцы отмечали, что в основном их добровольческие усилия были направлены на изменения в своем городе, районе, улице или доме – так ответили 77 % опрошенных. Пятая часть (20 %) из числа всех опрошенных совершали действия, которые приносили пользу своей стране, а остальные 3 % – помогали людям в других странах. Несмотря на то, что оказание помощи продиктовано преимущественно прагматическими мотивами, безопасность

просоциального поведения молодежи обеспечивается соблюдением групповых правил и отсутствием эгоистичных ожиданий взаимности¹.

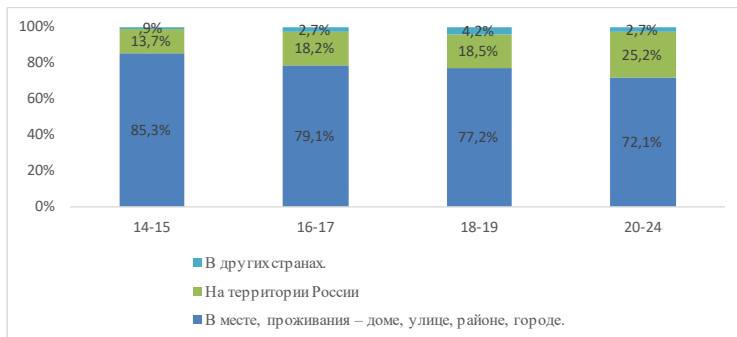

Рис. 31. Зависимость объекта приложения добровольческих усилий от возраста опрошенных (в % от числа ответивших)

Объект приложения добровольческих усилий зависит от уровня образования опрошенных, молодые люди и девушки с общим образованием чаще прилагали усилия для улучшения условий на локальной территории. Это напрямую связано с их возрастом. Чем старше респонденты, тем больше среди них людей, принимавших участие в российских крупномасштабных социальных акциях или инициативах.

Уровень активности молодежи в различных видах деятельности за последний год был достаточно высок (табл. 35). Прежде всего это касалось социальной активности в области спорта и физической культуры (74 %); культурно-массовых мероприятий (68 %), путешествий внутри страны (61 %); культурного потребления (посещение театра, творческих вечеров, выставок, концертов – 59 %). Почти половина респондентов получала дополнительное образование (48 %), занимались научной и публицистической деятельностью (40 %). Таким образом, в большей мере молодежь Свердловской области в практиках социального участия ориентирована на себя, свои индивидуальные потребности.

¹ Кисляков П. А. Моральные основания и социальные нормы безопасного просоциального поведения молодежи / П. А. Кисляков, Е. А. Шмелева, М. О. Александрович // Образование и наука. – 2020. – № 10. – С. 116–138.

Различные формы гражданской активности были реализованы каждым третьим (подписывал петиции в интернете – 31 %), каждым четвертым респондентом (участвовал в митингах и массовых общественных акциях по собственному желанию – 24 %). Социальное участие в виде онлайн-пожертвований на счет благотворительных организаций, больным людям было характерно для каждого четвертого (24 %).

Таблица 35

Молодежь Свердловской области об основных формах активности за последний год (в % от числа ответивших)

Отметьте, что из перечисленного Вам доводилось делать за последний год?	%
Посещал спортивные секции, фитнес-центр, бассейн, тренировался на свежем воздухе	74
Посещал массовые культурные мероприятия в своем городе (фестивали, дни города и пр.)	68
Самостоятельно путешествовал по России	61
Ходил в театр, посещал творческие вечера, выставки, концерты	59
получал дополнительное образование, посещал курсы (водительские, языковые и т. д.)	48
Писал научно-исследовательскую работу, проект, статью	40
Подписывал петиции в интернете	31
Отправлял онлайн-пожертвования на счет благотворительных организаций, больным людям	27
Участвовал в митингах и массовых общественных акциях по собственному желанию	24
Самостоятельно путешествовал в зарубежных странах	11

Разнонаправленные формы активности региональной молодежи показывают ориентацию поколения преимущественно на себя, на досуговые практики, саморазвитие. Политическое участие не является столь популярным и востребованным в молодежной среде. Несмотря на то, что молодые люди и девушки имеют в своем распоряжении достаточно инструментов политической социализации, они видят перед глазами действующие государственные

управленческие практики и продолжают в своем политическом поведении придерживаться установки политического абсентеизма и апатии¹.

Четвертая часть молодежи Свердловской области состоит хотя бы в одном из нижеперечисленных общественных объединений, а 26 % когда-либо принимали участие в их деятельности. Обычно представители молодежи вовлечены в деятельность нескольких организаций. Интересна дифференциация молодежи по формам активности в зависимости от участия в различных молодежных организациях (табл. 26). Представленные табличные данные показывают, что все формы активности проявляются в гораздо большей степени у организованной молодежи. Эти два параметра взаимно увязаны, взаимообусловлены: более активная молодежь вступает в молодежные организации разного типа, члены молодежных организаций проявляют большую активность и в других видах образовательной, культурной, социальной деятельности.

Таблица 26

Молодежь Свердловской области об основных формах активности за последний год в зависимости от участия в молодежных организациях
(в % от числа ответивших)

Отметьте, что из перечисленного Вам доводилось делать за последний год	Состоит в молодежной организации	Не состоит
Получал дополнительное образование, посещал курсы (водительские, языковые и т. д.)	55	44
Ходил в театр, посещал творческие вечера, выставки, концерты	70	53
Посещал массовые культурные мероприятия в своем городе (фестивали, дни города и пр.)	77	62
Участвовал в митингах и массовых общественных акциях по собственному желанию	38	16
Самостоятельно путешествовал по России	44	37
Самостоятельно путешествовал в зарубежных странах	14	10
Посещал спортивные секции, фитнес-центр, бассейн, тренировался на свежем воздухе	79	70
Писал научно-исследовательскую работу, проект, статью	48	36
Подписывал петиции в интернете	33	29
Отправлял онлайн-пожертвования на счет благотворительных организаций, больным людям	31	24

¹ Процесс усвоения политических ценностей и динамика развития института гражданского участия в молодежной среде / Ю. О. Обухова, А. С. Сафонова, М. С. Арканникова, А. Г. Танова // Коммуникология. – 2020. – № 3. – С. 95–108.

Одной из значимых характеристик социального участия молодежи является деятельность в различных отрядах, сообществах или организациях, функционирующих при образовательном учреждении (табл. 27).

Таблица 27

Молодежь Свердловской области о наличии в их образовательной организации (школе, колледже, вузе) отрядов, сообществ или организаций
(в % от числа ответивших)

Альтернативы ответов	%
Да, я участвую в их деятельности	36,5
Да, я знаю о них, но не принимаю участия в их проектах и акциях	32,0
Нет, их точно нет	10,0
Я не владею информацией о том, есть ли такие организации в нашем учреждении	21,5
Всего	100,0

Так, 36,5 % молодежи отмечают, что принимают участие в социальных проектах и акциях, организованных учебными заведениями. Третья часть респондентов знает о них, но не принимает участия в их проектах и акциях (32,0 %). Не владеет информацией каждый пятый (21,5 %). Каждый десятый уверен, что таких проектов нет.

На вопрос: «Практически в любом городе/поселке есть крупные предприятия или организации, в которых работают много людей, проживающих на этой территории. Проводятся ли этими организациями какие-то социальные программы, культурные мероприятия или акции для города?». Положительно ответило больше половины респондентов (53 %), отрицательно только 13 %, заявили о своей неинформированности третья часть опрошенной молодежи (33 %).

Характеризуя уровень информированности молодежи о молодежных организациях, которые существуют в их населенном пункте, можно отметить, что по их самооценкам он невысок. Чуть больше половины респондентов (55,6 %) отметили, что имеют какое-то представление о них. Молодежная политика в РФ ориентирована на формирование крупной событийной повестки и реализацию

широкомасштабной форумной кампании в области образования, науки, творчества, социальной активности. О каких молодежных крупных фестивалях, форумах знают школьники и студенты Свердловской области? (табл. 28).

Таблица 28

Информированность молодежи Свердловской области о молодежных организациях (в % от числа ответивших)

Альтернативы ответов	Форум «Территория смыслов»	Форум «Таврида»	Форум «Волга»	ТИМ «Бирюса»	Форум «Утро»
Ничего не слышал	71,4	64,6	75,5	78,3	72,0
Что-то слышал ранее	19,7	23,8	16,3	14,8	16,1
Хорошо информирован о мероприятии	6,5	9,3	6,2	5,2	8,7
Участвовал сам	2,4	2,3	2,1	1,7	3,2
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Дадим общие характеристики информированности молодежи о крупных молодежных мероприятиях на основе их самооценок. Постараемся подчеркнуть, что полное отсутствие подобной информации в реальности у 70–80 % молодежи. Частично что-то слышали об этих форумах, слетах, фестивалях 15–20 % молодых уральцев. Высокий уровень информированности имеют от 5 % до 9 % респондентов, а полная информированность на основе личного участия у 2–3 % молодежи.

Итак, молодежь региона отличает достаточный уровень осознания своей ответственности за происходящее в городах (селах, поселках) проживания молодых уральцев. Однако уверенность в том, что они в силах повлиять на происходящее, по оценкам молодых людей и девушек Свердловской области, в молодежном сообществе существенно слабее. Основную ответственность и возможности по изменению социокультурной ситуации в городах проживания молодежь региона перекладывает на плечи чиновников, сохраняя тем самым патерналистский тип отношения ко всему происходящему. При этом молодежное сообщество Свердловской области разделяется: половина молодых уральцев видит в числе ответственных за происходящее самих горожан, треть верит в городских

активистов и добровольцев. Опыт активного социального участия в социальных, культурных, спортивных городских проектах имеет большинство. Что-либо социальное полезное молодые люди и девушки делают предельно конкретно для того, чтобы повлиять на изменения там, где они непосредственно живут – в своем родном городе, районе или улице.

Уральская молодежь в целом социальна активна, чаще всего молодые уральцы делают что-либо для себя, своего здоровья, саморазвития, только четверть имеет опыт политического или благотворительного участия. Свою социальную активность молодежь связывает более с социальными аспектами нежели с участием в политических процессах. Эту тенденцию подтверждают исследования российских социологов, которые подчеркивают низкий охват молодежных политических организаций. Молодежь не стремится активно заявлять свои политические позиции и становиться членами молодежных политических организаций, хотя достаточно активно готова принимать участие в их социальных мероприятиях¹. Практически половина учащейся молодежи Свердловской области имеет опыт активности в молодежных организациях и сообществах, треть вовлечена в деятельность отрядов и организаций, которые функционируют в региональной образовательной среде, треть дистанцируется от такой активности и участия.

Примерно третья часть молодежи замкнута на себя, не информирована о городской общественной активности, не видит себя в социокультурном городском пространстве событий и мероприятий. Исследование позволило выявить проблему частичной изолированности активной молодежи и неинформированности большинства молодых уральцев о всероссийской и региональной форумной кампании для молодых россиян. Именно на такую повестку ориентирована молодежная политика в стране, однако она затрагивает только 2–3 % вовлеченных молодых людей и девушек, и треть информированных о таких возможностях социального участия. Большая часть молодежи нуждается в ощущении своей

¹ Отроков О. Ю. Специфика деятельности некоммерческих организаций России в направлении политической социализации молодежи / О. Ю. Отроков // Власть. – 2021. – № 2.

востребованности, причастности к судьбе страны, однако «форумная кампания» затрагивает лишь небольшую часть молодого поколения и не может усилить его роль в обществе.

5.3. Потенциал управления молодежным участием в культурной сфере городов Свердловской области

Вовлеченность современной молодежи в социокультурную сферу мы рассматриваем в качестве проявления особого типа общественного участия в пространстве повседневности – социального¹. Социальное участие молодого поколения можно идентифицировать в разных видах групповой активности. Эти виды реализуются в рамках обыденной коллективной деятельности с целью удовлетворения общественных интересов и потребностей². Многие практики активного социального участия базируются на общественных гражданских ценностях, взаимном доверии, чувстве солидарности³. К таковым практикам можно отнести и городские акции, и проекты, носящие массовый характер и характеризующиеся легкостью входа в них (например, городские субботники, фестивали, выставки, ярмарки). При этом добровольческая деятельность всегда сопровождает организацию и проведение общенациональных, региональных или локальных городских мероприятий, дополняя вариативность практик социального участия горожан как зрителей, активных и инициативных соучастников городской жизни.

Участие молодых людей и девушек в социокультурных городских практиках непременно сопряжено с их локализацией как территориальным пространством – местом проживания, работы, учебы, отдыха. Такая городская среда важна для

¹ Никовская Л. И. Гражданское участие: особенности дискурса и тенденции реального развития / Л. И. Никовская, И. А. Скалабан // Полис. Политические исследования. – 2017. – № 6. – С. 43–60.

² Управление социальным участием молодежи в социокультурном развитии городов России и постсоветских стран / М. В. Певная, Е. А. Шуклина, М. Черникова-Бука [и др.]// Научный результат. Социология и управление. – 2020. – № 4. – С. 184–200.

³ Савельев Ю. Б. Основные типы участия в общественной жизни европейских стран / Ю. Б. Савельев // Социологические исследования. – 2013. – № 12 (356). – С. 64–71.

молодежной активности как социального участия. Она динамична, постоянно развивается, обеспечивая качество жизни разных групп горожан, в том числе молодежи, в соответствии с их возможностями, интересами, предпочтениями и личными целями. Городское социокультурное пространство в целом многослойно и крайне вариативно. Оно складывается специфическим сочетанием его подпространств, обуславливающих возникновение локальной культурной идентичности и требующих особых механизмов вовлечения горожан, в том числе молодежи, в его поле¹. Таким образом, именно в городской среде задаются предпосылки к формированию особой локальной идентичности молодых граждан².

Потенциал управления молодежным участием в социокультурной городской среде сопряжен с заинтересованностью самих молодых людей и девушек в городских публичных проектах и мероприятиях, их мотивацией в них участвовать. Еще одним значимым фактором для планирования и осуществления управления социальным участием молодых горожан могут рассматриваться условия, достижение которых могло бы помочь реализовать намерения молодых горожан в отношении их вклада в свое будущее в контексте настоящего и будущего территории своего проживания с учетом сохранения культуры и истории последнего.

Муниципальные образования Свердловской области как одного из ведущих регионов РФ являются неоднородными по своим характеристикам. Они отличаются размером территории, численностью населения, экономической структурой и т. д. Столицей Среднего Урала является крупный промышленный мегаполис – Екатеринбург. Его численность на 1 января 2022 года составляла 1,525 млн чел. или более трети (36 %) от общего числа жителей Свердловской области³.

¹ Шуклина Е. А. Методологические основы междисциплинарных исследований социального участия молодежи постсоветских стран в социокультурном развитии города / Е. А. Шуклина, М. В. Певная // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2020. – № 5 (68). – С. 101–113.

² Управление социальным участием молодежи в социокультурном развитии городов России и постсоветских стран / М. В. Певная, Е. А. Шуклина, М. Черникова [и др.] // Научный результат. Социология и управление. – 2020. – № 4. – С. 184–200.

³ Численность населения по муниципальным образованиям на 1.01.2022 и в среднем за 2021 год / Управление Федеральной службы государственной статистики по Свердловской области и Курганской области. – URL: <https://sverdlgks.ru/folder/29698> (дата обращения: 01.10.2022).

Неравномерное распределение населения в пределах региона в некотором плане соответствует и неравномерному распределению ключевых ресурсов (организационных, финансовых, культурных, образовательных) развития муниципальных образований как отдельных территорий. Как ведущий город и научно-образовательный региональный центр Екатеринбург сосредоточил максимально возможное число ресурсов, средств и механизмов развития, каналов социального и политического взаимодействия. Богата, вариативна и его социокультурная среда, где функционирует множество социальных, культурных и образовательных институций, реализуются различные мероприятия. Именно в региональной столице таким образом аккумулируются возможности, формируются особые условия для молодежного участия, существенно различающиеся с условиями городской среды в других муниципальных образованиях региона. Однако в ходе нашего эмпирического исследования – социологического опроса молодежи Свердловской области было установлено, что на заинтересованность и готовность молодого поколения включаться в социально значимые городские практики и социокультурные проекты не оказывает существенного влияния тип и размер территориального поселения, в котором проживают респонденты.

Для того чтобы охарактеризовать заинтересованность молодых жителей Свердловской области в реализации социокультурных проектов своего города, был замерен уровень готовности молодых уральцев к участию в наиболее распространенных городских социальных практиках. Готовность участвовать в социальных проектах по городской тематике – важный маркер молодежного участия в целом. К типичным социокультурным практикам участия были отнесены городские международные и всероссийские события, массовые культурные и социально значимые мероприятия, типовые массовые городские акции, а также проекты, отражающие городскую социокультурную специфику, имеющие культурно-историческое содержание.

Осознание молодыми горожанами своей готовности к вовлечению в обозначенный событийный контент предполагает разные виды участия молодежи в этих мероприятиях и проектах: от разового до регулярного, от пассивного до

активного. Однако в соответствии с выбранным методическим решением, готовность к активному участию замерялась в отношении к событиям и массовым мероприятиям с позиции возможного или приемлемого для респондентов ролевого поведения, а именно добровольного труда в логике причастности к организации или активности в позиции организованного кем-то участника социокультурных проектов и типичных городских акций.

Респондентам был задан вопрос: «Готовы ли вы принимать участие в следующих городских мероприятиях?». Все опрошенные могли выбрать несколько альтернатив из предложенных практик социального участия в социокультурном развитии своего города (табл. 29).

Таблица 29

Готовность молодежи Свердловской области к участию в городских социально значимых мероприятиях и проектах (в % от опрошенных)

Деятельность	Готов принимать участие	Не готов принимать участие	Затрудняюсь ответить
Готовность помогать в организации соревнований, различных мероприятий для подростков, многодетных семей, одиноких и пожилых	73	25	2
Готовность присоединиться к группам горожан, которые участвуют в субботниках, проводят городские праздники и социальные мероприятия	70	29	1
Готовность помогать в организации крупных международных и всероссийских массовых мероприятий	67	30	3
Готовность помогать в организации выставок, ярмарок, публичных мероприятий, где горожане и гости города смогут с пользой проводить свое время	65	32	3
Готовность принимать участие в социальных проектах по городской тематике	60	38	2

Согласно данным нашего опроса, 9 % из числа всех опрошенных оказались абсолютно не готовыми к участию в какой-либо из предложенных практик социального участия. В среднем же в группе готовых к такому участию каждый респондент выбирал 3,3 практики из пяти предложенных. Практически трое из

четырёх (73 %) респондентов готовы активно включаться в социально значимые городские мероприятия, ориентированные на слабозащищенные группы горожан. Еще 70 % из числа всех опрошенных готовы присоединяться к типичным городским мероприятиям, таким как субботники, городские праздники и социальные акции. К событийному городскому волонтерству готовы 67 % молодых горожан региона. Что касается реализации молодежного участия исключительно по культурному направлению, 65 % молодых респондентов отметили свою готовность помогать в организации публичных культурных мероприятий (выставок, ярмарок и т. п.). Участие в социальных проектах по городской проблематике, требующее, на наш взгляд, более серьезного уровня вовлеченности, интересует лишь 60 % молодых уральцев из числа учащейся молодежи.

К организации спортивных соревнований и прочих мероприятий оказались готовыми равные доли опрошенной молодежи Екатеринбурга (73 %) и других населенных пунктов Свердловской области (73 %). К участию в типовых городских социокультурных проектах готовы 72 % молодых людей и девушек, проживающих в менее крупных городах, и 68 % тех, кто проживает в столице региона. Каждый третий из четырех опрошенных (74 %) жителей мегаполиса выразил желание присоединиться к практикам событийного волонтерства. Среди респондентов из прочих муниципальных образований Среднего Урала такое желание отметили лишь 62 %. Реализация социального участия в культурной сфере интересует примерно одинаковое число молодежи как Екатеринбурга (64 %), так и за его пределами (66 %). Что касается осуществления социально значимых практик в городском пространстве, 56 % опрошенных из крупнейшего областного города и 60 % респондентов, проживающих в других территориальных поселениях, готовы включаться в реализацию проектов по городской тематике.

Параллельно со Всероссийским движением «Волонтеры Культуры» в российских городах развивается инфраструктура молодежного участия в сфере культуры этих населенных пунктов. Активно формируется сеть волонтерских центров на базе образовательных учреждений, государственных, негосударственных некоммерческих организаций, учреждений сферы культуры,

обеспечивающая вовлечение россиян в деятельность по восстановлению и сохранению культурно-исторического наследия страны, сохранению памятников истории и культуры, оказанию содействия в организации и проведении массовых мероприятий в сфере культуры и т.д.

В соответствии с задачами программы волонтерского движения «Волонтеры культуры» в исследовании были определены ключевые направления возможного участия молодежи в развитии культурной городской сферы, а именно, организация культурного досуга детей, работа в волонтерских центрах на базе учреждений культуры, участие в популяризации национального культурного наследия и др. Для того, чтобы выявить заинтересованность молодежи Свердловской области в разных направлениях такого участия, респондентам в анкете был задан поливариантный вопрос: «Какую помощь в развитии Вашего города Вам интересно было бы реализовать?». Интерес к различным практикам участия не проявили лишь 2 % опрошенных молодых людей и девушек. 98% респондентов в среднем выбирали по 4 альтернативы из 16 предложенных нами практик активного участия в культурной сфере. Результаты опроса показали, что молодые жители одного из крупнейших регионов РФ в наивысшей степени заинтересованы в публичных городских культурных мероприятиях, хотели бы помогать в их проведении 37 % молодых уральцев, в организации досуга детей хотели бы участвовать 35 % респондентов. Почти каждый третий молодой горожанин Свердловской области (28 %) считает интересным для себя участие в создании и благоустройстве культурных, общественных пространств своего города, а также отметил свои намерения и вовлеченность в разработку, продвижение и реализацию культурных событий в городе (29 %). Наименее интересными для молодых уральцев стали более специализированные практики участия в культурной городской сфере. Помощь в организации и проведении инклюзивных городских проектов интересна почти для каждого пятого из числа всех опрошенных (18 %), участвовать в фандрайзинге для поддержки культурных, общественных мероприятий хотели бы 17 % респондентов, работать с посетителями и экспонатами культурных учреждений – только 15 % из числа всех опрошенных молодых уральцев (табл. 30).

Заинтересованность молодежи Свердловской области в социокультурных
практиках участия и развития культурной городской сферы
(в % от положительно ответивших)

Деятельность	Заинтересованность молодежи, %	Ранг
Помогать в проведении публичных мероприятий (мастер-классов, перформансов, выставок)	37	1,0
Организовывать культурный досуг детей	35	2,0
Участвовать в разработке, продвижении и реализации культурных событий в городе	29	3,0
Участвовать в создании и благоустройстве культурных и общественных пространств города	28	3,5
Работать в волонтерских центрах на базе учреждений культуры (музеев, библиотек, парков, домов культуры, культурно-досуговых центров и др.)	28	3,5
Участвовать в организации мероприятий для создания в учреждениях атмосферы открытости, привлечения новых посетителей (экскурсий, мастер-классов, лекториев, литературных субботников и пр.)	28	3,5
Помогать в продвижении учреждений культуры и их деятельности среди целевой аудитории (распространение информации о мероприятиях, билетов, рекламы, участие в PR-акциях и пр.)	24	4,0
Участвовать в работах по сохранению культурного наследия, восстановлению памятников истории и культуры	24	4,0
Участвовать в создании и продвижении экскурсионных (туристических) маршрутов в городе	23	5,0
Участвовать в популяризации культурного наследия (лекциях, дискуссиях, экскурсиях, квестах, благотворительных проектах и пр.)	22	6,0
Быть членом любительского сообщества при учреждении, например клуба друзей театра, филармонии, музея и пр.	21	6,5
Ассистировать на лекциях, занятиях в учреждениях культуры, в творческих лабораториях, поисково-исследовательских экспедициях и др.	21	6,5
Быть волонтерами фондов и библиотек: следить за сохранностью объектов, встречать посетителей, оцифровывать и каталогизировать архивные материалы	19	7,0
Реализовывать инклюзивные проекты, например культурное обслуживание граждан с ограниченными возможностями	18	8,0
Участвовать в добровольном сборе средств для поддержки культурных, общественных мероприятий	17	9,0
Работать с посетителями и экспонатами	15	10,0

Приоритетные практики реализации активного социального участия в сфере культуры имеют некоторые отличия в оценках респондентов из столичного регионального города и других территориальных поселений Среднего Урала. При этом опрошенные из обеих квот по типу численности населенных пунктов выбирали в среднем также по 4 альтернативы из 16 предложенных.

Для опрошенной молодежи Екатеринбурга наиболее привлекательной практикой реализации участия в культурной сфере является оказание помощи в проведении публичных мероприятий (43 %). Каждый третий молодой екатеринбуржец оказался заинтересованным в разработке, продвижении, осуществлении городских культурных мероприятий (34 %) и организации культурного досуга детей (31 %).

Для респондентов, проживающих в малых и средних городах области, приоритетным направлением для реализации собственного участия в сфере культуры является организация детского досуга (38 %). Каждый третий опрошенный нами молодой житель небольшого муниципального образования Среднего Урала оказался заинтересованным в проведении публичных городских мероприятий (34 %), создании и благоустройстве культурных и общественных пространств города (29%). Еще 29 % опрошенной молодежи из прочих населенных пунктов региона предпочли бы работать в волонтерских центрах на базе учреждений культуры (табл. 31).

Таблица 31

Заинтересованность молодежи Екатеринбурга и других городов Свердловской области в социокультурных практиках участия и развития культурной городской сферы (в % от положительно ответивших)

Деятельность	Заинтересованность молодежи, %	
	Екатеринбург	Другие города
Помогать в проведении публичных мероприятий (мастер-классов, перформансов, выставок)	43	34
Организовывать культурный досуг детей	31	38
Участвовать в создании и благоустройстве культурных и общественных пространств города	26	29
Участвовать в разработке, продвижении и реализации культурных событий в городе	34	25
Работать в волонтерских центрах на базе учреждений культуры (музеев, библиотек, парков, домов культуры, культурно-досуговых центров и др.);	26	29
Участвовать в организации мероприятий для создания в учреждениях атмосферы открытости, привлечения новых посетителей (экскурсий, мастер-классов, лекториев, литературных субботников и пр.);	30	26
Помогать в продвижении учреждений культуры и их деятельности среди целевой аудитории (распространение информации о мероприятиях, билетов, рекламы, участие в PR-акциях и пр.)	25	24
Участвовать в работах по сохранению культурного наследия, восстановлению памятников истории и культуры	19	26
Участвовать в создании и продвижении экскурсионных (туристических) маршрутов в городе	26	22
Участвовать в популяризации культурного наследия (лекциях, дискуссиях, экскурсиях, квестах, благотворительных проектах и пр.)	21	22
Быть членом любительского сообщества при учреждении, например клуба друзей театра, филармонии, музея и пр.	22	21
Ассистировать на лекциях, занятиях в учреждениях культуры, в творческих лабораториях, поисково-исследовательских экспедициях и др.	24	19
Быть волонтерами фондов и библиотек: следить за сохранностью объектов, встречать посетителей, оцифровывать и каталогизировать архивные материалы	16	21
Реализовывать инклюзивные проекты, например культурное обслуживание граждан с ограниченными возможностями	18	18
Участвовать в добровольном сборе средств для поддержки культурных, общественных мероприятий	15	18
Работать с посетителями и экспонатами	15	15

Активное социальное участие, в свою очередь, предполагает не только намерения, но и обязательное наличие деятельностной компоненты. Добровольчество является одним из ключевых видов активного социального участия молодежи в различных сферах общественной жизни. В определении приоритетных для молодежи сфер волонтерской деятельности в анкете респондентам был задан вопрос: «В какой сфере Вы бы хотели заниматься добровольческой деятельностью?». В среднем каждый респондент выбирал 2,4 альтернативы из 12 предложенных (табл. 32).

Таблица 32

Приоритетные сферы реализации волонтерской деятельности в оценках учащейся молодежи Свердловской области (в % от опрошенных)

Деятельность	Приоритетные сферы реализации волонтерства, %	Ранг
Физическая культура и спорт	34	1,0
Охрана природы	33	2,0
Культура	29	3,0
Развитие городской среды и туризма	25	4,0
Здравоохранение	23	5,0
Социальная поддержка и социальное обслуживание населения	21	6,0
Повышение компьютерной грамотности населения	15	6,5
Предупреждение и ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций	15	6,5
Содействие в поиске пропавших людей, содействие органам внутренних дел и иным правоохранительным органам в охране общественного порядка	15	6,5
Гражданско-патриотическое воспитание	14	7,0
Финансовое просвещение	12	8,0
Обеспечение доступности правовой поддержки населения	9	9,0

В качестве приоритетной сферы для оказания безвозмездной помощи трое из четырех опрошенных (34 %) выбрали сферу физической культуры и спорта либо сферу охраны природы (33 %). Такое положение дел демонстрирует

ориентированность современного молодого поколения на здоровый образ жизни и экологическое поведение, доказанную неоднократно в молодежных исследованиях¹. На третьем месте по популярности в молодежной среде Свердловской области оказалась сфера культуры, ее в качестве приоритетной обозначил 29 % респондентов. Каждый четвертый из числа всех опрошенных (25 %) подчеркнул свою заинтересованность в реализации проектов развития городской среды и туризма. Еще 23 % респондентов выбрали сферу здравоохранения, 21 % – сферу социального обслуживания населения. Более специализированные сферы, требующие профессиональных знаний, особого интереса со стороны молодежи оказались менее популярны и привлекательны.

Региональная столица аккумулирует ресурсы социокультурного развития территорий. В итоге проявляется определенная диспропорция возможностей для реализации молодежного участия в социокультурном развитии городов Свердловской области. В рамках нашего исследования нам удалось выявить важную социальную проблему – дисбаланс между спросом на социальное участие со стороны молодежи и предложением возможностей социокультурной активности в городской среде. Интересно, что опрошенные нами молодые уральцы, проживающие в малых городах и населенных пунктах, проявили практически одинаковую заинтересованность в сферах реализации своей добровольческой деятельности с молодежью Екатеринбурга (табл. 33). В разных региональных городах в целом не обозначили свои приоритеты в отношении сфер для реализации волонтерской деятельности 2 % респондентов, тогда, как в Екатеринбурге этого не сделали только 1 % от числа всех опрошенных данной группы. Молодежь, проживающая за пределами регионального центра, оказались более заинтересована в реализации своей активности по направлениям охраны природы, развития городской среды, туризма и здравоохранения. Если в Екатеринбурге эти сферы выбирали 29 %, 23 % и 19 % респондентов соответственно, то за пределами региональной столицы – 35 %, 26 % и 25 %. Для молодых жителей Екатеринбурга

¹ Захарова В. А. Перспективы исследования экологического поведения российской молодежи: методологические аспекты / В. А. Захарова // Гуманитарий Юга России. – 2020. – № 3. – С. 118–129.

популярнее и привлекательнее оказались сферы предупреждения и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций (18%) и финансовое просвещение (15%), чем для молодежи других муниципальных образований (12% и 10% соответственно).

Таблица 33

Приоритетные сферы реализации волонтерской деятельности в оценках учащейся молодежи городов Свердловской области (в % от опрошенных)

Деятельность	Екатеринбург	Другие города
Физическая культура и спорт	36	34
Охрана природы	29	35
Культура	29	28
Развитие городской среды и туризма	23	26
Здравоохранение	19	25
Социальная поддержка и социальное обслуживание населения	19	23
Повышение компьютерной грамотности населения	14	16
Предупреждение и ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций	18	12
Содействие в поиске пропавших людей, содействие органам внутренних дел и иным правоохранительным органам в охране общественного порядка	14	16
Гражданско-патриотическое воспитание	14	15
Финансовое просвещение	15	10
Обеспечение доступности правовой поддержки населения	10	9

В ходе исследования нами были выделены условия, при которых, по мнению молодежи, они могли бы принимать участие в социально значимых городских проектах и мероприятиях как добровольные помощники. Только 8% молодых уральцев не видят в своем будущем участия в социокультурном развитии города своего проживания. В среднем по выборке каждый респондент, отвечая на вопрос: «При каких условиях Вы согласились бы принимать участие в социокультурных городских проектах?», – выбирал 2 альтернативы из предложенных в этом поливариантном вопросе (табл. 34).

Условия, при которых молодежь Свердловской области согласилась бы принимать участие в социокультурных городских проектах в роли волонтера
(в % от опрошенных)

Позиция/мнение респондента	Условия, %	Ранг
Если бы я точно знал, что моя помощь приносит конкретную пользу	46	1
Если бы я смог чему-то научиться новому	35	2
Если бы знал, что это будет интересно и хорошо организовано	32	3
Если бы точно знал, что моя помощь нужна конкретным людям	31	4
Если бы это помогло бы мне в работе или учебе	26	5
Если бы у меня появились новые интересные друзья и знакомые	22	6
Если бы этому специально обучали	9	7

Согласно результатам исследования, для опрошенной молодежи Среднего Урала при оказании безвозмездной помощи крайне важно понимание того, что их труд и участие действительно кому-то нужно (46 %). Почти для каждого третьего респондента важны прагматические мотивы, а соответственно и возможности для того, чтобы в процессе добровольческого труда можно было бы научиться чему-то новому (35 %), значима хорошая организация процесса и те условия, которые для этого создаются (32 %). Условия, которые выбирали респонденты, интегрируются таким образом, что альтруистическая составляющая пересекается с прагматическими началами как стимулами социального действия молодых горожан. Такая картина полностью отражает противоречивость молодежного сознания, в котором объединяются культурные стереотипы, основания национального менталитета с ценностями глобального мира¹.

Молодежь как малых и средних городов региона, так и крупного муниципального образования потенциально имеет равный настрой на реализацию социального участия в социокультурном развитии территорий своего проживания. Это в очередной раз проявилось не только в схожих высоких показателях готовности к разным видам участия, широком выборе сфер приложения своих

¹ Зубок Ю. А. Жизнедеятельность молодежи в изменяющейся реальности: противоречия саморегуляции / Ю. А. Зубок, В. И. Чупров // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2020. – № 6. – С. 215–231.

усилий, но и в частоте обозначения необходимых условий для своей социальной активности по этому направлению (табл. 35).

Таблица 35

Условия, при которых молодые жители городов Свердловской области согласились бы принимать участие в социокультурных городских проектах в роли волонтера (в % от опрошенных)

Позиция/мнение респондента	Екатеринбург	Другие города
Если бы я точно знал, что моя помощь приносит конкретную пользу обществу	45	47
Если бы я смог чему-то научиться новому	37	33
Если бы знал, что это будет интересно и хорошо организовано	35	31
Если бы точно знал, что моя помощь нужна каким-то конкретным людям	29	32
Если бы это помогло бы мне в работе или учебе	30	24
Если бы у меня появились новые интересные друзья и знакомые	21	23
Если бы этому специально обучали	11	9
Ни при каких условиях я бы не хотел быть вовлеченным в реализацию социокультурных городских проектов	6	11

Почти каждый второй представитель молодежи за пределами Екатеринбурга отмечает важность осознания того, что его помощь приносит реальную пользу обществу (47 %). В региональной столице такое условие выбрало 45 % респондентов. Каждый третий молодой уралец, не проживающий в крупнейшем городе области, принял бы участие в социокультурных городских проектах в роли добровольца, если бы смог научиться чему-то новому (33 %), понимал, что его труд необходим конкретным людям (32 %), и в случае, если бы сама практика была хорошо организована (31 %). В Екатеринбурге эти условия обозначили 37 %, 29 % и 35 % соответственно. Для каждого третьего опрошенного из центрального муниципального образования Свердловской области (30 %) также важно условие, при котором волонтерское участие смогло бы оказать некоторую помощь

добровольцу в его основной работе или учебе, что сопряжено с проявлением прагматических мотивов молодежи крупного города.

Итак, молодые уральцы оказались готовыми включаться в такие социально значимые практики, как проведение публичных городских мероприятий, благоустройство общественных пространств города, организацию досуга детей и подростков и др. В качестве условий, которые могли бы мотивировать молодых людей и девушек Свердловской области принимать участие в тех или иных практиках на безвозмездной основе, молодежь отмечает важность и необходимость осуществляемой ими деятельности для общества и конкретных людей. Среди прагматических мотивов такого участия важное место занимают возможности приобретения новых знаний и умений, а также профессиональный уровень организации самого проекта.

Эмпирические исследования позволили нам определить потенциал социального участия молодежи в культурной сфере городов Свердловской области. Во многом он связан с выявленным дисбалансом между спросом на социальное участие со стороны молодежи малых и средних уральских городов и предложением на это участие, а именно сжатými возможностями для социокультурной активности молодых горожан в их городской среде. Инфраструктура, ресурсы и событийный контекст социокультурной жизни региональной столицы превосходят возможности городской среды других муниципальных образований региона, что задает некоторые предпосылки к снижению запросов на разные виды молодежного участия со стороны молодых екатеринбуржцев в будущем.

Существующий дисбаланс между инфраструктурными возможностями городского пространства и готовностью, желанием молодежи небольших по размеру муниципалитетов реализовывать свой потенциал посредством участия в социально значимых городских практиках подтверждается результатами актуальных российских исследований молодого поколения. Выявленные нами диспропорции в культурной и социальной насыщенности городской повестки крупнейшего регионального и провинциальных населенных пунктов Свердловской области были обнаружены социологами и в других субъектах РФ. Такое положение

дел, по мнению ученых, может спровоцировать в будущем процесс большего оттока молодого населения из небольших городов в региональный центр с целью самореализации молодежи, получения ею более высокого материального дохода и, как следствие, активного проявления гражданской позиции через активное участие в городской жизни¹. Однако высокий уровень значимости небольших городов для самих молодых граждан, доказанный неоднократно в современных социологических работах, и желание молодых людей и девушек менее крупных поселений Свердловской области быть вовлеченными в общественные практики родных городов формируют локальную идентичность молодого поколения. Такая актуализация расширяет возможности проявления молодежью своей субъектности в реализации того или иного проекта городского значения. При этом было установлено, что высокий уровень вовлеченности молодых граждан в социокультурные практики городской среды детерминируют не только их субъектность, но и чувство сопричастности к месту своего проживания².

Городская жизнь и социокультурная активность молодежи в разных муниципальных образованиях Свердловской области предполагает интеграцию, взаимное пересечение между социальным и культурным контекстом повседневной жизни горожан. Во многом это отражается на событийной повестке разных городов, где, с одной стороны, культурные мероприятия ориентированы на решение актуальных повседневных проблем разных социальных групп, помощь малоимущим, многодетным, талантливым, связаны с продвижением инклюзии или высвечивают не только социальные, но и экологические проблемы. С другой стороны, социальные проекты могут иметь ярко выраженную культурную составляющую, проявляющуюся в творчестве тех, кто в них участвует. В итоге в приоритетах молодых горожан нашего региона наряду с социально направленными

¹ Особенности структуры идентичности с городом молодежи российских городов / О. И. Муравьева, С. А. Литвина, О. В. Кружкова, С. А. Богомаз // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2017. – № 1. – С. 63–80.

² Самаркина И. В. Локальная идентичность городской молодежи: основные компоненты и место в системе социальных идентичностей (на материалах эмпирического исследования городской молодежи Краснодарского края) / И. В. Самаркина, И. С. Башмаков // Вестник РУДН. Серия : Политология. – 2021. – № 1. – С. 159–171.

видами активности привлекательной для них видятся и сугубо культурная событийная городская повестка.

5.4. Управление практиками виртуального участия молодежи Свердловской области в социокультурном развитии городов

Вовлеченность молодых людей в практики использования гаджетов очень сильна. Развитие технологий избавило от необходимости иметь много вещей: музыкальный проигрыватель, фотоаппарат, видеокамеру, средство устной и письменной коммуникации, телевизор. Все «помещается» одним устройстве. Порой кажется, что они не выпускают мобильные телефоны из поля зрения, а иногда – из рук. Телефон становится инструментом для выполнения повседневных дел: оплата счетов, деловое и личное общение, поиск и распространение информации, фото- и видеосъемка, ведение ежедневника и других. Доступность интернета способствует переносу в виртуальное пространство части практик активного (вовлеченного) и пассивного (созерцательного) социального участия.

Возможность приема и передачи информации в форме текста, фото, видео и аудио при помощи телефона, а также существование приложений для синхронной и асинхронной коммуникации, тиражирования информации открывает широкие возможности для форм участия, связанных с коммуникацией. Хотя чаще всего виртуальное участие связано с передачей и тиражированием информации или ее просмотром, оно этим не ограничено. К виртуальному участию можно отнести все виды деятельности, выполняемые при помощи цифровых инструментов безвозмездно для развития города. К активным видам участия относятся оцифровка документов, помощь в составлении карт, проведение экспертиз, участие в принятии решений, которое можно осуществить удаленно.

Часть активных практик формируется спонтанно, когда молодые горожане в цифровой среде координируют свои действия для решения проблемной ситуации. В качестве примера можно привести первые митинги против строительства храма

святой Екатерины на площади Труда (2010 год, Екатеринбург)¹. Но чаще это все-таки деятельность, которую организует и координирует орган власти или организация. Приведем примеры активного участия: «Дом Маклецкого» реализует проекты «Городская редакция» (направлен на осмысление и развитие микро-СМИ и блогов Екатеринбурга) и «Подкастерская» (направлен на вовлечение молодых жителей Екатеринбурга в социокультурные проекты и обучение их работе с информацией). Важно помнить, что ни один из видов активного виртуального участия не изолирован от осязаемого мира, так как результат этой деятельности меняет реальные условия городской среды. Пассивное участие – просмотр контента – формирует информированность о существующих проблемах и в отдельных случаях может перейти в активную форму.

По приведенным выше примерам видно, что управление практиками виртуального участия молодежи, основанное на субъект-субъектном подходе, включает в себя не только организацию деятельности, но и обучение молодых людей. Среди субъектов управления можно выделить несколько категорий. Во-первых, это крупные федеральные организации, ориентированные на работу с молодежью. Так, Российское движение школьников (далее – РДШ) в рамках информационно-медийного направления вовлекает в виртуальные созидательные практики через проведение марафонов, например марафон детской редакции «Гражданская активность»², создание тренда на организацию школьных редакций.

Во-вторых, региональные и местные социально-ориентированные организации, понимающие значение информационной поддержки проектов. В Свердловской области работает организация АНО Информационный центр развития социальных инициатив УралДобро. В сферу ее деятельности входит информационная поддержка некоммерческого сектора и подготовка медиаволонтеров³. В-третьих, отдельные учреждения, организации и органы власти, эпизодически

¹ Храм ведет на улицу / Коммерсант. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/1353136> (дата обращения: 06.12.2022).

² Марафон детской редакции направления «Гражданская активность» / Российское движение школьников. – URL: <https://рдш.рф/competition/3017> (дата обращения: 06.12.2022).

³ Страница для медиаволонтеров / АНО УралДобро. – URL: <https://uraldobro.ru/onlayn-kurs/> (дата обращения: 06.12.2022).

привлекающие граждан. К примеру, общественная организация «Территориальное общественное самоуправление «Академический» Екатеринбурга размещала объявления для привлечения населения к участию в общественных слушаниях и голосовании с применением дистанционных технологий¹.

Виртуальное участие молодежи часто рассматривается как составляющая гражданского участия². Некоторые авторы связывают участие молодежи в сети интернет с протестным поведением³. С нашей точки зрения, виртуальное участие молодежи имеет большой потенциал для совершенно разных сфер общественной жизни. В круг наших интересов попадает виртуальное участие в социокультурном развитии городов. Помимо того, что практики виртуального участия могут быть реализованы во благо города, существуют целые «социокультурные миры»⁴, привязанные к конкретной территории. Таким образом, представляется важным понять, насколько молодежь вовлечена в изучаемые практики и какова специфика этой включенности.

Для оценки перспектив управления виртуальным участием молодежи Свердловской области в социокультурной сфере в анкету эмпирического исследования молодежи от 14 до 24 лет был включен специальный блок вопросов. Ответы проанализированы в разрезе типологии населенных пунктов респондентов. Виртуальное участие молодежи строится на ее повседневных практиках. Понимание погруженности респондентов в практики повседневного использования интернет дает следующий вопрос: «Перед Вами разные виды информации, которые можно встретить в сети Интернет. Как часто вы ими пользуетесь?». При анализе этих проблем категории по частоте использования были укрупнены. В табл. 36 представлены данные о том, какая доля молодых

¹ Общественные обсуждения август-сентябрь 2020 / Официальный сайт Екатеринбурга. – URL: <https://обсуждения.екатеринбург.рф/discus/228> (дата обращения: 06.12.2022).

² Смолева Е. О. Особенности цифрового гражданского участия в ракурсе современных исследований / Е. О. Смолева, А. В. Попов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2022. – № 3. – С. 154–166.

³ Малькевич А. А. Роль социальных сетей в протестном политическом участии граждан / А. А. Малькевич // Управленческое консультирование. – 2020. – № 1 (133). – С. 35–42.

⁴ Адамьянц Т. З. Виртуальные социокультурные миры на открытых платформах Интернета / Т. З. Адамьянц // СНИСП. – 2022. – № 1 (37). – С. 58–72.

жителей каждого типа населенного пункта использует каждый тип контента хотя бы несколько раз в месяц. Речь идет в первую очередь о просмотре контента, если в альтернативе не указано «публикация».

Таблица 36

Интенсивность использования разных видов интернет-контента
в зависимости от типа населенного пункта
(в % от опрошенных по группам из разных типов городов)

Тип контента	Город-миллионник	Город от 250 тыс. до 1 млн чел.	Город от 50 до 250 тыс. чел.	Город менее 50 тыс. чел. или поселок городского типа	Различие между минимальным и максимальным значением
Посты в социальных сетях	86	83	85	82	4
Видео	84	80	82	82	4
Статьи, интервью	82	75	74	71	11
Опросы	82	79	76	73	9
Публикации исследований, обзоров и сравнений	78	74	69	66	12
Текстовые блоги	76	74	69	68	8
Трансляции	74	73	69	71	5
Вебинары	71	67	60	61	11
Блоги	70	70	68	62	8
Инфографика	65	60	53	51	14
Стримы	65	63	60	58	7

Данные демонстрируют достаточно сильное сходство практик использования интернет-контента в разных типах городов. Наиболее популярный тип контента во всех городах – это посты в социальных сетях, эту категорию отметили более 80 % респондентов в каждом типе населенного пункта. На втором месте по популярности – видео, причем в поселке городского типа эта категория контента так же популярна, как посты в социальных сетях. Начиная с третьего ранга, начинаются различия в порядке выбора позиций.

Привлекают внимание различия между городом-миллионником и городами с населением менее 50 тыс. человек. Наибольшая разница наблюдается по позициям

инфографика (14 %), публикация исследований, обзоров и сравнений (12 %), вебинары; статьи и интервью (11 %): это контент, который чаще носит образовательный характер. По остальным позициям различия составляют меньше 10 %. Эти различия никак не влияют на социальное участие в социокультурной сфере, так как даже если каждый второй молодой житель поселка просматривает инфографику, то это может обеспечить достаточно высокий уровень участия.

Следующий вопрос был связан с определением значимости информационной поддержки как вида виртуального участия. Респондентам был задан вопрос: Согласны ли Вы со следующим утверждением: «Информационная поддержка благотворительных проектов очень важна»? Данные представлены в табл. 37.

Таблица 37

Распределение ответов респондентов о согласии с утверждением о важности информационной поддержки благотворительных проектов в зависимости от типа населенного пункта (в % от опрошенных по группам из разных типов городов)

Тип населенного пункта	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Итого
Город-миллионник	71	8	21	100
Город от 250 тыс. до 1 млн чел.	64	11	25	100
Город от 50 до 250 тыс. чел.	71	7	23	100
Город менее 50 тыс. чел. или поселок городского типа.	68	5	27	100
Итого	69	7	24	100

Мы видим, что ответы респондентов из поселений разного типа сопоставимы. Каждые 6–7 человек из десяти в любом населенном пункте Свердловской области считают, что информационная поддержка благотворительных проектов очень важна. Заметно отличие данных во второй строке таблицы: жители второго по размеру типа городов – с населением от 250 тыс. до 1 млн человек – продемонстрировали наименьшее согласие и наибольшие затруднения с ответом на этот вопрос.

Далее был задан вопрос «Согласны ли Вы со следующим утверждением: «Иногда пост, репост или ссылка на проект или проблему могут помочь в достижении результата»? Ответы респондентов представлены в табл. 38.

Таблица 38

Распределение ответов респондентов о согласии с утверждением о пользе постов, репостов и ссылок на проект или проблему в зависимости от типа населенного пункта (в % от опрошенных по группам из разных типов городов)

Тип населенного пункта	Да	Нет	Затрудняюсь ответить	Итого
Город-миллионник	69	11	19	100
Город от 250 тыс. до 1 млн чел.	58	15	27	100
Город от 50 до 250 тыс. чел.	69	7	23	100
Город менее 50 тыс. чел. или поселок городского типа	68	9	23	100
Итого	68	10	22	100

Этот вопрос снова показывает сходство жителей города-миллионника, малых городов и поселков городского типа. Согласие респондентов с данным утверждением достигает 68–69 %. При этом несогласие в малых городах всего 7 %, это самый низкий показатель по выборке. В городе-миллионнике и поселках городского типа согласие находится на том же уровне, но уровень несогласия чуть выше – 11 % и 9 % соответственно. Наименьший показатель согласия с тем, что пост или репост могут помочь в решении проблемы в городах с населением от 250 тыс. до 1 млн человек. В этом типе населенного пункта показатель согласия всего 58 %, в то время как несогласных 15 %.

Оценка значимости информационной поддержки и конкретных инструментов, связанных виртуальным участием, связана с уровнем знания о самой возможности виртуального участия. Для того чтобы определить уровень знания, респондентам был задан вопрос «Знаете ли Вы, что можно вести волонтерскую деятельность в сети Интернет?» (табл. 39).

Распределение ответов респондентов на вопрос о знании существования волонтерской деятельности в сети Интернет в зависимости от типа населенного пункта (в % от опрошенных по группам из разных типов городов)

Тип населенного пункта	Да	Нет	Итого
Город-миллионник	67	33	100
Город от 250 тыс. до 1 млн чел.	62	38	100
Город от 50 до 250 тыс. чел.	70	30	100
Город менее 50 тыс. чел. или поселок городского типа	66	34	100
Итого	67	33	100

Наибольший уровень информированности о том, что волонтерская деятельность может осуществляться в сети Интернет в малых городах – 70 %. На втором месте – жители города-миллионника (69 %), на третьем – жители поселков городского типа (66 %). Наименее информированы жители городов с населением от 250 тыс. до 1 млн человек, среди них уровень знания о волонтерстве в сети Интернет всего 62 %.

Определить уровень вовлеченности в реальные практики виртуального участия помог вопрос: «Делали ли Вы что-либо за последний год?». Данные представлены в табл. 40. Наиболее распространенными практиками виртуального участия во всех типах населенных пунктов являются онлайн-пожертвования, поддержка петиций, создание и модерация групп в социальных сетях, публикация статей на интернет-ресурсах. Отличается только широта распространения этих практик. В городе-миллионнике распространенность этих практик варьируется от 21 % (публикации) до 40 % (поддержка петиций). В городах меньшего размера распространенность топовых практик варьируется от 16 % до 27 %. Отметим, что в поселках городского типа отличается распространенность создания и модерации групп в социальных сетях: каждый четвертый житель этого типа населенного пункта назвали этот тип участия. В поселках городского типа она на втором месте по распространенности после поддержки петиций (27 %). Виды участия, связанные с более высокими компетенциями, такими как экспертизы, участие в открытых проектах, создание веб-сайтов, слабо распространены.

Таблица 40

Данные о вовлеченности в реальные практики виртуального участия молодежи Свердловской области в зависимости от типа населенного пункта
(в % от опрошенных по группам из разных типов городов)

Тип вовлеченности	Город-миллионник	Город от 250 тыс. до 1 млн чел.	Город от 50 до 250 тыс. чел.	Город менее 50 тыс. чел. или ПГТ
Подписывал петиции в интернете	40	24	25	27
Отправлял онлайн-пожертвования на счет благотворительных организаций, больным людям	36	26	21	21
Публиковал статьи на форуме, в блоге или на новостном портале	21	17	16	16
Создавал / модерировал группы в разных социальных сетях	19	18	19	24
Публиковал практическое руководство – видео на YouTube или аналогичных онлайн-платформах	10	9	6	8
Давал онлайн-консультации или выступал онлайн-экспертом	9	4	5	7
Предлагал/менял свое имущество/услуги на имущество услуги незнакомых людей (каучсерфинг, банк времени и т. п.)	8	9	6	5
Публиковал статьи в Википедии или заметки в открытых информационных системах (open street map)	6	5	6	7
Создавал, вел веб-сайт ассоциации или организации	6	8	7	7
Сотрудничал в проектах открытого доступа (например, Linux, open office)	4	4	5	5

Для управления виртуальным участием важно понимать, готова ли молодежь к такой деятельности. Поэтому был задан вопрос: «Готовы ли Вы участвовать в социальных проектах, помогать их организовывать онлайн?».

Таблица 41

Готовность молодых жителей Свердловской области к участию в онлайн-организации социальных проектов в зависимости от типа населенного пункта (в % от опрошенных по группам из разных типов городов)

Тип населенного пункта	Да	Нет	Итого
Город-миллионник	57	43	100
Город от 250 тыс. до 1 млн чел.	53	47	100
Город от 50 до 250 тыс. чел.	47	53	100
Город менее 50 тыс. чел. или ПГТ	56	44	100
Итого	54	46	100

В среднем каждый второй житель Свердловской области готов помогать организовывать социальные проекты в онлайн-среде. Самый высокий уровень готовности в городе-миллионнике и поселках городского типа (57 % и 56 % соответственно). Наименьший уровень готовности в городах с населением от 50 тыс. до 250 тыс. человек – 47 %. Это отличается от данных о согласии с утверждениями о значимости информационной поддержки и постов/репостов, где жители городов с населением от 250 тыс. человек до 1 млн человек продемонстрировали более низкий уровень согласия, чем другие респонденты.

Среди видов виртуального участия в социокультурной сфере наиболее заметны такие, как участие в создании и продвижении туристических маршрутов и культурных событий города, продвижение учреждений в сфере культуры и популяризация их деятельности. Мы задали вопрос о том, насколько респонденты готовы включиться в эти виды участия: «Какую помощь в развитии Вашего города Вам интересно было бы реализовать?».

Таблица 42

Распределение ответов респондентов о готовности включиться в конкретные практики виртуального участия в социокультурной сфере в зависимости от типа населенного пункта (в % от опрошенных по группам из разных типов городов)

Практики участия	Город-миллионник	Город от 250 тыс. до 1 млн чел.	Город от 50 до 250 тыс. чел.	Город менее 50 тыс. чел. или поселок городского типа.
Участвовать в создании и продвижении экскурсионных (туристических) маршрутов в городе	74	74	81	77
Помогать в продвижении учреждений культуры и их деятельности среди целевой аудитории	74	77	79	75
Участвовать в разработке, продвижении и реализации культурных событий в городе	64	73	79	74

Результаты по данному вопросу показывают, что конкретное предложение по практикам участия вызывает больше интереса, чем поддержка абстрактного проекта. Четыре из пяти жителей каждого населенного пункта готовы подключиться к любому из предложенных видов виртуального участия в социокультурной сфере их города.

Подводя итоги, сформулируем несколько тезисов, важных для управления виртуальным участием молодежи в социокультурной сфере городов. Во-первых, практики потребления контента в сети интернет между жителями разных населенных пунктов не имеют значимых различий. Молодежь предпочитает простые и понятные виды представления контента: пост, видео. Наибольшие различия отмечаются между городом-миллионником и поселками городского типа по использованию таких видов контента, как представление результатов исследований, статьи, вебинары, инфографика.

Во-вторых, при сопоставлении данных о важности информационной поддержки благотворительных проектов и значимости постов, репостов и распространении ссылок на проект для решения конкретной проблемы становится заметно значительное сходство ответов. Это дает нам право сделать вывод, что респонденты отождествляют информационную поддержку и распространение информации в интернете в форме привычных им форм представления информации.

В-третьих, жители городов с населением от 250 тыс. до 1 млн человек демонстрируют более низкий уровень согласия с высокой значимостью информационной поддержки и постов/репостов, а также относительно низкий уровень осведомленности о существовании волонтерской деятельности в сети Интернет. Мы полагаем, ситуация объясняется тем, что в этом типе городов не так много возможностей для участия, как в миллионнике, но при этом менее крепкие социальные связи, чем в малых городах и поселках городского типа. Поэтому в городе-миллионнике молодежь вовлекается за счет большого количества возможностей, каждый может найти себе проект по интересам. В городах с относительно небольшим населением меньшее количество проектов, но именно это создает высокую вовлеченность – нет выбора, но есть одобряемое в местном сообществе участие.

В-четвертых, молодежь продемонстрировала высокую вовлеченность в реальные практики виртуального участия. Больше вовлечены жители города-миллионника, в этих городах практически каждый второй подписывал петиции в интернете, каждый третий отправлял онлайн-пожертвования, каждый пятый публиковал статьи на форуме, в блоге, создавал или модерировал группы в социальных сетях. В городах меньшего размера распространенность практик чуть ниже: каждый четвертый делал хоть что-то из перечисленных видов деятельности. Виды участия, связанные с высоким уровнем компетенций, слабо распространены во всех типах населенных пунктов.

В-пятых, при оценке готовности включиться в деятельность по поддержке проектов в сети Интернет наибольшую готовность выразили жители города-миллионника, которые уже и так достаточно вовлечены в эти проекты и готовы

продолжать, и жители поселков городского типа, для которых характерна ориентация на укрепление связей и развитие собственного населенного пункта. Наименьший уровень готовности продемонстрировали жители городов с населением от 50 до 250 тыс. человек. С учетом их высокой оценки значимости информационной поддержки благотворительных проектов, вероятно, что они больше ориентированы на непосредственное участие. В Свердловской области всего один город такого типа – Нижний Тагил. Это второй город области, но существенно уступает Екатеринбургу и по численности населения, и по предлагаемым для молодежи возможностям. Хотя даже в этом типе населенного пункта практически каждый второй готов подключиться к виртуальному участию. Таким образом, готовность жителей всех населенных пунктов можно оценить как высокую.

И, наконец, уровень готовности к виртуальному участию повышается, когда респондентам предлагают конкретные практики в социокультурной сфере. Это необходимо учитывать при рекрутинге волонтеров и информационной деятельности организаций, вовлекающих молодежь в виртуальное участие.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Молодежное участие в развитии социокультурной сферы городов – практически значимое явление, способное обеспечить многим городам мира их будущее. Молодое поколение горожан определяет демографические и экономические перспективы городов в разных странах, становясь значимым фактором их развития и устойчивости в условиях неопределенности. Как включить ресурс молодежи в развитие территорий? Важный вопрос, на который мы попытались найти ответ в данной научной монографии. Информированность и активное участие как вовлеченность молодежи в социальные и культурные городские проекты сферы благотворительности, комплексного развития городов, сохранения их наследия и культурной идентичности являются важными условиями территориального развития. Конструктивные же социальные практики молодежного участия – значимый элемент городской жизни, если они являются ценными как для самой молодежи, так и для социокультурного развития современного города.

Авторский коллектив этой монографии сделал попытку концептуализировать и изучить потенциал социального участия городской молодежи как внутреннего ресурса социокультурного развития урбанизированных территорий. Мы постарались выявить возможности и перспективы управления им в региональном пространстве Свердловской области, обратившись к изучению самой молодежи, культурно-исторических ресурсов разных городов, а также различных городских проектов, предполагающих молодежное участие. Сложности реализации исследовательского междисциплинарного проекта, результаты которого представлены на страницах этой книги, обусловлены многоплановостью осмысления проблемы взаимодействия молодежи с пространством города, противоречиями между директивностью в территориальном управлении нашей страны и запросом на творчество, индивидуализацию, «легкость бытия» со стороны молодых россиян, между глобальными ценностями, ориентациями и национальными целями, локальными запросами.

Все, кто размышлял об искусстве управления людьми, убеждены, что судьбы империй зависят от воспитания молодежи (Аристотель). В этом смысле моделирование управления социальным участием городской молодежи представляет научную и практическую ценность не просто из-за своей функциональности, а с прицелом на решение актуальных социальных задач нашей страны в целом. Особенно это важно в связи с изменением социального мира из-за пандемии короновируса, глобальной трансформацией политического мира, где ресурс молодежи начинает приобретать геополитическую ценность. Однако вне политического противостояния социокультурный потенциал городов остается безграничным, а модели реализации студенческой активности в них универсальны, если они в своем единстве работают на формирование социокультурной субъектности молодежи и дифференциацию городской среды как арены актуальной городской культуры, наполненной городскими смыслами, образами, действиями и положительными эмоциями молодых горожан.

Социальное участие молодежи в современной России поддерживается на государственном уровне. В рамках национального проекта «Образование» реализуются различные программы и проекты по всей стране. Однако во многом их результативность для страны, региона, а главное – для самих молодых граждан зависит от того, как конкретно и что конкретно делают в партнерстве с молодежью чиновники, специалисты учреждений сферы образования и молодежной политики, руководители и сотрудники общественных объединений и движений, региональных и местных. В этом плане выявленные и описанные в данной книге типичные проекты с молодежным участием могут быть теми ориентирами, которые помогут сгладить издержки претворения в жизнь государственного курса молодежной политики, не всегда учитывающего местный социокультурный контекст и некоторые особенности молодого поколения. Мы постарались не только раскрыть в монографии эти особенности, расшив теорию социального участия молодежи, но и представить в приложении конкретное практическое решение по совершенствованию социокультурных городских проектов с молодежным участием.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Программа проведения внешней оценки эффективности проектов (программ, мероприятий), реализуемых социально ориентированными некоммерческими организациями в сфере образования и молодежной политики Свердловской области¹

1. Нормативно-правовая основа оценки эффективности проектов (программ, мероприятий), реализуемых СО НКО и в сфере образования и молодежной политики Свердловской области

Разрабатываемая программа проведения внешней оценки эффективности проектов, реализуемых социально ориентированными некоммерческими организациями в сфере образования и молодежной политики Свердловской области, руководствуется теми нормативно-правовыми документами федерального и регионального уровня, которые регламентируют деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций, а также деятельность в сфере образования и молодежной политики (табл. 43).

Таблица 43

Нормативно-правовая основа оценки проектов в сфере образования и молодежной политики Свердловской области

Уровень	Нормативно-правовые документы, регламентирующие деятельность социально ориентированных некоммерческих организаций	Нормативно-правовые документы, регламентирующие деятельность в сфере образования и молодежной политики
Федеральный уровень	Постановление Правительства Российской Федерации от 26.01.2017 № 89 «О реестре некоммерческих организаций – исполнителей общественно	Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 № 2403-р. Об утверждении «Основ государственной молодежной политики

¹ Программа разработана как практическое внедрение результатов исследований авторского коллектива в рамках Программы развития Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина в соответствии с программой стратегического академического лидерства "Приоритет-2030". Во многом разработка и апробация программы состоялась благодаря поддержке Министерства образования и молодежной политики Свердловской области, личному участию и профессиональной заинтересованности начальника отдела операционного сопровождения социально-экономических платформ и мероприятий ГКУ СО «ХЭУ» Валентины Леонидовны Баженовой

	<p>полезных услуг» (с изменениями и дополнениями).</p> <p>Постановление Правительства Российской Федерации от 27.10.2016 № 1096 «Об утверждении перечня общественно полезных услуг и критериев оценки качества их оказания» (с изменениями и дополнениями).</p> <p>Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» (с изменениями и дополнениями).</p>	<p>Российской Федерации на период до 2025 года».</p> <p>Федеральный закон от 28.06.1995 № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений».</p> <p>Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях».</p>
<p>Уровень субъекта РФ (Свердловской области)</p>	<p>Закон Свердловской области от 27.01.2012 № 4-ОЗ «О государственной поддержке некоммерческих организаций в Свердловской области» (с изменениями и дополнениями).</p> <p>Постановление Правительства Свердловской области от 12.04.2019 № 225-ПП «Об определении исполнительных органов государственной власти Свердловской области, осуществляющих оценку качества оказания общественно полезных услуг социально ориентированной некоммерческой организацией» (с изменениями и дополнениями).</p> <p>Постановление Правительства Свердловской области от 16.07.2019 № 422-ПП «О перечне исполнительных органов государственной власти Свердловской области, осуществляющих оценку качества оказания общественно полезных услуг» (с изменениями и дополнениями).</p>	<p>Постановление Правительства Свердловской области от 19.12.2019 № 920-ПП «Об утверждении Государственной программы Свердловской области "Развитие системы образования и реализация молодежной политики в Свердловской области до 2025 года"».</p> <p>Постановление Правительства Свердловской области от 7 ноября 2019 г. N 761-ПП «Об утверждении Стратегии молодежной политики и патриотического воспитания граждан в Свердловской области на период до 2035 года».</p> <p>Постановление Правительства Свердловской области от 7 декабря 2017 г. N 900-ПП «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Свердловской области до 2025 года».</p>

Необходимость оценки социально значимой деятельности организаций, получающих государственное финансирование, отмечается в Федеральном законе

№ 442-ФЗ от 28.12.2013 (ред. от 21.07.2014) «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации». В целом же законодательное регулирование оценки эффективности социальных проектов в России на данный момент находится в стадии становления. В Постановлении Правительства РФ от 14.11.2014 № 1202 «О порядке осуществления координации деятельности по проведению независимой оценки качества оказания услуг организациями в сфере культуры, социального обслуживания, охраны здоровья и образования и общего методического обеспечения проведения указанной оценки» определены требования к методическому обеспечению оценки. Однако независимая оценка как форма общественного контроля в законодательстве сводится только к проверке качества оказания услуг населению и не включает оценку эффективности социально ориентированных проектов.

Таким образом, в России только идет формирование правового поля для проведения независимой внешней оценки социальных проектов, реализуемых социально ориентированными некоммерческими организациями. Минэкономразвития России ставит задачу проведения экспертизы социальных проектов, в процессе их реализации некоммерческими организациями (Информационные материалы по оценке эффективности программ и проектов, реализуемых некоммерческими организациями в социальной сфере от Министерства экономического развития России).

2. Обзор методологических подходов к проведению оценки эффективности социальных проектов

Единой методологии оценки проектов и мероприятий в сфере образования и молодежной политики не существует. Даже само понятие «эффективность социальных проектов» может трактоваться с позиции различных подходов (табл. 44).

Характеристика основных подходов к оценке эффективности
социальных проектов

Подход к определению эффективности	Содержание эффективности	Направленность оценки	Ограничения подхода
Целевой подход	Способность достигать поставленных целей.	Анализ степени достижения СОНКО поставленных целей проекта.	Не все сформулированные цели поддаются четкой оценке. При наличии нескольких целей сложно аккумулировать оценку.
Подход «затраты–выгода»	Превышение полезного результата над затраченными ресурсами.	Анализ соотношения полезного результата деятельности и затраченных ресурсов.	Необходимость выражения полученных результатов в численном выражении, что часто затруднено в социальных проектах. Результат в социальном проекте может быть отсрочен по времени.
Ресурсный подход (концепция системных ресурсов)	Способность организации обеспечить необходимые для бесперебойной деятельности ресурсы.	Анализ соотношения потребности в ресурсах для реализации социального проекта и их наличием.	Чрезмерно упрощает оценку социального проекта, сводя все только к оценке ресурсов для его реализации и не учитывая получаемые в проекте эффекты.
Стейкхолдерский подход (концепция множественности заинтересованных сторон)	Степень удовлетворенности участников процессом реализации проекта.	Анализ интересов различных стейкхолдеров проекта и степени их удовлетворения.	Интересы разных стейкхолдеров могут противоречить друг другу.
Нормативный подход или «сравнительный подход»	Соответствие нормативу, отрасли, мировой практике или иному выбранному эталону.	Анализ соответствия итогов проекта и/или процесса его реализации заданному нормативу (эталону).	Не применим, если отсутствуют нормативы (или эталоны) для сравнения.

В настоящее время основной целью оценки является описание создаваемой общей социальной ценности, а методики оценки социального воздействия становятся важной частью практики инвестиций, содействующих социальным преобразованиям. Как отмечает Н. В. Рождественская, появившись примерно в середине 70-х годов теория оценки социальных проектов сегодня находится на стадии институционализации, характеризующейся появлением регуляторов в области оценки, изменением подходов при проведении оценки, расширением горизонтальных связей, применением стейкхолдерского подхода, широким использованием IT-технологий и Интернета.

Таким образом, важнейшей особенностью современного этапа развития оценки является смещение фокуса на стейкхолдеров проекта. В данной программе проведения внешней оценки эффективности проектов и мероприятий, реализуемых социально ориентированными некоммерческими организациями в сфере образования и молодежной политики Свердловской области, использован именно этот подход, который активно используется и другими организациями (в частности, Межотраслевым профессиональным объединением «Оценка проектов, программ и услуг в сфере детства»). Вовлечение всех заинтересованных лиц в оценку проекта или программы является выражением уважения к мнению конечных благополучателей. В последние десятилетия при поиске ответов на вопросы о результативности социальных проектов исследователи все чаще обращаются к мнению участников и целевой аудитории для получения полной информации о результатах проекта и его дальнейшем развитии. Подобная оценка программ и проектов позволяет определить их востребованность, результативность и эффективность, а также устойчивость социального эффекта, достигнутого по итогам реализации.

Оценка может быть внутренней (т. е. проводится самой социально ориентированной некоммерческой организацией) и внешней (проводится сторонними по отношению к СОНКО экспертами). Данная программа ориентирована на проведение внешней оценки проектов, реализуемых социально

ориентированными некоммерческими организациями в сфере образования и молодежной политики Свердловской области.

Выделяется три вида оценки проектов: предварительная, промежуточная и итоговая. Предварительная экспертиза предполагает оценку результативности проекта на этапе его планирования. На данной стадии обычно фиксируются преимущества и недостатки проекта, делаются выводы о реальности его реализации, о значимости результатов и социальном эффекте, которые будут получены в случае осуществления проекта. Такая оценка используется на этапе отбора проектов для того, чтобы сделать вывод о том, необходима ли реализация определенного социального проекта. Промежуточная оценка или экспертиза проекта в процессе его реализации применяется для фиксирования промежуточных результатов. Данная оценка весьма полезна, поскольку позволяет еще в процессе реализации проекта отследить наличие проблем и принять управленческие решения по их устранению. Цель оценки не принять решение о реализации проекта или о его финансировании, а своевременно учесть полученные в ходе оценки сведения для повышения качества реализуемого проекта. Заключительная экспертиза необходима для сравнения итоговых результатов проекта с запланированными, также она позволяет сделать выводы о достижении поставленной цели и установить дальнейшие направления развития, возможные цели и задачи для последующих проектов.

На сегодняшний день достаточно хорошо и подробно проработана методология проведения предварительной внешней оценки. У каждого фонда или иной организации, осуществляющей финансирование социальных проектов, имеется методика такой предварительной оценки проектов на стадии заявок для принятия решения о финансировании (одна из наиболее хорошо проработанных в этом плане – методика оценки проектов «Фонда президентских грантов»). Также, как правило, достаточно разработана и понятна методология проведения итоговой оценки проектов. А вот промежуточная оценка в настоящее время чаще всего осуществляется как внутренняя либо сотрудниками социально ориентированной некоммерческой организацией, либо привлеченными этой СОНКО экспертами,

работавшими в строго с обозначенной для них задачей. Ряд фондов реализуют промежуточную оценку проектов, которым выделили финансирование (например, тот же «Фонд президентских грантов»), но это касается преимущественно отслеживания выполнения контрольных точек по проекту. Кроме некоторых грантодателей внешняя промежуточная оценка социальных проектов на данный момент практически никем не осуществляется, соответственно система показателей, которые можно использовать при оценке социальных проектов, а особенно разноплановых, когда результатом может быть и продукт (учебное пособие, фильм, книга), и масштабное мероприятие (конференция, форум, фестиваль), и серия небольших обучающих занятий (семинары, мастер-классы и т. п.), на данный момент практически не проработана. Хотя именно эта форма оценки дает более объективные представления о том, как реализуется проект, предоставляет возможность корректировки проекта для достижения запланированных итогов. А положительный эффект от внешней оценки имеется и для некоммерческих организаций, так как они получают возможность доработки промежуточных результатов, что дает возможность создать дальнейший план работы и для грантодателей, поскольку позволяет понимать отдачу от проекта.

Определенные критерии и показатели для проведения внешней оценки социальных проектов в процессе их реализации в существующих научных публикациях не указаны. Можно позаимствовать часть показателей для проведения промежуточной внешней экспертизы проекта из критериев предварительной оценки, такие как масштаб реализации проекта, перспективы его дальнейшего развития и другие, но проводить оценку данных критериев не на этапе планирования проекта, а в ходе его реализации, так как план реализации социального проекта может быть расписан подробно и правильно, но только уже в процессе реализации можно понять, действительно ли организация использует инновационные методы и подходы в своей работе, в каких масштабах реализуется проект, какой собственный вклад в реальности организация вносит в проект, каково участие молодежи в этом проекте и т. д.

Таким образом, внешняя оценка в процессе реализации социальных проектов является важным и необходимым условием для дальнейшего развития этих проектов на территории. Она имеет свои особенности, отличается от предварительной и итоговой экспертизы и не сводится ни в коем случае к ним. Промежуточная оценка проекта дает такие результаты, которые нельзя получить с помощью внешней оценки на других этапах реализации социальных проектов. Одним из главных преимуществ является получение наиболее реалистичных сведений о том, как реализуется проект, а также она дает возможность организациям доработать промежуточные результаты, что естественно положительно сказывается на итоговых результатах проекта. В рамках данной программы прорабатывается методика внешней промежуточной оценки социальных проектов, основанной на стейкхолдерском подходе к замеру эффективности этих проектов.

3. Основные положения программы проведения внешней оценки эффективности проектов (программ, мероприятий), реализуемых социально ориентированными некоммерческими организациями в сфере образования и молодежной политики Свердловской области

Субъекты оценки. Субъектами, осуществляющими оценку социальных проектов по предложенной методике, могут выступать эксперты из числа студентов высших и средних профессиональных образовательных учреждений, а также представители широкой общественности («серебряные» волонтеры, добровольцы из педагогического сообщества и другие группы экспертов муниципальных образований Свердловской области).

Данная программа ориентирована на привлечение в качестве субъектов оценки не только и не столько высококвалифицированных специалистов в определенной области, которые смогли бы оценить какие-то тонкости и особенности проектов (для этого НКО должны самостоятельно привлекать соответствующих экспертов), а на включение в процесс оценки представителей целевой аудитории этих проектов (прежде всего студенческой молодежи), которые проводят экспертизу проектов, поддержанных Министерством образования и

молодежной политики Свердловской области, с точки зрения их нужности, полезности и интереса для молодежи, т. е. с позиции общего восприятия этих проектов.

Объект и предмет оценки. Объектом оценки становится процесс реализации проектов социально ориентированных некоммерческих организаций, получивших поддержку Министерства образования и молодежной политики Свердловской области. Поскольку проводится оценка проектов, которые уже прошли первичную экспертизу на стадии заявки и признаны лучшими, на них выделены деньги, поэтому сама идея проекта не оценивается (ее актуальность, практическая значимость, реалистичность и т. п.), а акцент именно на том, как осуществляется реализация этой идеи, насколько процесс реализации соответствует тому, что было изначально заявлено СОНКО.

Предметом оценки становится организация работы с целевой аудиторией в процессе реализации проектов социально ориентированных некоммерческих организаций, получателей субсидий Министерства образования и молодежной политики Свердловской области. Финансовые и временные аспекты процесса реализации проекта исключаются из предмета оценки (что связано с уровнем профессионализма субъектов оценки, а также сложностью доступа внешних экспертов к смете расходов проекта), а акцент на используемых технологиях работы с молодежью в этих проектах и «полезности» влияния проектов на молодежь, возможности масштабирования этого влияния (результатов проекта). При этом учитывается как текущее влияние, так и возможная отдача от проекта в будущем.

Цель задачи оценки. Цель проводимой внешней оценки социальных проектов в процессе их реализации – это получение достоверной, полезной и основанной на фактах информации, которая может быть использована для своевременного учета полученных в ходе оценки сведений и рекомендаций как для совершенствования реализуемого проекта, так и для улучшения работы и повышения качества следующих проектов.

Учитывая, что данная программа оценки направлена на анализ промежуточных результатов проекта, т. е. оценка проводится после первичной экспертизы заявки и выделения средств на реализацию, но до завершения проекта появляется возможность учета итогов оценки для доработки реализуемых проектов, раскрытия их потенциальных точек роста. При этом решается целый спектр задач: обеспечение измерения и повышения эффективности проектов, реализуемых социально ориентированными некоммерческими организациями; своевременное выявление проблем и подготовка соответствующих управленческих решений по их устранению; использование результатов оценки для доработки инструментов мотивации сотрудников и волонтеров СОНКО; расширение возможностей СОНКО, связанных с привлечением ресурсов и продвижением; предоставление отчета стейкхолдерам; вовлечение в оценку и анализ результатов всех заинтересованных сторон, что приводит к накоплению новых знаний и опыта; информирование общественности (в том числе молодежи) о реализуемых в области социальных проектах с участием молодежи; суммирование практического опыта реализации социальных проектов и распространение опыта наиболее успешных социальных проектов; формирование общественно-экспертного сообщества, которое может быть привлечено для внешней оценки социальных проектов, реализуемых в муниципальных образованиях области.

Используемые методы. В качестве базового методологического принципа при проведении внешней оценки проектов, реализуемых социально ориентированными некоммерческими организациями в сфере образования и молодежной политики Свердловской области, взят принцип триангуляции. При этом использованы: триангуляция данных (при оценке изучаются данные о проекте, полученные из разных источников), триангуляция исследователей (один проект оценивает не один эксперт, а несколько для выявления коллективного мнения относительно процесса реализации этого проекта) и триангуляция методов (технология оценки предполагает использование нескольких методов). Такой

подход дает возможность высвечивать разные стороны изучаемого проекта, сделав картину более объемной и полной.

При анализе и оценке каждый проект рассматривается как отдельный кейс, по которому субъекту оценки необходимо собрать максимально полную информацию с применением комплекса методов: анализ сайта и социальных сетей проекта/организации его реализующей, а также изучение публикаций СМИ о проекте/организации; наблюдение (непосредственное посещение мероприятий проекта дает более полное представление о сути и специфике реализуемого проекта, а также позволяет собрать фотоматериалы с проектов для визуализации процесса реализации проекта); интервью с организаторами проекта и его участниками.

Технология проведения оценки. Работа по оценке каждого проекта ведется по заданному алгоритму, включающему два этапа. Первый предполагает кабинетное исследование, в ходе которого осуществляется анализ сайта, социальных сетей и публикаций о проекте в СМИ. Второй этап, полевой, предполагает посещение мероприятия либо тестирование продуктового результата проекта, а также интервью с участниками и организаторами. Для унификации процедуры внешней оценки используется оценочный лист, который заполняет субъект оценки, ориентируясь на полученные результаты. В оценочном листе для более объективной оценки измеряемых показателей даны пояснения, помогающие более корректно выставить оценку. Если ситуация выходит за рамки предложенных вариантов ответа, то можно дать более развернутый и детальный ответ. Технология оценки построена таким образом, что проекты прежде всего рассматриваются в своем уникальном контексте, но по ряду базовых показателей появляется возможность их сопоставления. Таким образом, методика предполагает включение в единый инструментарий проведение безотметочной оценки (этот блок поможет НКО в доработке проектов) и балльной оценки проекта (блок позволит сопоставлять уровень качества реализации разных проектов между собой).

После заполнения оценочных листов обязательно обсуждение результатов и обмен мнениями между субъектами оценки. Учитывая, что данная программа

предполагает привлечение к проведению оценки студенческой молодежи и общественности, важно инициировать в этом экспертном сообществе обмен мнениями, результатами, впечатлениями, чтобы, во-первых, способствовать росту компетенций этого сообщества в проведении внешней оценки, во-вторых, привлекать внимание и распространять опыт наиболее успешных социальных проектов.

Система показателей для замера эффективности проектов (программ, мероприятий). Поскольку предметом оценки становится организация работы с целевой аудиторией в процессе реализации социальных проектов, то логическая цепочка работы с целевой аудиторией (молодежью) выглядит примерно следующим образом: информирование ЦА о проекте – интерес к проекту со стороны молодежи – характер работы с молодежью в проекте – польза проектов для молодежи и общества в целом.

В рамках каждой из этих составляющих процесса реализации проекта разработано по 3 показателя для замера (табл. 45).

Таблица 45

Используемая система показателей для балльной оценки

Составляющая процесса реализации проекта	Показатели замера	Шкала оценки (баллы)
1. Информирование целевой аудитории о проекте	1.1. Информационная открытость (доступность).	0 – информации о проекте и проводимых мероприятиях в интернет-пространстве найти не получается. 1 – в открытом доступе информации о проекте очень мало и ее трудно найти. 2 – информации достаточно, она хорошо находится, но она размещена на ограниченном числе площадок (1–2). 3 – информация легко находится, ее много, т.к. используются различные каналы и площадки для информирования.
	1.2. Своевременность размещения информации о проекте и его мероприятиях.	0 – анонсов о проводимых мероприятиях не делается, информация о мероприятиях выставляется уже после их проведения. 1 – информация о предполагаемом мероприятии публикуется буквально

		<p>накануне и не содержит точных сведений (например, о времени или месте, где состоится мероприятие).</p> <p>2 – информация о проекте и его мероприятиях публикуется заранее и содержит все необходимые сведения для дальнейшего включения, но это разовое информирование, повторов не делается.</p> <p>3 – информация о проекте и проводимых мероприятиях публикуется заранее и периодически дублируется ближе к дате проведения мероприятия, а также содержит все необходимые сведения для дальнейшего включения.</p>
	<p>1.3. Полнота информации о проекте и проводимых мероприятиях.</p>	<p>0 – какая-либо информация о проекте отсутствует.</p> <p>1 – имеющаяся в открытых источниках информация не раскрывает суть проекта, плохо понятно, что конкретно будет сделано в рамках проекта.</p> <p>2 – имеющаяся информация позволяет в общих чертах понять суть проекта и что примерно будет реализовано в рамках этого проекта.</p> <p>3 – имеющаяся информация очень подробна, она полностью раскрывает суть проекта, его детали, что и как будет реализовано в проекте.</p>
<p>2. Интерес к проекту со стороны молодежи</p>	<p>2.1. Реакция целевой аудитории на проект.</p>	<p>0 – реакция отсутствует (в соцсетях отсутствует какой-либо отклик на информацию о проекте, на мероприятии молодежь не проявляет никакого интереса к происходящему).</p> <p>1 – очень слабый отклик в соцсетях (несколько лайков, отсутствие комментариев, репостов и т. п.), на мероприятии лишь часть присутствующих проявляют интерес.</p> <p>2 – есть некоторый интерес аудитории к проекту в соцсетях (более десятка лайков, имеются комментарии, есть единичные репосты), на мероприятии участники проявляют интерес.</p> <p>3 – отмечается огромный интерес аудитории к проекту как в соцсетях (масса</p>

		лайков, комментариев, репостов, положительных отзывов), так и на самом мероприятии (участники активны, эмоционально включены, с восторгом отзываются после мероприятия).
	2.2. Включенность участников в проект.	<p>0 – участники не знают о чем проект, не понимают его результатов, участие в мероприятии формальное без осознанности и понимания задач.</p> <p>1 – участники проекта не владеют полной информацией о проекте, но примерно понимают, в чем его суть без детализации (случайное участие).</p> <p>2 – участники достаточно хорошо информированы о сути проекта, в общих чертах понимают, в чем его социальная значимость и ожидаемый результат, но личной ответственности в проекте не ощущают.</p> <p>3 – большинство участников проекта владеют полной информацией о проекте, его результатах, социальной значимости, их участие отличается высоким уровнем осознанности и принятием личной ответственности за результат проекта.</p>
	2.3. Готовность к последующему включению в подобные проекты.	<p>0 – проект не привлекает, повторно участвовать в чем-то подобном желания нет.</p> <p>1 – проект участниками оценивается как вполне привлекательный, но особого желания повторно включаться в этот или подобные проекты не вызывает.</p> <p>2 – участники выражают заинтересованность и готовность принять участие в проекте еще раз, но исключительно в той же форме (слушателя, зрителя и т. д.).</p> <p>3 – участники вовлечены в проект и выражают полную готовность к последующему включению, причем не только в прежнем формате, но и в качестве помощников, волонтеров (т. е. взять на себя больше ответственности, чем в текущем проекте).</p>

3. Характер работы с молодежью в проекте	3.1. Формат участия молодежи в проекте.	<p>0 – проект предполагает участие молодежи только в качестве потребителя (слушателя, зрителя и т. п.)</p> <p>1 – молодежь включается в какую-то деятельность, но только в качестве рядового исполнителя, она не выполняет организаторские функции (например, участие в уборке территории).</p> <p>2 – проект предполагает активное участие молодежи с передачей ей части организаторских функций и ответственности.</p> <p>3 – молодежь является полноправным активным участником проекта, где предполагается не только выполнение организаторских функций, но проявление собственной инициативы при реализации проекта.</p>
	3.2. Способ включения молодежи в проект.	<p>0 – включение осуществляется исключительно посредством принудительных механизмов (заставили прийти).</p> <p>1 – включение носит добровольно-принудительный характер (согласился поучаствовать, поскольку надо было).</p> <p>2 – участники мероприятия пришли на него добровольно по персональному приглашению организатора (предложили и меня это заинтересовало).</p> <p>3 – участники мероприятия пришли на него добровольно по собственной инициативе (увидел или узнал от кого-то информацию о проводимом мероприятии и захотел в нем поучаствовать, поэтому включился в проект).</p>
	3.3. Качество организации мероприятия.	<p>0 – качество организации отвратительное (обратной связи нет, мероприятие реализуется с опозданием, заранее ничего не приготовлено, масса накладок и т. п.).</p> <p>1 – качество организации низкое (отмечаются небольшие проблемы в организации мероприятия).</p> <p>2 – качество организации среднее (в целом все прошло хорошо, но некоторые</p>

		<p>моменты можно было бы организовать лучше).</p> <p>3 – качество организации высокое (все организовано на самом высшем уровне, никаких нареканий нет).</p>
4. Польза проектов для молодежи и общества в целом	4.1. Польза для молодежи.	<p>0 – участники не видят для себя никакой конкретной пользы от проекта (проект не соответствует потребностям молодежи).</p> <p>1 – участники считают проект полезным, но конкретизировать, в чем же для них польза от него, не могут.</p> <p>2 – участники понимают, что им дает проект, в чем конкретно его польза, но не считают эту пользу значимой для себя.</p> <p>3 – участники видят конкретную пользу от проекта и оценивают ее как нужную/значимую для себя.</p>
	4.2. Общественная значимость проекта.	<p>0 – не понятно конкретно кому и какую пользу дает проект.</p> <p>1 – проект важен и приносит пользу лишь небольшой группе людей.</p> <p>2 – проект важен и несет пользу отдельным группам населения.</p> <p>3 – проект очень важен и несет пользу всему обществу.</p>
	4.3. Результат проекта, остающийся после его завершения.	<p>0 – после завершения проекта никаких общественно-полезных благ не остается.</p> <p>1 – остается только нематериальный социальный эффект от проекта, который сложно оценить (например, вырос патриотизм среди молодежи).</p> <p>2 – остаются какие-то материальные вещи, но которые сами по себе дают слабый социальный эффект (например, осталось оборудование, площадка для проведения мероприятий и т. п.).</p> <p>3 – после проекта остается что-то материальное, но создающее (усиливающее) и нематериальный социальный эффект от проекта (например, книги, фильмы, спортивные площадки и т. п.).</p>

Ограничения. Предлагаемая программа проведения внешней оценки эффективности проектов, реализуемых в сфере образования и молодежной политики Свердловской области, имеет ряд ограничений.

– В качестве субъектов оценки выступают не высококвалифицированные эксперты, специалисты в определенной области, а по сути потребители этих социальных проектов, соответственно данная методика не способна оценить качество проекта с точки зрения его научно-практической проработанности (например, качество разработанного образовательного продукта с точки зрения возрастной педагогики или соответствия современным методикам обучения). Методика позволяет лишь оценить восприятие проекта целевой аудиторией и/или простыми обывателями.

– Многие аспекты процесса реализации социального проекта не оцениваются, поскольку остаются скрытыми от экспертов, в поле зрения оценки попадает только организация работы с целевой аудиторией (молодежью) в ходе реализации проекта с позиции влияния проекта на молодежь и ее включения в социокультурное развитие территории (города/региона).

– Поскольку это промежуточная оценка, т. е. проводится, когда заявка уже прошла экспертизу и одобрена, а отчет по результатам еще не представлен, то результаты оценки могут зависеть от стадии жизненного цикла проекта. Это необходимо учитывать при обсуждении результатов оценки. Это также создает сложности и для работы экспертов при оценивании разных проектов, находящихся на разных стадиях жизненного цикла.

4. Методика проведения внешней оценки эффективности программ и проектов СОНКО, реализуемых в сфере образования и молодежной политики Свердловской области

Инструкция для оценщика. Перед вами методика оценки социальных проектов некоммерческих организаций, получивших поддержку Министерства образования и молодежной политики Свердловской области. Внимательно прочитайте инструкцию по работе, а затем последовательно приступайте к заполнению оценочного листа.

Анализ социальных проектов реализуется в два этапа. Первый предполагает кабинетное исследование, включающее анализ сайта, социальных сетей и публикаций о проекте в СМИ. Второй – полевой этап предполагает посещение мероприятия либо тестирование продуктового результата проекта, а также интервью с участниками и организаторами. Важно на этом этапе все фиксировать: делать фото и видео с мероприятий проекта, видео или аудиозаписи интервью с участниками и организаторами. Все эти материалы обязательно потом сдаются вместе с оценочным листом. По каждому из этапов в оценочной таблице заполняется соответствующий раздел.

Заполняйте оценочный лист последовательно, для каждого вопроса даны необходимые пояснения, при выборе номера ответа ориентируйтесь на их расшифровки, которые помогут вам дать более корректные ответы. При необходимости, если ситуация выходит за рамки предложенных вариантов ответа или если вы бы хотели дать более детальный ответ на какой-либо из вопросов, вы можете вписать свой комментарий. По вопросам, предполагающим выбор вариантов ответа, заполнение комментариев остается на усмотрение оценщика. На открытые вопросы, где нет заданного выбора, важно обязательно написать ответ.

После заполнения основных блоков в заключительной части оценочного листа дана таблица, где вам необходимо оценить основные показатели в баллах от 0 до 3. Вы самостоятельно определяете количество баллов по каждому критерию оценки проекта. Но при этом ориентируйтесь на заданную расшифровку шкалы оценок. Выставив баллы в таблицу, просуммируйте их и выставите итоговый балл проекту. А также отметьте свои основные замечания по проекту, требующие доработки, а также ваши рекомендации по доработке и совершенствованию проекта.

При возникновении некоторых трудностей в заполнении оценочного листа обратитесь к своему куратору за поддержкой.

Оценочный лист

Общая характеристика проекта и организации его реализующей

Название проекта

Полное название организации, реализующей проект _____

Адрес _____

ФИО руководителя _____

Первый этап – анализ сайта, социальных сетей и публикаций

о проекте в СМИ

Введите в поисковую систему название организации (рекомендуется при анализе использовать минимум две поисковые системы (например, Google и Яндекс)).

1) Сайт организации:

- а) появляется 1–5 ссылкой поискового запроса;
- б) появляется 6–15 ссылкой поискового запроса;
- с) не находится.

2) При наличии укажите адрес сайта организации _____.

3) Дата последнего обновления информации на сайте _____.

4) Разделы сайта...

- а) открываются и содержат необходимую информацию (информация соответствует названию раздела, является актуальной, раскрывает специфику организации);
- б) открываются, но не являются содержательными (информация давно не обновлялась /разделы дублируют друг друга);
- с) отсутствуют/не открываются/не содержат информации.

5) На сайте представлены контакты (адрес электронной почты, номер телефона и т.

п.) для связи с представителями организации?

- а) Да, представлено несколько контактов для связи с организацией;
- б) Да, представлен один контакт для связи с организацией;

- е) Контакты отсутствуют.
- 6) Попробуйте связаться с организацией, написав письмо на электронную почту (можете попросить уточнить какую-либо информацию). Вами был получен ответ?
 - а) Ответ получен в течение 3-х рабочих дней;
 - б) Ответ получен, но пришлось ждать более 3-х рабочих дней;
 - с) Ответ получен не был.
- 7) Представлена ли информация об анализируемом проекте на сайте организации?
 - а) Информация о проекте представлена на сайте;
 - б) Информация не представлена;
 - с) Информации о проекте на сайте организации нет, но есть отдельный сайт проекта.

При наличии отдельного сайта проекта укажите его _____.

8) Сделайте вывод по качеству сайта, оцените от 1 (очень плохо) до 5 (отлично) следующие параметры:

- а) Привлекательность сайта для молодежной аудитории _____;
- б) Полноту раскрытия информации о проекте на сайте _____;
- с) Возможности сайта для установления взаимодействия с организацией и включения в проект _____.

9) Отметьте ваше субъективное впечатление от сайта. Какое у Вас осталось впечатление после его посещения? Выделите преимущества и недостатки сайта, которые бы Вам хотелось отметить (в случае если они есть):

Введите в поисковую систему название организации (рекомендуется при анализе использовать минимум две поисковые системы (например, Google и Яндекс)). Удастся ли таким образом найти аккаунты организации в социальных сетях? Есть ли упоминание о социальных сетях на сайте организации? В случае отсутствия результата просмотрите информацию, представленную в заявке, попробуйте провести процедуру повторно, но не в поисковой системе, а в социальных сетях.

10) Аккаунты в социальных сетях:

- а) находятся по поисковому запросу, а также упомянуты на сайте организации;
- б) находятся по поисковому запросу, но не упомянуты на сайте организации;
- с) обнаружены не были.

11) Перечислите все найденные аккаунты _____
_____.

12) Насколько активно ведутся найденные Вами социальные сети (для этого необходимо просмотреть публикации в социальной сети за последние полгода-год, т. к. это срок проведения большинства проектов)?

- а) Ведутся активно (в аккаунте размещается 10 и более публикаций в месяц);
- б) Ведутся малоактивно (в аккаунте размещается менее 10 публикаций в месяц);
- с) Социальные сети не были найдены/не ведутся.

13) Оцените активность подписчиков/посетителей аккаунтов в социальной сети организации. Для этого рассчитайте коэффициент вовлеченности = (лайки+комментарии)/ число подписчиков *100 %.

- а) Уровень активности высокий (коэффициент вовлеченности >3,5 %);
- б) Уровень активности средний (коэффициент вовлеченности от 1 % до 3,5 %);
- с) Уровень активности низкий (коэффициент вовлеченности <1 %).

14) Представлена ли информация об анализируемом проекте в социальных сетях организации?

- а) Да, представлена во всех социальных сетях организации;
- б) Да, представлена в некоторых социальных сетях организации;

- c) Нет, не представлена;
- d) Информации о проекте в соцсети организации нет, но есть отдельная группа проекта в социальных сетях.

При наличии отдельной группы проекта в социальных сетях укажите его аккаунт(ы) _____.

15) Сделайте вывод по качеству социальных сетей, оцените от 1 (очень плохо) до 5 (отлично) следующие параметры:

- a) Привлекательность аккаунтов в социальных сетях для молодежной аудитории _____;
- b) Полноту раскрытия информации о проекте в социальных сетях _____;
- c) Возможности аккаунтов в социальных сетях для установления взаимодействия с организацией и включения в проект _____.

16) Отметьте ваше субъективное впечатление от посещения аккаунтов в социальных сетях. Какое у Вас сложилось о них впечатление? Выделите преимущества и недостатки, которые бы Вам хотелось отметить (в случае если они есть):

17) Представлен ли график мероприятий в социальных сетях/сайте проекта или организации?

- a) Да, представлен на нескольких площадках;
- b) Да, представлен на одной из площадок;
- c) Не представлен в открытом доступе.

Второй этап – анализ мероприятия

Если проект ориентирован на создание определенного продукта (например, методическое пособие, фильм и т. п.), а не на проведение мероприятий, то перейдите сразу к пункту 24.

При посещении мероприятия возьмите интервью у участников проекта из числа молодежи, а также у организаторов и/или руководителя проекта. Перед интервью просмотрите вопросы в этом разделе, чтобы узнать, какую информацию вам необходимо получить, также в интервью вы можете уточнить все вопросы, которые у вас возникли при заполнении других разделов оценочного листа (например, наличие сайта или соцсетей, если вы не смогли их найти). Перед проведением интервью зафиксируйте ФИО, возраст и роль (должность при наличии) в проекте. В прил. 1 к оценочному листу дан список примерных вопросов для интервью. Все ответы фиксируйте на диктофон или видео. Также обязательно сделайте фотографии с мероприятия проекта, отражающие его основные характеристики (количество участников, их интерес, включенность в работу и т. п.). После сбора всех материалов приступайте к заполнению оценочного листа.

18) Кратко опишите мероприятие и свои впечатления от него. Что вам понравилось, а что не понравилось на мероприятии?

19) Вовремя ли было начато мероприятие?

- а) Да;
- б) Начало мероприятия задержано, но не более чем на 15 мин.;
- с) Начало мероприятия задержано более чем на 15 мин.

20) Соответствует ли реализация мероприятия тому, что описано в заявке?

- a) Соответствует;
 - b) Соответствует частично (мероприятие в целом соответствует тому, что написано в заявке о нем, но есть одно-два расхождения (например, мероприятие длится дольше либо меньше, чем планировалось, какие-либо активности/спикеры, которые должны были быть, отсутствуют, изменено место проведения мероприятия и т. д.));
 - c) Не соответствует (мероприятие полностью/почти полностью не соответствует тому, что написано в заявке о нем, расхождений очень много, мероприятие не похоже на то, что планировалось провести).
- 21) Соответствует ли указанная в заявке целевая аудитория фактической?
- a) Соответствует;
 - b) Соответствует частично (целевая аудитория в целом соответствует заявленной, но есть небольшие расхождения, касающиеся не более чем 30 % целевой аудитории (например, несоответствие возраста участников, принадлежности к определенной социальной группе и т. д.));
 - c) Не соответствует (целевая аудитория не соответствует заявленной более чем на 30 %).
- 22) Соответствует ли количество участников, указанному в заявке?
- a) Соответствует – участников даже больше, чем указано в заявке;
 - b) Участников меньше, чем указано в заявке (не на более чем 30 %);
 - c) Участников меньше, чем указано в заявке более чем на 30 %.
- 23) Насколько целевая аудитория заинтересована проектом (для этого проанализируйте поведение целевой аудитории на мероприятии, участвуют ли они в происходящем процессе с интересом, увлечением)?
- a) Заинтересована;
 - b) Частично заинтересована (целевая аудитория с увлечением участвует в мероприятии, но часть активностей ей неинтересна (не более 30 % активностей); часть аудитории с увлечением участвует в мероприятии, но другой части аудитории неинтересно (не более 30 % аудитории));

- с) Проект неинтересен целевой аудитории (целевая аудитория без интереса, с явным нежеланием участвует в активностях мероприятия либо вовсе их игнорирует (более 30 % активностей); часть аудитории без интереса, с явным нежеланием участвовать в мероприятии либо вовсе игнорирует происходящее (более 30 % аудитории)).

24) Что из себя представляет продуктовый результат проекта? Сделайте его краткое описание.

25) Будет ли продукт актуален вне проекта?

- а) Да, продуктом можно продолжать пользоваться и после окончания проекта, он также будет продолжать приносить пользу;
- б) Нет, после окончания проекта использование продукта невозможно.

26) Соответствует ли получившийся продукт тому, что описано в заявке?

- а) Соответствует;
- б) Соответствует частично (продукт соответствует тому, что написано в заявке о нем, но есть одно-два расхождения (например, формат/объем продукта изменен, частичное несоответствие содержания, не хватает определенных блоков и т. д.));
- с) Не соответствует (продукт полностью/почти полностью не соответствует тому, что написано в заявке о нем, расхождений очень много, продукт не похож на то, что планировалось создать).

27) Легко ли получить доступ к продуктовому результату проекта?

- а) Любой человек может воспользоваться продуктом, он находится в открытом доступе;
- б) Любой человек может получить доступ к продукту, но необходимо сделать запрос у организаторов проекта;

- с) Только участники проекта могут воспользоваться продуктом, так как он доступен только для них.

28) Какое участие молодежи предполагается в проекте? (можно выбрать несколько вариантов ответа):

- а) Молодежь является потребителем продукта (слушателем, зрителем и т. д.);
- б) Молодежь привлекается к тестированию продукта (испытание, исследование продукта до его запуска);
- с) Молодежь распространяет информацию о продукте или популяризирует проект;
- д) Молодежь привлекается к созданию продукта;
- е) Молодежь является участником мастер-классов;
- ж) Молодые люди как участники проекта выступают в роли преподавателей/организаторов на мероприятии;
- з) Молодежь включается в проект в качестве волонтеров;
- и) Другое _____.

29) Какое участие молодежи отсутствует в проекте, но может быть реализовано в будущем? (можно выбрать несколько вариантов ответа):

- а) Молодежь могла бы являться потребителем продукта (слушателем, зрителем и т. д.);
- б) Молодежь могла бы привлекаться к тестированию продукта (испытание, исследование продукта до его запуска);
- с) Молодежь могла бы распространять информацию о продукте или популяризировать проект;
- д) Молодежь могла бы привлекаться к созданию продукта;
- е) Молодежь могла бы выступать в роли преподавателей/организаторов в проекте;
- ж) Молодежь может привлекаться в качестве волонтеров;
- з) Другое _____.

30) Предполагается ли масштабирование проекта?

- a) Проект расширяет границы своей деятельности, вовлекает новых участников;
 - b) Проект не масштабируется, но это возможно в будущем;
 - c) Масштабирование проекта невозможно в принципе.
- 31) Предполагается ли продолжение проекта в будущем?
- a) Да;
 - b) Нет.
- 32) Как организаторы привлекают молодежь к проектам? (можно выбрать несколько вариантов ответа):
- a) Привлекают с помощью социальных сетей;
 - b) Привлекают с помощью возможности прохождения практики/стажировки на базе проекта;
 - c) Привлекают с помощью возможности получения новых знаний/участия в конкурсе, чемпионате, олимпиаде и т. д.;
 - d) Привлекают с помощью учебных и иных заведений (распространяют через них информацию, при этом участвовать/не участвовать в проекте целевая аудитория решает самостоятельно, добровольно);
 - e) Привлекают с помощью сарафанного радио;
 - f) Реализуют на базе учебных заведений, где есть целевая аудитория проекта (в проекте должны участвовать все, к кому пришли организаторы);
 - g) Никак не привлекают, проект направлен на «своих» (организаторы никак не привлекают участников в проект нельзя включиться по собственному желанию, организаторы реализуют проект на базе своего учреждения/сообщества и т. д.);
 - h) Другое _____.
- 33) Участие в мероприятии – инициатива самих участников или они пришли по приглашению организаторов, или это обязательное мероприятие (для класса, группы, школы и т. п.)? Сделайте вывод по большинству.
- a) Участники по собственной инициативе пришли на мероприятие/ участники по собственной инициативе используют продукт;

- b) Участников попросили прийти, но они были не против/участников попросили воспользоваться продуктом, но они не были против;
 - c) Участников обязали прийти (не прийти было нельзя), участники не хотели присутствовать на данной мероприятии/участники обязали воспользоваться продуктом (не воспользоваться было нельзя), участники не хотели использовать продукт.
- 34) Готова ли целевая аудитория участвовать в проекте в будущем?
- a) Участники готовы в будущем участвовать в проекте;
 - b) Участники еще не знают, хотят ли они в будущем участвовать в проекте;
 - c) Участники скорее не готовы участвовать в проекте в будущем.
- 35) Считает ли целевая аудитория проекта его нужным, важным?
- a) Участники проекта считают его важным/нужным;
 - b) Участники затрудняются ответить на вопрос о важности проекта;
 - c) Участники считают, что не нужно реализовывать данный проект.
- 36) Какие формы участия целевая аудитория хотела бы видеть для себя в проекте? (можно выбрать несколько вариантов ответа):
- a) Молодежь хотела бы быть слушателем/зрителем;
 - b) Молодежь хотела бы быть пользователем продукта проекта/участвовать в мастер-классах;
 - c) Молодежь хотела бы распространять информацию о проекте;
 - d) Молодежь хотела бы принимать участие в тестировании/создании продукта, быть организатором/преподавателем/волонтером проекта и т. д.);
 - e) Другое _____.
- 37) Как целевая аудитория проекта узнала о его реализации? Сделайте вывод по большинству:
- a) Через социальные сети;
 - b) Информацию о реализации проекта распространяли через учебное или иное заведение;
 - c) Через сарафанное радио (родственников, друзей, знакомых и т. д.);

- d) Проект реализуют на базе учебного заведения, где всех обязали принять участие в проекте;
- e) Целевая аудитория проекта является участником какого-либо сообщества/учреждения и т. д., внутри которого проект реализуется;
- f) Другое _____.

Балльная оценка качества реализации проекта

На основе проанализированной выше информации произведите оценку проекта, выставив соответствующие баллы по каждому показателю (табл. 46).

Таблица 46

Оценка проекта по показателям в баллах

Составляющая процесса реализации проекта	Показатели замера	Балл
1. Информирование целевой аудитории о проекте	1.4. Информационная открытость (доступность)	
	0 – информации о проекте и проводимых мероприятиях в интернет-пространстве найти не получается. 1 – в открытом доступе информации о проекте очень мало и ее трудно найти. 2 – информации достаточно, она хорошо находится, но она размещена на ограниченном числе площадок (1–2). 3 – информация легко находится, ее много, т. к. используются различные каналы и площадки для информирования.	
	1.5. Своевременность размещения информации о проекте и его мероприятиях	
	0 – анонсов о проводимых мероприятиях не делается, информация о мероприятиях выставляется уже после их проведения. 1 – информация о предполагаемом мероприятии публикуется буквально накануне и не содержит точных сведений (например, о времени или месте, где состоится мероприятие). 2 – информация о мероприятиях проекте и его мероприятиях публикуется заранее и содержит все необходимые сведения для дальнейшего включения,	

	<p>но это разовое информирование, повторов не делается.</p> <p>3 – информация о проекте и проводимых мероприятиях публикуется заранее и периодически дублируется ближе к дате проведения мероприятия, а также содержит все необходимые сведения для дальнейшего включения.</p>	
	<p>1.6. Полнота информации о проекте и проводимых мероприятиях</p> <p>0 – какая-либо информация о проекте отсутствует.</p> <p>1 – имеющаяся в открытых источниках информация не раскрывает суть проекта, плохо понятно, что конкретно будет сделано в рамках проекта.</p> <p>2 – имеющаяся информация позволяет в общих чертах понять суть проекта и что примерно будет реализовано в рамках этого проекта.</p> <p>3 – имеющаяся информация очень подробна, она полностью раскрывает суть проекта, его детали, что и как будет реализовано в проекте.</p>	
Итоговый балл по оценке информирования целевой аудитории о проекте		
2. Интерес к проекту со стороны молодежи	<p>2.1. Реакция целевой аудитории на проект</p> <p>0 – реакция отсутствует (в соцсетях отсутствует какой-либо отклик на информацию о проекте, на мероприятии молодежь не проявляет никакого интереса к происходящему).</p> <p>1 – очень слабый отклик в соцсетях (несколько лайков, отсутствие комментариев, репостов и т. п.), на мероприятии лишь часть присутствующих проявляет интерес.</p> <p>2 – есть некоторый интерес аудитории к проекту в соцсетях (более десятка лайков, имеются комментарии, есть единичные репосты), на мероприятии участники проявляют интерес.</p> <p>3 – отмечается огромный интерес аудитории к проекту как в соцсетях (масса лайков, комментариев, репостов, положительных отзывов), так и на самом мероприятии (участники активны, эмоционально включены, с восторгом отзываются после мероприятия).</p>	
	2.2. Включенность участников в проект	

	<p>0 – участники не знают, о чем проект, не понимают его результатов; участие в мероприятии формальное без осознанности и понимания задач.</p> <p>1 – участники проекта не владеют полной информацией о проекте, но примерно понимают, в чем его суть, без детализации (случайное участие).</p> <p>2 – участники достаточно хорошо информированы о сути проекта, в общих чертах понимают, в чем его социальная значимость и ожидаемый результат, но личной ответственности в проекте не ощущают.</p> <p>3 – большинство участников проекта владеют полной информацией о проекте, его результатах, социальной значимости, их участие отличается высоким уровнем осознанности и принятием личной ответственности за результат проекта.</p>	
	<p>2.3. Готовность к последующему включению в подобные проекты</p> <p>0 – проект не привлекает, повторно участвовать в чем-то подобном желания нет.</p> <p>1 – проект участниками оценивается как вполне привлекательный, но особого желания повторно включаться в этот или подобные проекты не вызывает.</p> <p>2 – участники выражают заинтересованность и готовность принять участие в проекте еще раз, но исключительной в той же форме (слушателя, зрителя и т. д.).</p> <p>3 – участники вовлечены в проект и выражают полную готовность к последующему включению, причем не только в прежнем формате, но и в качестве помощников, волонтеров (т. е. взять на себя больше ответственности, чем в текущем проекте).</p>	
<p><i>Итоговый балл по оценке интереса к проекту со стороны молодежи</i></p>		
<p>3. Характер работы с молодежью в проекте</p>	<p>3.1. Формат участия молодежи в проекте</p> <p>0 – проект предполагает участие молодежи только в качестве потребителя (слушателя, зрителя и т. п.).</p> <p>1 – молодежь включается в какую-то деятельность, но только в качестве рядового исполнителя, она не выполняет организаторские функции (например, участие в уборке территории).</p>	

	<p>2 – проект предполагает активное участие молодежи с передачей ей части организаторских функций и ответственности.</p> <p>3 – молодежь является полноправным активным участником проекта, где предполагается не только выполнение организаторских функций, но проявление собственной инициативы при реализации проекта.</p>	
	<p>3.2. Способ включения молодежи в проект</p> <p>0 – включение осуществляется исключительно посредством принудительных механизмов (заставили прийти).</p> <p>1 – включение носит добровольно-принудительный характер (согласился поучаствовать, поскольку надо было).</p> <p>2 – участники мероприятия пришли на него добровольно по персональному приглашению организатора (предложили и меня это заинтересовало).</p> <p>3 – участники мероприятия пришли на него добровольно по собственной инициативе (увидел или узнал от кого-то информацию о проводимом мероприятии и захотел в нем поучаствовать, поэтому включился в проект).</p>	
	<p>3.3. Качество организации мероприятия</p> <p>0 – качество организации отвратительное (обратной связи нет, мероприятие реализуется с опозданием, заранее ничего не подготовлено, масса накладок и т. п.).</p> <p>1 – качество организации низкое (отмечаются небольшие проблемы в организации мероприятия).</p> <p>2 – качество организации среднее (в целом все прошло хорошо, но некоторые моменты можно было бы организовать лучше).</p> <p>3 – качество организации высокое (все организовано на самом высшем уровне, никаких нареканий нет).</p>	
<i>Итоговый балл по оценке характера работы с молодежью в проекте</i>		
4. Польза проектов для молодежи и общества в целом	<p>4.1. Польза для молодежи</p> <p>0 – участники не видят для себя никакой конкретной пользы от проекта (проект не соответствует потребностям молодежи).</p>	

	<p>1 – участники считают проект полезным, но конкретизировать, в чем же для них польза от него, не могут.</p> <p>2 – участники понимают, что им дает проект, в чем конкретно его польза, но не считают эту пользу значимой для себя.</p> <p>3 – участники видят конкретную пользу от проекта и оценивают ее как нужную/значимую для себя.</p>	
	<p>4.2. Общественная значимость проекта</p> <p>0 – не понятно: конкретно кому и какую пользу дает проект.</p> <p>1 – проект важен и приносит пользу лишь небольшой группе людей.</p> <p>2 – проект важен и несет пользу отдельным группам населения.</p> <p>3 – проект очень важен и несет пользу всему обществу.</p>	
	<p>4.3. Результат проекта, остающийся после его завершения</p> <p>0 – после завершения проекта никаких общественно-полезных благ не остается.</p> <p>1 – остается только нематериальный социальный эффект от проекта, который сложно оценить (например, вырос патриотизм среди молодежи).</p> <p>2 – остаются какие-то материальные вещи, но которые сами по себе дают слабый социальный эффект (например, осталось оборудование, площадка для проведения мероприятий и т. п.).</p> <p>3 – после проекта остается что-то материальное, но создающее (усиливающее) и нематериальный социальный эффект от проекта (например, книги, фильмы, спортивные площадки и т. п.).</p>	
	<i>Итоговый балл по оценке пользы проектов для молодежи и общества в целом</i>	
<i>Итого</i>		

Ваши рекомендации по улучшению проекта

Примерный перечень вопросов для интервью с участниками проекта

1. Откуда Вы узнали об этом проекте?
2. Почему Вы решили принять участие в данном проекте?
3. О чем этот проект?
4. Что Вас больше всего привлекает в подобных проектах? Что мотивирует принимать участие?
5. В чем вы видите пользу и социальную значимость проекта?
6. Какие формы участия (слушатель, зритель, волонтер и т. д.) для Вас наиболее интересны и приемлемы?
7. Видите ли Вы пользу для себя?
8. Готовы ли принимать в этом или подобных проектах в будущем?
9. Считаете ли Вы, что своим участием вносите вклад в развитие города и общества? Если да, то каким образом?
10. Являются подобные проекты эффективными молодежной аудитории? Если да, то почему? А для общества в целом?

Примерный перечень вопросов для интервью с организаторами проекта

1. Почему, с какой целью реализован этот проект (мероприятие)?
2. В чем вы видите вклад этого проекта в развитие города, местного сообщества? В чем вы видите его социальную значимость?
3. Насколько активно молодежь принимает участие в проекте?
4. Как организаторы привлекают молодежь к участию в проекте?
5. Какие формы активности для молодежи предполагаются в проекте и в каких она участвует?
6. В чем польза проекта для молодежи?
7. Предполагается ли дальнейшее масштабирование проекта? Если да, то как?

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
1. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМ УЧАСТИЕМ МОЛОДЕЖИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ ГОРОДОВ	12
1.1. Теоретические основания социокультурной субъектности городской молодежи	12
1.2. Концептуализация управления социальным участием студенческой молодежи	19
1.3. Социокультурное развитие городов в международной повестке и направлениях современных исследований	34
1.4. Моделирование управления молодежным участием в социокультурных городских проектах	44
1.5. Об исследовательской методологии междисциплинарного проекта по изучению социального участия молодежи городов в регионах России и постсоветских стран	52
2. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ И СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА МОЛОДЕЖНОГО УЧАСТИЯ В РАЗВИТИИ ГОРОДОВ РОССИИ, АРМЕНИИ, РУМЫНИИ И ПОЛЬШИ	65
2.1. Общемировые тренды в разработке и реализации молодежной политики в социокультурной сфере	65
2.2. Нормативно-правовой и организационный контекст участия молодежи в социокультурном развитии городов России и постсоветских стран	82
2.3. Культурно-исторические особенности и урбанистическая среда формирования социокультурной субъектности молодежи Екатеринбурга, Гюмри, Тимишоары и Познани: сравнительные характеристики	97

3. КЕЙС-СТАДИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК МОЛОДЕЖИ И УПРАВЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫМ УЧАСТИЕМ МОЛОДЫХ ГОРОЖАН В ПРОСТРАНСТВЕ ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН: КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ	124
3.1. Конструирование символического пространства города в практиках молодежного участия	124
3.2. Визуализация символического пространства Гюмри, Тимишоары и Екатеринбурга	131
3.3. Моделирование управления социальным участием молодежи как опыт обобщения лучших практик и социокультурных городских проектов	149
4. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ УЧАСТИЯ СТУДЕНЧЕСТВА В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ ГОРОДОВ РОССИИ И СТРАНАХ ПОСТКОММУНИСТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА	163
4.1. Опыт социального участия студенчества России и постсоветских стран и социокультурные факторы, оказывающие на него влияние	163
4.2. Потенциал управления молодежным участием в социокультурном развитии городов разных стран	189
5. СОЦИАЛЬНОЕ УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ В СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ ГОРОДОВ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ: ПОТЕНЦИАЛ УПРАВЛЕНИЯ	206
5.1. Региональные особенности инфраструктуры социального участия молодежи в городах Свердловской области	206
5.2. Реальный опыт и информированность городской молодежи Среднего Урала о возможностях социального участия в социокультурных проектах	226
5.3. Потенциал управления молодежным участием в культурной сфере городов Свердловской области	237

5.4. Управление практиками виртуального участия молодежи Свердловской области в социокультурном развитии городов	253
Заключение	265
Приложение	267

Научное издание

**СОЦИАЛЬНОЕ УЧАСТИЕ МОЛОДЕЖИ В
СОЦИОКУЛЬТУРНОМ РАЗВИТИИ ГОРОДОВ РОССИИ И
ПОСТСОВЕТСКИХ СТРАН:
ПОТЕНЦИАЛ И МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ**

Монография

*Певная Мария Владимировна
Быстрова Татьяна Юрьевна
Костина Светлана Николаевна
Кульминская Алина Владимировна
Минченко Дарья Вячеславовна
Нотман Ольга Валерьевна
Тарасова Анна Николаевна
Телепаева Дарья Фёдоровна
Федорова Мария Сергеевна
Черникова-Бука Марьяна
Шуклина Елена Анатольевна*

Ответственный за выпуск С. В. Кульмин

Редактор Н. В. Роцина

Компьютерная верстка Д. Ф. Телепаева

Подписано в печать 21.01.2023.
Формат 60×84/16. Усл. печ. 17,8 л.
Гарнитура Times.
Бумага офсетная. Тираж 500 экз. Заказ № 97.

Издательство Уральского университета
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург-83, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 358-93-06, 350-90-13, 358-93-22, 350-58-20
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-urfu@mail.ru
<http://print.urfu.ru>

